

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯ, ЛиРК
/И.В. Евсева /
«16» июня 2017 г.

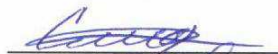

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

КОНЦЕПТ «ЧУЖОЙ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант

Е.С. Смирнов

Научный руководитель

д-р филол. наук, проф.

О.В. Фельде

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	8
1.1. Лингвокультура, языковая картина мира, ценностная картина мира: соотношение понятий.....	8
1.2. Исследования языка и культуры Приангарья.....	15
1.3. Лингвокультурные концепты и стереотипы.....	19
1.4. Исследования концепта «чужой» и «другой» в философии и литературоведении.....	24
1.5. Особенности лингвистического подхода к исследованию концептов «чужой» «другой».....	27
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	34
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	37
2.1. Экстралингвистические факторы формирования концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре	37
2.2. Структура и содержание концепта «чужой».....	42
2.3. Субконцепт «спецпоселенцы» в ангарской лингвокультуре.....	44
2.4. Субконцепт «заключенный» в ангарской лингвокультуре.....	59
2.5. Субконцепт «иногородцы» в ангарской лингвокультуре.....	67
2.6. Субконцепт «другие ангарцы» в ангарской лингвокультуре.....	82
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	89
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	92
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	98
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	114

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование носит междисциплинарный характер и выполняется на стыке лингвокультурологии и коммуникативной диалектологии.

Актуальность работы определяется, во-первых, её включенностью в коммуникативно-дискурсивную парадигму современной лингвистики; во-вторых, возможностью расширить эмпирическую базу лингвистики для решения фундаментальных проблем «язык и культура», «язык и оценка»; в-третьих, необходимостью исследования особенностей региональной сибирской лингвокультуры, которая зафиксирована в текстах разных жанров, в том числе и в устных рассказах о «чужих»; в-четвёртых, недостаточной изученностью содержания концепта «чужой» на диалектном материале.

Целью данного исследования является анализ структуры и языковой экспликации концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре XXI в.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных **задач**:

1. Рассмотреть и сопоставить понятия «лингвокультура», «языковая картина мира», «ценностная картина мира»;
2. Представить аналитический обзор работ о концепте «чужой»;
3. Рассмотреть экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре;
4. Выявить содержание и определить тип концепта «чужой»;
5. Проанализировать понятийную и ценностную составляющую субконцептов сложного концепта «чужой»: «спецпоселенцы», «заключённые», «инородцы», «другие ангарцы».

Объектом магистерской работы является концепт «чужой» в ангарской лингвокультуре. Концепт «чужой» представляет собой сложное многомерное образование, формируемое компонентами-смыслами и реализуемое языковыми средствами. Выбор данного сложного концепта обусловлен его значимостью

для исследования региональной лингвокультуры и мировидения коренных жителей Приангарья.

Предметом исследования выступают особенности структуры и языковой репрезентации сложного концепта «чужой» и его базовых для ангарской лингвокультуры субконцептов: «спецпоселенцы», «заключённые», «инородцы», «другие ангарцы».

Эмпирическим материалом данного исследования являются:

1. Устные рассказы коренных жителей Северного Приангарья, записанные в ходе диалектологических практик студентов Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета под руководством О.В. Фельде;

2. Тексты, записанные в условиях диалектологических экспедиций и научных командировок автора в Кежемский и Богучанский районы Красноярского края;

3. Тексты Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов, представленные в иллюстративной части «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой (2007–2015).

Теоретико-методологической базой магистерской диссертации являются работы отечественных учёных в области:

1) лингвокультурологии [Карасик, 2002; Степанов, 1997];

2) лингвистической аксиологии и этнопсихолингвистики [Арутюнова, 1988; Алефиренко, 2010; Красных, 2002];

3) коммуникативной диалектологии [Демешкина, 2000; Гольдин, 2001; 2002; 2009 и др.].

В ходе исследования использовались следующие **методы и приемы**:

1. На этапе сбора материала – интервьюирование информантов и сплошная выборка текстов о «чужих» из имеющейся текстовой базы данных;

2. На исследовательском этапе – методы контекстуального и лингвокультурологического анализа, а также метод лингвистического описания. При этом основным является метод лингвокультурологического анализа, который позволил выявить и описать многокомпонентную структуру исследуемого концепта.

Научная новизна работы заключается в том, что в лингвистический оборот впервые вовлекается значительный по объему массив диалектных текстов, в которых эксплицируются понятия и представления местных жителей о чужих. Анализ данного концепта прежде на диалектном ангарском материале не проводился.

Практическое значение магистерской диссертации состоит в том, что её результаты и выводы могут использоваться в практике преподавания различных теоретических и практических дисциплин: в курсах по лингвокультурологии и коммуникативной диалектологии; на занятиях по истории Сибирского региона, Красноярского края и районов Северного Приангарья, а также при написании курсовых и дипломных работ по лингвокультурологии и других дисциплин, в которых изучается концептосфера и ценностная картина мира различных субэтнических групп.

Социокультурное значение исследования лингвокультуры Нижнего Приангарья состоит в том, что с помощью изучения языковой и культурологической составляющей данного региона Сибири можно сохранить и популяризировать как духовную, так и материальную культуру для потомков коренных ангарцев в эпоху глобальных перемен.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что в данной работе уточняются особенности концепта «чужой» как одного из ключевых концептов ангарской и русской лингвокультур.

Апробация результатов исследования. Основные результаты магистерской диссертации были представлены на X Международной научно-

практической конференции «European Research» (Пенза, 20 мая 2017 г.); Международной научно-практической конференции молодых исследователей "Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека" (Красноярск, 25 апреля 2017 г.); VII Международной научно-методической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты» (Новосибирск, 29–30 марта 2017 г.); II Всероссийской научно-практической конференции "Россия – пространство диалога народов" (Новосибирск, 27–30 апреля 2017 г.); 54-ой Международной научной студенческой конференции «МНСК-2016» (Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г.); Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Молодёжь и наука: проспект Свободный», посвящённой Году образования в Содружестве Независимых Государств (Красноярск, 15–25 апреля 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира» (Красноярск, 14–16 сентября 2016 г.), а также на Межрегиональном научно-практическом семинаре «Дискурсивное пространство Сибири» (Красноярск, 9–10 ноября 2015 г.). Материалы исследования были удостоены диплома первой степени на VI Международном научно-практическом конкурсе «Лучшая научная статья 2017» (Пенза, 25 февраля 2017 г.).

Материалы магистерской диссертации опубликованы в 7 научных статьях, а также в 2 статьях, принятых в печать научными издательствами НГУ и НГТУ (г. Новосибирск).

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 171 наименование и 4 приложения. Во введении раскрывается актуальность работы, ставятся цели и задачи, определяется предмет, объект, методы и приемы исследования, говорится о новизне, практической и теоретической значимости, а также апробации результатов исследования. В первой главе рассмотрены

понятия национальной и региональной лингвокультуры, т.е. воплощенной и закреплённой в текстах разных жанров национальной и региональной культуры, а также выявлены особенности лингвокультурных концептов, к которым относится концепт «чужой» и представлен аналитический обзор работ о концептах «чужой» и «другой» в философии, литературоведении и лингвистике. Во второй главе рассматривается структура сложного концепта «чужой» и языковая экспликация его базовых субконцептов: «спецпоселенцы», «заключённые», «инородцы», «другие ангарцы». В приложении А представлены устные рассказы коренных жителей Приангарья о спецпоселенцах; в приложении Б – устные рассказы о заключённых; в приложении В – устные рассказы об инородцах; в приложении Г – устные рассказы о «верховских» и «низовских» ангарцах.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Лингвокультура, языковая картина мира, ценностная картина мира: соотношение понятий

В русле антропоцентрической парадигмы, «...возвратившей человеку статус "меры всех вещей" и вернувшей его в центр мироздания» [Воркачѳв, 2001], выделяется дисциплина, получившая своё бурное развитие в середине 90-х гг. XX века – лингвокультурология, в центре внимания которой вопросы взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования, материальная и духовная культура, отражѳнная в языке.

Методология, проблематика и ключевые понятия лингвокультурологии описаны в многочисленных работах Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2010], С.Г. Воркачѳва [Воркачѳв, 2008], В.В. Воробьѳва [Воробьѳв, 1997], В.И. Карасика [Карасик, 2002], В.В. Красных [Красных, 2003], В.А. Масловой [Маслова, 2001], Ю.С. Степанова [Степанов, 1997] и других отечественных учѳных.

Идея специфической научной триады язык–культура–человек была высказана в трудах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 2000], а затем развита в работах А.А. Потебни [Потебня, 1976], Э. Сепира [Сепир, 1993], Б. Уорфа [Уорф, 1960] и др. Со временем человек и его коммуникативное взаимодействие с миром, связь с культурой, а также отражение в языке культурных кодов, символов и образов захватило многие области науки в XX веке и до сих пор, антропоцентризм остаѳтся ведущим принципом в работах лингвистов, философов, антропологов, этнологов, культурологов. Помимо этого, в рамках лингвокультурологии исследуется менталитет этноса, а также менталитет этноса и отдельных социальных и этнических групп; исследуются основные

константы культуры, ценности, ключевые слова и т.д., составляющие основу мировоззрения и мировидения людей.

Одной из актуальных задач отечественной лингвокультурологии является выявление особенностей таких феноменов, как лингвокультура, языковая картина мира и ценностная картина мира.

Следует отметить, что несмотря на большую популярность использования термина «лингвокультура» в различных исследованиях, до сих пор отсутствует его общепринятая дефиниция. Самым распространённым является определение лингвокультуры как культуры того или иного этноса, которая получает своё выражение в языке. По мнению В.В. Красных лингвокультура тесно связана с языковым сознанием: «Лингвокультура является лингво-когнитивным феноменом <...>, формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки...» [Красных, 2012: 72]. Ещё один представитель московской школы лингвокультурологии, В.Н. Телия, считает, что под лингвокультурой следует понимать третью семиотическую систему, в которой различные знаки языка выступают как тела знаков культуры (См. об этом подробнее [Телия, 1996]).

По мнению исследователей, лингвокультура выполняет несколько функций: *конгломерирующую*, т.е. объединяет «своих»; дифференцирующую, которая позволяет отграничивать «своих» от «чужих» и «других»; *легитимирующую*, придающую определённому феномену статус признанного или достойного, оправдывающую или утверждающую его необходимость; *идентифицирующую*, которая устанавливает принадлежность кого-то или чего-то к тому или иному сообществу, группе [Красных, 2012: 69–70].

Под лингвокультурой нами понимается особый когнитивно-коммуникативный феномен; результат отражения в устных и письменных текстах разных жанров целостной и одновременно гетерогенной духовной и материальной культуры того или иного этноса, субэтнической или социальной

группы. Отталкиваясь от данного определения под ангарской лингвокультурой мы понимаем русскую культуру, отражённую в региональном языковом сознании и вербализованную в устных и письменных ангарских текстах.

Отечественные лингвисты выделяют две разновидности лингвокультуры: национальную и региональную. Национальная лингвокультура содержит, в первую очередь, концепты, которые связаны с языком и культурой тех, кто проживает на одной и той же территории с самого рождения и имеет близкие родственные/дружеские связи с представителями этой территории, т.е. своей родины. По поводу национальной «привязки» концептов академик Ю.С. Степанов говорит следующее: «...у концепта есть «родной дух», запечатлённый привычным и любимым образом мысли и часто каким-нибудь одним человеком в одном каком-нибудь месте, где так говорят, так слушают, так смотрят...» [Степанов, 2007: 63].

Помимо национальной, выделяют ещё и региональную лингвокультуру. Следует сказать о том, что анализом той или иной национальной лингвокультуры (русской, немецкой, американской и др.) занимаются многие отечественные лингвисты. Этот факт подтверждается поисковыми запросами в научной электронной библиотеке: <http://elibrary.ru>. На запрос «национальная лингвокультура» поисковая система этой библиотеки выдала 684 наименования (на 02.04.2017). Число работ по региональной лингвокультуре значительно меньше: 113. Региональная лингвокультура стала объектом научных исследований только в последние годы. Центрами изучения особенностей региональной лингвокультуры являются ТГУ (Томск); Региональный центр русского языка (Иркутск); СФУ, КГПУ им. В.П. Астафьева (Красноярск) и др.

Стоит справедливо отметить, что за последние несколько лет в сибирском регионе наблюдается повышенный интерес к изучению именно региональной лингвокультуры, о чём говорит выпущенный иллюстративный многотомный «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-

Медведевой, а также научные публикации русистов Красноярска и Томска. В последнее время, как отмечает профессор О.В. Орлова, в современной отечественной лингвокультурологии произошёл поворот от изучения тех или иных этнолингвокультур к рассмотрению особенностей региональных вариантов русской лингвокультуры. Это связано с тем, продолжает исследователь, что «...данный поворот объясним закономерной логикой гносеологического перехода от выявления экзотических «непохожестей» собственной культуры на другие к глубинному осмыслению вариантов и форм существования единого русскоязычного культурного универсума» [Орлова, 2015: 16].

Рассмотрев понятия национальной и региональной лингвокультуры, можно выделить несколько различий, которые наблюдаются между этими феноменами: во-первых, в территориальном охвате, при котором национальная лингвокультура, её специфика, ключевые концепты присущи социуму, проживающему на той или иной территории, а специфика региональной лингвокультуры проявляется на небольшой, чаще всего ограниченной естественными или искусственными преградами территории, где проживает ограниченное количество человек; во-вторых, концепты, являющиеся ключевыми в одной из региональных лингвокультур, например, в ангарской, не будут являться ключевыми для всех остальных представителей национальной лингвокультуры (например, концепт «Ангара»).

Региональная лингвокультура тесно связана с понятием «малой» родины, когда людям одной национальности или проживающим на конкретной территории присущи не только общие понятия, ценности, национальные стереотипы и тип мышления, но и местные (локальные) особенности, формирующиеся под воздействием региональной культуры и своего «особого» языка (диалекта, наречия).

Отметим, что региональная лингвокультура не всегда представляет собой закрытое пространство, в котором коренное население той или иной местности долгое время не имеет никаких контактов с внешним миром. Даже если человек долгое время находится вдали от своей «малой» родины – на ментальном, на глубинном подсознательном уровне сохраняются культурные связи с ней.

Подчеркнём, что региональная лингвокультура может отражать те же концепты, что выделяются и в национальной лингвокультуре, однако часть из них будет обладать специфическими, регионально окрашенными оценочными признаками.

Понятие лингвокультуры не следует отождествлять с понятиями языковой картины мира и ценностной картины мира.

Понятие языковая картина мира изначально использовалось в гносеолингвистике и развивалось на основе лингвоантропологических теорий. В настоящее время термин языковая картина мира органично входит в терминологические аппараты лингвокультурологии, лингвоконцептологии, этнопсихолингвистики и некоторых других наук. Появление термина «языковая картина мира», которая является одной из разновидностей картины мира, связывают, в первую очередь, с именем Лео Вайсгербера [Вайсгербер, 2004].

Под «языковой картиной мира» следует понимать совокупность представлений о мире, которая исторически сложилась в обыденном сознании определённого языкового коллектива и отразилась в языке [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2002]. Основной единицей языковой картины мира любого этноса является концепт. Отметим, что языковая картина мира включает в себя знания этноса, того или иного общества, о предметах окружающей действительности, знания и представления о внешнем и внутреннем мире. Такие знания и составляют системы концептов [Пименов, 2010: 142].

По мнению отечественных учёных, языковая картина мира выполняет следующие основные функции: интерпретативную, которая обеспечивает

видение мира; регулятивную, которая выступает ориентиром человека в окружающем его мире; номинативная; экспликативная; идентификативная и др. (См. об этом подробнее: [Гончарова, 2012: 402]).

В словах и выражениях, которые присущи представителям того или иного этноса, заключено представление об их собственном мире, отражена их культура: «Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке» [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005: 9]. В связи с этим идеи, содержащиеся в словах родного языка, воспринимаются говорящими как что-то собой разумеющееся и непререкаемое. В данном случае, при сопоставлении разных языковых картин мира можно обнаружить достаточно значительные расхождения.

При столкновении разных языковых картин мира возникает непонимание, которое довольно часто перерастает в острые конфликты на политической, идеологической, расовой, религиозной, культурной, языковой, а также бытовой почве, что связано с культурными, социальными, экономическими и политическими процессами (миграция, ссылка, переселение, депортация и др.).

У каждого народа есть свои ключевые концепты. Например, многие отечественные и зарубежные исследователи сходятся на том, что для русской языковой картины мира характерны такие концепты, как «тоска», «горе», «терпение», «судьба», «душа», «раздолье», «дом», «авось» и др. В словаре Ю.С. Степанова приводятся следующие ключевые концепты: «мир», «родная земля», «время», «слово», «вера», «любовь», «хлеб», «Русь» и др. [Степанов, 1997: 95, 171, 202, 246, 265, 279, 493, 510]. А. Вежбицкая выделяет такие специфически русские концепты, как «душа», «судьба», «тоска» и др. [Вежбицкая, 1996: 22–23]. В исследованиях А.Д. Шмелёва рассматриваются типичные концепты русской языковой картины мира: «простор», «даль», «ширь», «приволье», «раздолье» и т.д. [Шмелёв, 2002: 75–81]. Список ключевых концептов, которые представлены в работах лингвокультурологов,

концептологов и исследователей русской языковой картины мира, можно было бы продолжать довольно долго.

Не смотря на то, что в некоторых трудах приводится большое количество концептов и констант языковой картины мира, главное понимать, как пишет А.Д. Шмелёв, что: «Эти представления (концепты, константы – Е.С.) находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями...» [Зализняк, Левонтина, Шмелёв, 2005: 17–18].

Лингвокультурологические исследования невозможно представить без обращения к другой разновидности картины мира – ценностной. Ценностная картина мира отражает ценности, присущие тому или иному народу. Систему ценностей и нормы поведения во многом определяет принадлежность человека к кругу «своих» или «чужих».

В.И. Карасик, анализируя ценности народа, представленные в языке, говорит о том, что ценностная картина мира является моделью осмысления ценностей в том или ином языке [Карасик, 2002: 117–118]. Что же такое ценность? Наиболее точную дефиницию приводит С.Н. Виноградов, который определяет ценность как: «... идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов, 1997: 93]. Говоря о ценностях, следует отметить, что: «Человек каждой культуры, каждого культурно-исторического типа (по Н.Я. Данилевскому) живёт своей своеобразной системой ценностей <...>. Эти системы ценностей могут быть подобны, даже тождественны, но очень во многом они будут и различны кардинально» [Васильев, 2013: 17]. Единицами ценностной картины мира являются аксиологические концепты, оценочные средства языка и «кодексы» (по В.И. Карасику), которые представляют собой систему взаимосвязанных

суждений нравственно-этического характера. Ценностная картина мира выполняет базовые аксиологическую и адаптивную функции.

На ценностную картину мира оказывают влияние национальные традиции и этническая картина мира. Ценностные картины мира у разных народов различны.

Таким образом, анализ научной и методической литературы по проблематике магистерской диссертации свидетельствует о том, что лингвокультура, языковая картина мира и ценностная картина мира не идентичны друг другу.

Таблица 1. Сопоставление понятий «лингвокультура», «ЯКМ», «ЦКМ»

Понятие	Суть феномена	Основные единицы	Основные функции
Лингвокультура	Когнитивно-коммуникативный	Лингвокультурные концепты, отражённые в устных и письменных текстах разных жанров; культураносные смыслы текстов	Конгломерирующая, дифференцирующая, легитимирующая, идентифицирующая
Языковая картина мира	Лингвально-ментальный	Концепты, ключевые слова	Идентификативная, регулятивная, номинативная, экспликативная
Ценностная картина мира	Когнитивно-лингвальный и психологический	Аксиологические концепты, оценочные средства языка, кодексы нравственно-этического характера	Аксиологическая, адаптивная

1.2. Исследование языка и культуры Приангарья

Активное исследование языка и культуры Приангарья, в частности северной части этого региона, началось относительно недавно – в 60-е гг. XX века. В основном, лингвокультура Северного Приангарья исследовалась

сибирскими учёными, теми, кто жил и живёт в непосредственной близости от самой Ангары.

Следует отметить, что собрание и изучение языкового и культурного материала, отражающего жизнь коренных ангарцев, было начато ещё в конце XIX века. Политический ссыльный В.С. Арефьев опубликовал ряд этнографических исследований, в которых описал занятия местного населения, быт, нравы и обычаи коренных ангарцев, а также зафиксировал многие лексические особенности кежемского говора [Арефьев, 1899; 1900]. Другой политический ссыльный А.А. Макаренко собирал и изучал местный фольклорный материал [Макаренко, 1908; 1913].

Этнографы XX века продолжили исследования культуры русского и инородческого населения Приангарья. Особо стоит отметить труды Л.М. Сабуровой, в которых рассматривается быт, обычаи и традиции Кежемской волости в начале XX века [Сабурова, 1967], а также специалистов в области культурологии [Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Приангарье. Забайкалье, 1971–1975; Абсалямов, 1995 и др.].

Духовную культуру, жанровый репертуар фольклора жителей Приангарья изучали фольклористы Н.А. Новосёлова, С.В. Калинина, которым принадлежит заслуга в фиксации и анализе фольклора жителей Северного Приангарья второй половины XX века [Новосёлова, 1986; 1991; 2011; Калинина, 2005 и др.].

Во многих отдалённых деревнях Северного Приангарья, в Кежемском, Богучанском и Мотыгинском районах, долгое время сохранялся уникальный говор, который в 60–90-е гг. XX века фиксировали сотрудники и студенты Красноярского педагогического института. На материале диалектологических экспедиций КГПИ были выполнены несколько диссертационных работ и статей с позиции системно-структурного направления в диалектологии, преимущественно изучался фонетический строй ангарских говоров: [Галузо, 1971; Белоусова, 1978]. В историко-диалектологическом и лексикологическом

аспектах в начале 90-х гг. была выполнена кандидатская диссертация В.И. Петроченко «Лексика рыбного промысла в русских говорах Северного Приангарья (опыт ретроспективного анализа)» [Петроченко, 1992].

Материалы диалектологических экспедиций студентов и сотрудников института легли также в основу «Словаря русских говоров северных районов Красноярского края» (ССГКК), который был подготовлен к печати Г.Г. Белоусовой (1992 г.), а также «Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья» В.И. Петроченко (1994 г.). Оба словаря отразили множество лексем, называющих понятия материальной и духовной культуры ангарцев. Например, в ССГКК широко представлены названия способов и предметов рыболовства, охоты, ткачества, земледелия, а также верований и обычаев ангарцев.

Продолжает выходить многотомный «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» (в настоящее время изданы тома 1–17) иркутского исследователя Г.В. Афанасьевой-Медведевой, в основу которого положены более 150 диалектологических экспедиций. Большую часть этого словаря составляют тексты, собранные в Иркутской области и Забайкалье, а также на территории Северного Приангарья.

Стоит отметить и заслуги так называемой «любительской лексикографии». Среди словарей, написанных коренными ангарцами, особо следует отметить «Краткий словарь Кежемского говора» [Карнаухов, 2016], который составил учитель Кежемской средней школы А.Ф. Карнаухов, и «Краткий словарь речи старожилов Приангарья» [Рукоусев, 2014], составленный пенсионером, в прошлом инженером-механиком, Н.З. Рукоусевым. Данные словари отражают живую речь, отдельные лексемы и особенности говора, а также отчасти особенности ангарской лингвокультуры.

Еще раз подчеркнём, что и профессиональные, и любительские словари, посвящённые, как всем пластам лексики Приангарья, так и отдельным

(например, охота и рыболовство), дают представление о лингвокультуре этого региона. И те, и другие словари помогают в интерпретации и анализе понятий, образов, концептов, которые получают свою актуализацию в языковом и культурном пространстве Северного Приангарья.

В конце XX – начале XXI века исследования языка и духовной культуры Приангарья получили новый виток развития. Помимо лексикографической работы стали проводиться исследования в области лингвокультурологии, коммуникативной диалектологии на базе устных региональных текстов. Важность этих научных исследований определяется: во-первых, изменением языковой политики в отношении диалектов; во-вторых, необходимостью фиксации исчезающих говоров; в-третьих, важностью изучения изменений коммуникативного пространства Приангарья в связи с созданием Богучанского водохранилища.

Для сохранения, изучения и популяризации ангарского диалекта в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ проводится целый ряд исследований. С 2012 года и по настоящее время под руководством профессора, доктора филологических наук О.В. Фельде студенты и сотрудники СФУ совершают диалектологические экспедиции в районы Северного Приангарья. Уже обследованы оставшиеся населённые пункты Кежемского района, часть населённых пунктов Богучанского и Мотыгинского районов. В ходе этих экспедиций было собрано большое количество эмпирического материала. Он составляет основу лингвокультурологических работ молодых исследователей Сибирского федерального университета, которые анализируют диалектный дискурс, а также лингвокультурные концепты и стереотипы.

О.В. Фельде вместе со студентами и сотрудниками СФУ в последние годы работают над уникальным проектом – аудиовизуальным сетевым «Ангарским словарём». В задачи этого словаря входит отражение ключевых фрагментов духовной и материальной культуры в их языковых вариациях. Одним из самых

важных принципов, который реализуется в «Ангарском словаре», является принцип отражения различной фоновой информации (исторические события и отношение к ним информанта, проблема «свои–чужие» и т.д.).

Как считает О.В. Фельде: «...завершение аудиовизуального «Ангарского словаря» не только обогатит российскую диалектную лексикографию, но и позволит запечатлеть для потомков уникальную лингвокультуру региона в эпоху глобальных перемен» [Фельде, 2014: 192].

Таким образом, язык и культура Приангарья исследуются в разных аспектах с конца XIX века. Современная лингвистическая парадигма диктует обращение к изучению новых объектов исследования.

1.3. Лингвокультурные концепты и стереотипы

Во многих лингвокультурологических исследованиях, помимо термина *концепт* используется термин *стереотип*. Одни учёные эти термины сближают, другие дают совершенно разные толкования. Но то, что и концепт, и стереотип являются «ключевыми объектами» при изучении ментальности, картины мира, языка и культуры того или иного этноса, отмечают многие. Рассмотрим понятие концепт.

Труды, в которых представлена интерпретация термина концепт, а также других, тесно с ним связанных, выходят с постоянной регулярностью с конца XX века. Если обратиться к материалам электронных библиотечных систем и научных сайтов, то можно обнаружить сотни научных работ, в которых исследуются те или иные концепты с позиций различных научных дисциплин.

Существует несколько подходов к определению концепта: лингвокультурологический / культурологический (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачёв и др.); лингвокогнитивный / когнитивный (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова);

лингвофилософский (Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов и др.), психолингвистический (А.А. Залевская, Р.М. Фрумкина и др.); интегративный (С.Х. Ляпин и многие другие).

В работе М.В. Пименовой и О.Н. Кондратьевой представлен подробный анализ термина концепт. Учёные анализируют определение концепта в когнитивистике и лингвокультурологии. Исследователи отмечают, что при когнитивном подходе концепт понимается как ментальное образование, а при лингвокультурологическом рассматривается в рамках дихотомии язык–культура [Пименова, Кондратьева, 2011: 58]. Из этого следует, что при лингвокультурологическом подходе исследуется, в первую очередь, национально-культурное своеобразие концепта.

В настоящем исследовании будет применяться лингвокультурологический подход, поэтому релевантным для нас является лингвокультурологическое определение концепта. По мнению академика Ю.С. Степанова концепт представляет собой некий сгусток культуры, который содержится в сознании человека, а также это то, «...посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 1997: 40].

В лингвокультуре основным видом изучаемого концепта является его особая разновидность – лингвокультурный концепт. По мнению В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина лингвокультурный концепт является особой ментальной единицей, которая направлена на изучение трихотомии язык–культура–сознание. Структура концепта, как считают учёные, трёхкомпонентна и состоит из фактуального (понятийного), образного и ценностного слоёв [Карасик, Слышкин, 2001: 76]. Аналогичная точка зрения присутствует и в книге «Иная ментальность» в которой под лингвокультурными концептами понимаются определённые коллективные содержательные ментальные образования, существующие для фиксации своеобразия той или иной культуры [Карасик и

др., 2005: 100]. С.Г. Воркачѳв определяет лингвокультурный концепт как многомерное семантическое образование, в котором помимо понятийного, образного и ценностного слоѳв, выделяются и вариативно-дискурсивные свойства концепт. С.Г. Воркачѳв и другие учѳные выделяют следующие базовые лингвокультурные концепты (концепты-универсалии): «русское счастье», «Родина», «дружба», «любовь» и др. [Лингвокультурный концепт: типология и области бытования, 2007: 7, 24, 35, 240, 312]. По мнению В.М. Шаклеина, к универсальным лингвокультурным концептам можно отнести также концепты «мать», «семья» и т.п. [Шаклеин, 2012: 67]. Ю.Е. Прохоров, анализируя работы современных лингвокультурологов и когнитологов, расширяет список лингвокультурных концептов: «играть», «гулять», «государство», «хлеб», «событийность», «причина» и др. [Прохоров, 2009: 123]. К категории лингвокультурных концептов также можно отнести сложные концепты «свой», «чужой», «другой». На основе этих концептов формируются национальные культурные ценности. Известно, что у каждой нации своя шкала мировоззрения и собственная шкала ценностей.

Перечень лингвокультурных концептов даёт понять, что они связаны с разными сферами жизни человека. Концепты дают представления о том, как отдельный человек или целый этнос воспринимают окружающий мир, другие народы и т.п. Помимо концептов, представления об окружающей действительности в сознании человека существуют и в виде определённых стереотипов.

Следует различать смежные понятия концепта и стереотипа. В.А. Маслова, опираясь на труды Е. Бартминьского, Ю.А. Сорокина, В.В. Красных и других учѳных, выводит понятие стереотипа в лингвокультурологическом ключе: «Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и транспортировать некоторые доминантные составляющие данной

культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова, 2001: 110]. По мнению Ю.Е. Прохорова, стереотип реализуется в речевом общении в качестве нормативной локальной ассоциации к стандартной для той или иной культуры [Прохоров, 1997: 97–98]. Стереотип помогает представителям одной национальности понимать друг друга. Учёные отмечают наличие авто- и гетеростереотипов у каждой нации.

Проблема классификации стереотипов не раз становилась объектом исследования. Н.В. Уфимцева выделяет этнические (*англичанин, немец, поляк, русский*) и культурные стереотипы, которые представляют собой устойчивое воспроизведение досуговых занятий, форм поведения каждой нации (См. об этом подробнее [Языковое сознание и образ мира, 2000]); В.В. Красных – стереотипы-образы (*дуб, берёза, крыса, паук*) и стереотипы-ситуации (*очередь, транспорт, экзамен*) (См. об этом подробнее [Красных, 2003]); Т.М. Николаева – речевые («*Командовать парадом буду я*»), коммуникативные («*Вы не имеете никакого римского права*») и ментальные (например, представления о важности названия должности – менеджер продаж вместо продавец и т.п.) (См. об этом подробнее [Николаева, 2000]) и т.д.

В трудах западных учёных также рассматриваются стереотипы, характеризующие русскую культуру и действительность, а также русский характер: в качестве гетеростереотипов рассматриваются *тяга к страданию и покорность русского народа, противоречивость русского менталитета и культуры, необязательность русских* и др. (См. об этом подробнее [Ланкур-Лафферьер, 1999; Smith, 1999; Hingley, 1977]).

В отечественной науке сложились разные точки зрения на соотношение стереотипа и концепта: одни исследователи считают, что это совершенно разные феномены; другие определяют стереотип и концепт, как соположенные понятия; третьи понимают стереотип, как одну из разновидностей концепта.

В данной диссертации мы придерживаемся первой точки зрения, согласно

которой концепт и стереотип представляют собой разные лингвокультурные феномены. Вслед за В.А. Пищальниковой мы полагаем, что главное структурно-содержательное отличие стереотипа от концепта состоит в том, что важнейшим элементом структуры стереотипа является конкретная эмоция. Эта эмоция определяет деятельностный характер знания и социально одобренное отношение к этому самому знанию, что в итоге принуждает человека к конкретным поведенческим реакциям. Исследователь также отмечает, что стереотипу свойственна высокая степень стандартизованности содержания языкового компонента, т.е. стереотипу присущ конкретный набор определённых средств (штампов, которые репрезентируют содержание стереотипа и управляют восприятием реципиента) [Пищальникова, 1999: 167]. Проф. В.В. Красных считает, что стереотип отличается от концепта конкретностью и некой ограниченностью. Если концепт, по мнению учёного, проявляется в валентностях, определяющих «предсказуемые» блоки свободных ассоциаций, то стереотип выражается в определённых реализациях, которые могут быть представлены предсказуемыми ассоциациями. В.В. Красных определяет стереотип как образ-представление и выделяет в нем две разновидности: стереотип поведения, определяющий поведение и действия, которые следует осуществлять, и стереотип-представление, определяющий то, что следует ожидать в той или иной ситуации [Красных, 2003: 313–314].

В заключение отметим, что концепт отличается от стереотипа по следующим признакам: во-первых, концепт является культурно маркированной единицей, а стереотип представляет собой социокультурно маркированную единицу; во-вторых, концепт связан с понятием, а стереотип – с образами-представлениями, в структуре концепта на первый план выходит понятийный слой, а в стереотипе – образно-оценочный; в-третьих, ассоциативный слой концепта включает широкий спектр ассоциаций, а ассоциативный слой стереотипа всегда включает предсказуемые ассоциации; в-четвёртых, концепты

позволяют выводить архетипы, а стереотипы не всегда восходят к архетипам (См. об этом подробнее: [Красных, 2002]). К сказанному добавим, что концепты и стереотипы исследуются, как правило, с помощью разных методик.

1.4. Исследования концептов «чужой» и «другой» в философии и литературоведении

В философских словарях отсутствуют словарные статьи «чужой» (чужие), «чуждость», «чужеродность», не достаёт исследований категории «чужие» и в философских трудах. Известны единичные работы [Зиммель, 1996; Сартр, 2000 и др.], в которых анализируется понятие чуждости. Понятие с концептуальным признаком «не такой, как этот; какой-либо иной» обозначается философским термином *другой*. «Новейший философский словарь» А.А. Грицанова даёт онтологическую трактовку термина «другой»: «Другой – понятие философии XX в., фиксирующее некоторый опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей, тем не менее, Иное по отношению к Я» [Грицанов, 1999]. В рамках философии на протяжении всего XX столетия исследователи обращались к анализу понятия «другого» как существенного элемента онтологии. Во многих философских учениях XX и XXI века (постструктурализм, герменевтика, феноменология и др.) онтологическое понятие «другой» анализировали Ю. Хабермас [Хабермас, 2001], М. Фуко [Фуко, 2007], Н. Хомский [Chomsky, 1988] и др. На стыке XX и XXI вв. проблема «другого», как важнейшая онтологическая категория, приобрела важную социально-политическую значимость [Алексеева, 2005], о чём писали С. Жижек [Жижек, 2014], Э. Левинас [Левинас, 1999], Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2016] и др. Французские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари, рассматривая отношение концепта «другой» к «я», делают акцент на следующем: «...обязательно ли *Другой* вторичен по отношению к "я"? Если обязательно, то

лишь постольку, поскольку его концепт – это концепт иного, субъекта, представляющего как объект, особенный по отношению ко мне; таковы две его составляющие» [Делез, Гваттари, 1998: 27].

В философских трудах понятие «чужого» рассматривается в составе социокультурной оппозиции свои-чужие и анализируются с точки зрения взаимного воздействия и двойного опосредования, способного создавать сферу «между»: опосредования сторон бинарной оппозиции процессом коммуникации; опосредование коммуникативных актов диалогом, предполагающем взаимосогласование позиций. По мнению К.С. Илиополовой: «методологически эффективным представляется выделение четырех моделей отношения “свой–чужой”, способствующих пониманию коммуникации в традиционном обществе: первая модель фиксирует рассмотрение индивидами Своего мира как внешнего по отношению к Чужому-внутреннему. Восприятие своего мира как неорганизованного и незамкнутого провоцирует военную агрессию и разрушение Чужой культуры; вторая модель указывает на факт рассмотрения Своего мира как внутреннего по отношению к Чужому-внешнему. Чужой выступает при этом как символическая фигура, по отношению к которой возможен монолог, но не диалог; третья модель относится не к противостоянию разных обществ, но к различиям внутри одного общества, территории, государства: здесь Периферия и Центр находятся в отношениях “свой–чужой”, которые выступают как амбивалентные, включающие притяжение и отталкивание, что не способствует диалогу, а, напротив, максимально сворачивает коммуникативные контакты; четвертая модель предполагает существование целостного социокультурного универсума (каким является, например, христианский мир), где существует множество “чужих”, которые тем не менее выступают как до некоторой степени “свои”. В этой модели легко происходят инверсии: “свой” может быстро обернуться “чужим”» [Илиополова, 2010:8].

Философские концепции и модели определения концепта «чужой» и «другой» повлияли на различные исследования и в иных гуманитарных дисциплинах. В частности, на фольклористику и литературоведение, которые во второй половине XX века тесно взаимодействовали с современными течениями философии.

В фольклористике «чужие» часто рассматриваются как опасные и вредные существа. Они связаны с пониманием человека и архаическими верованиями в то, что те, кто приходит из другого пространства (извне), обязательно являются представителями «другого»/«чужого» мира. К этим самым «чужим» могут относиться, как нелюди (демонические существа, звери), так и люди, которых часто в данном контексте именуют инородцами (См. об этом подробнее [Выходцева, 2006]).

Особый вклад в изучение культурной оппозиции «свои-чужие» внёс Ю.М. Лотман, представивший её семиотическую модель [Лотман, 2000].

Последние исследования образа «чужих» в литературоведении связаны с возникновением такого направления, как имагология, где активно изучается образ чужого в художественной литературе [Колошук, 2013; Луков, 2007; Орехов, 2006; Поляков, 2013]. Е.В. Папилова подчёркивает, что «образ “чужого” изучается в имагологии как стереотип национального сознания, т.е. как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде» [Папилова, 2011: 31]. В рамках имагологии образы чужих исследуются с помощью методов и инструментария таких наук, как культурология, этнолингвистика и лингвокультурология, что говорит о лингвистической насыщенности данной дисциплины.

1.5. Особенности лингвистического подхода к исследованию концептов «чужой» и «другой»

Концепты «чужой» и «другой» входят в область центральных концептов у многих народов. Они служат для самоопределения нации, а также помогают устанавливать и отрегулировать отношения в обществе, как между представителями одного этноса, так и между представителями разных народов.

Изучение данных концептов является важной задачей лингвистических дисциплин, ввиду последних политических и конфессиональных перемен и проблем, возникающих в разных точках мира. Анализ концепта «чужой» позволяет лучше понять менталитет и мировидение того или иного народа.

Основными направлениями анализа концепта «чужой», а также дихотомии свой-чужой является лингвокультурологический, когнитивный, этнопсихолингвистический, коммуникативно-дискурсивный и некоторые другие.

По мнению лингвокультурологов бинарная оппозиция «свой–чужие» относится к ключевым антиномиям лингвокультуры того или иного народа. Она определяют идентичность и самосознание этноса, а также восприятие других народов, групп и сословий. Ю.С. Степанов рассмотрел концепты «свой–чужой» как основополагающие концепты культуры. Учёный проанализировал имена данных концептов в разных языках, отметив, что: «Как и в других европейских и индоевропейских культурах, концепт «Чужой» и соответствующее слово в русском языке относятся к «не своему», «постороннему» и «далекому» в сфере народа, обычая или нрава [Степанов, 1997: 483]. Ю.С. Степанов делает вывод о том, что концепт «чужой» тесно связан с самосознанием народа и его стереотипом поведения.

Лингвокультурологи XXI в. продолжают исследования этого концепта. Так, С.В. Иванова и З.З. Чанышева в книге «Лингвокультурология: проблемы,

поиски, решения» посвятили дихотомии «свой–чужой» отдельный параграф, определив, что данная дихотомия используется в качестве дифференциации, с помощью которой говорящий субъект определяет себя и себе подобных. Авторы монографии делают вывод о том, что исследуемая антиномия принадлежит к общим и вечным категориям, которые определяют человеческое существование. Таким образом, человек определяет свою идентичность, своё местоположение в мире [Иванова, Чанышева, 2010: 82]. Важно отметить, что в работе С.В. Ивановой и З.З. Чанышевой есть анализ и концепта «другой». Исследователи считают, что «смена номинации «чужой» на «другой» в большей степени является данью политкорректности и отражает задачи современного общества, нежели имеющееся status quo» [Там же: 83].

Аналогичной точки зрения придерживается В.М. Шаклеин и некоторые другие учёные [Шаклеин, 2012].

По мнению многих исследователей, в том числе и А.Т. Хроленко, одной из первых значимых функций языка стала культурная дифференциация социума, чему в большей мере способствовала дихотомия «свой–чужой». Дихотомия «свой–чужой» всегда выполняла функцию идентификации в человеческом сообществе. Позже данная дихотомия актуализировалась в этнической функции и в функции социальной дифференциации общества [Хроленко, 2009: 16–17].

Лингвокультурологи часто обращаются к мифологии и фольклорной картине мира, чтобы выявить определённую семантику «чуждости». Концепт «чужой» в русле семантики подробно рассматривает А.Б. Пеньковский, который указывает на то, что одним из главных семиотических принципов является членение пространства, в котором существует человек, на два мира «свой» и «чужой». На многочисленных примерах (средствах языкового выражения), А.Б. Пеньковский показывает отражение концепта «чужой» и категории «чуждости», обращаясь к этимологической стороне понятия

«чужого» (См. об этом подробнее [Пеньковский, 1989]). М.Н. Петроченко придерживается аналогичной точки зрения на то, что концепт «чужой» (исследователь анализирует оппозицию «свой–чужой») служит для разделения представления мира на два полюса: «свой», т.е. близкий, родной, безопасный и «чужой», соответственно, плохой и опасный. Как утверждает учёный, исследуемая дихотомия не только содержится в сознании человека, но и проявляется во всех сферах окружающего индивида мира. Это связано со знаковой, семиотической природой противопоставления «своего» и «чужого». М.Н. Петроченко пишет о том, что данная дихотомия является смысловым компонентом, который свойственен большим классам слов, поэтому дихотомия «свой–чужие» и реализуется в семантическом пространстве (См. об этом подробнее [Петроченко, 2005]).

Большое внимание концепту «чужой» уделяется в рамках когнитивной лингвистики. В работах когнитологов основное внимание уделяется вопросам концептуализации «чужого» в языковой картине мира, а также определение значимости данного концепта для понимания механизмов функционирования языка в целом; выявляется структура концепта «чужой» на материале общенародного языка и художественно беллетристических текстов [Скиба, 2003; Судакова, 2005; Болдырев, Куликов, 2006].

Феномен «чужого» в рамках этнопсихолингвистики изучается в ходе исследования этнических стереотипов того или иного народа. Анализ концепта «чужой» в этнопсихолингвистическом и этнолингвистическом ключе представлен в работах О.В. Беловой [Белова, 2005], Т.О. Козлова [Козлов, 2004], В.М. Пивоева [Пивоев, 1998], Н.И. Толстого [Толстой, 1995] и многих других авторов.

Во многих этнопсихолингвистических исследованиях указывается, что каждый народ формирует представление о «чуждости», «чужаке», «ином», отталкиваясь от личных представлений, которые заложены в традиции и

национальных ценностях, присущих представителям этноса на протяжении долгого периода. О.В. Белова рассматривает дихотомию свой–чужой как «универсальный классификатор этнокультурных стереотипов», отмечает, что они обладают выраженной оценочностью [Белова, 2005: 28, 30]. О.В. Балясникова справедливо замечает, что представление о «чужом» может возникать и при должном отсутствии контактов между «своими» и «чужими», а также представления о «чужих» в дальнейшем оформляются в стереотипы, что, в свою очередь, связано уже с этнолингвистическими и этнопсихоллингвистическими исследованиями (См. об этом подробнее [Балясникова, 2003]).

Изучение дихотомии «свой–чужой» в русле психоллингвистики осуществляется на базе данных ассоциативных экспериментов и рассматривается, как правило, с позиции теории стереотипизации [Языковое сознание и образ мира, 2000; Фельде, 2011].

Для теории межкультурной коммуникации концепт «чужой» является одним из ключевых объектов исследований. Проблемой «чужого» в рамках межкультурной коммуникации занимались и продолжают заниматься многие отечественные и зарубежные учёные: [Тер-Минасова, 2004; Куликова, 2010; Йокояма, 2001; Могилевич, 2012; Наместникова, 2003; Gudycunst, 1984]. Л.В. Куликова отмечает, что: «Категория «чужой» является имплицитным и эксплицитным элементом всех определений понятия «межкультурная коммуникация» [Куликова, 2010: 95]. В теории межкультурной коммуникации концепт «чужой», как и во многих лингвистических дисциплинах, рассматривается через дихотомию «свой–чужой». Сквозь призму «свой–чужой» представители того или иного этноса строят взаимоотношения между собой и другими нациями, а также формируют своё восприятие относительно всего окружающего мира. Исследователи С.Е. Чернобай и А.В. Мансурова указывают на то, что в межкультурной коммуникации «чужой» приобретает статус

личного, что позволяет приблизить понимание «чужого» как «своего», или, по крайней мере, «иногo» [Чернобай, Мансурова, 2013: 335]).

В коммуникативистике через дихотомию «своё–чужое» рассматриваются поведенческие модели в обществе и конструируются модели построения чужой речи, а также изучаются типы взаимоотношений, возникающие в процессе общения между людьми. Ядерным языковым явлением, как определяет Н.В. Максимова, в дихотомии «своё–чужое» предстаёт явление чужой речи [Максимова, 2005: 96]. Такое ядерное языковое явление может помочь определить с помощью текста поведенческие модели отношения «я–другой», а также отношение к «чужому».

Е.Ю. Кислякова в своих работах анализирует категорию инакости, которая непосредственно связана с концептами «другие», «чужие» и «свои» на что исследователь и указывает. Учёный подчёркивает, что инакость, являясь одной из базовых коммуникативных категорий, активизируется в коммуникации с конкретной значимой особенностью. Инакость позволяет распознать готовность «другого», «иногo», «чужого» к совместному действию, к сопереживанию, к разделению интересов и взглядов. Прибегая к междисциплинарности и анализируя философские концепции и модели оппозиции «я–другой», Е.Ю. Кислякова приходит к выводу, что «я» входит в поле «другого». По мысли исследователя, человек довольно часто становится самим собой именно через «других» (См. об этом подробнее [Кислякова, 2012а; 2012б; 2012в]).

Анализ дихотомии «своё–чужое» и концепта «чужой» в сфере коммуникативистики представлен в работах [Захарова, 1998; Осетрова, 2006; Oatley, 2009 и др.].

С позиций изучения дискурса, особенно его национально-культурной составляющей, В.В. Красных в работе «Свой среди чужих: миф или

реальность?» рассматривает концепт «чужой» и категорию «чуждости» (См. об этом подробнее [Красных, 2003]).

В.В. Красных указывает на то, что через процесс непосредственного речевого общения между представителями разных национальностей, через их речевое поведение, прослеживается дихотомия «свой–чужой». Рассматривая различные коды русской лингвокультуры, В.В. Красных пишет, что пространственный код русской определяет чёткое разграничение «своего» и «чужого» мира.

Через рассмотрение таких понятий и феноменов, как ментефакты, дискурс, коммуникация, культурное пространство и других, исследователь приходит к выводу (отвечая на своей же вопрос, который является названием книги): «Я думаю, что в принципе это, конечно, некоторый миф. Но как всякий миф, он имеет «прецеденты» и определенным образом может реализоваться. Вполне вероятно, что чужая культура никогда не станет «своей», но вот стать «своим» среди «чужих» все-таки в силах человека...» [Красных, 2003: 333].

Анализ концепта «чужой» с позиции исследования дискурса представлен в работах [Шипилов, 2008; Гришаева, 2015 и др.].

В политической лингвистике дихотомия «свои–чужие» также приобрела статус одного из центральных объектов исследования, поскольку этому способствуют экстралингвистические и прагмалингвистические факторы.

Н.А. Красильникова пишет о том, что дихотомия «свои–чужие» в рамках политической лингвистики и политического дискурса считается одной из центральных и помогает осуществить его функции. Учёный определяет, что прагматический смысл политических баталий, которые происходят во многих странах, связан с завоеванием доверия адресата, а также привлечением на свою сторону большого числа избирателей путем интеграции своих, дискредитации (уничужения) чужих и созданием определённой идеологической картины мира

в сознании так называемого электората (См. об этом подробнее [Красильникова, 2005]).

Е.А. Баженова и И.В. Мальцева считают, что архетипическая дихотомия «свой–чужие» часто используется в политическом дискурсе для формирования образа, имиджа того или иного политика. По мнению учёных, данная оппозиция является результативной коммуникативной тактикой в предвыборной борьбе, т.к. дихотомия «свой–чужие» является архаичной ментальной структурой, которая доступна и понятна всем избирателям, поэтому к ней довольно часто в современном мире прибегают политики для создания своего образа [Баженова, Мальцева, 2009: 28–30].

С позиций политической лингвистики также анализируются приёмы, которые используются для речевой реализации дихотомии «свой–чужие»: разделение на основе символов Добра и Зла, «навешивание ярлыков» и т.п. Так, Е.А. Баженова и С.А. Лапчева подчёркивают, что разделение на «своих» и «чужих» является достаточно распространённым и популярным способом политической борьбы [Баженова, Лапчева, 2003: 18–19].

В русле политической лингвистики концепт «чужой» отражён также в работах [Новикова-Граунд, 2000; Нехорошева, 2012; Кишина, 2009; Канчани, 2007 и др.].

Таким образом, концепт «чужой» является объектом исследования многих лингвистических дисциплин. Активное изучение этого концепта началось несколько десятилетий назад, но актуально оно до сих пор, т.к. дихотомия «свой–чужой» является структурно значимой бинарной оппозицией лингвокультуры каждого этноса.

Подчеркнём, что концепт «чужой» и дихотомию «свой–чужой», актуально исследовать именно в региональных лингвокультурах, т.е. тех, которые отражают деревенский уклад жизни, традиционные устои, ценности и установки, передающиеся из поколения в поколение. Это связано с тем, что

современная культура постмодерна, базирующаяся в основном в городах и мегаполисах и захватывающая всю ценностную систему социума, ориентирована на уничтожение или сокрытие принципа оппозиционности и бинарности (свой–чужой, мужчина–женщина, Запад–Восток и т.д.) [Грицанов, Кацук, 2008: 139].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Понятие «лингвокультуры» слабо дифференцируется с терминами «языковая картина мира» и «ценностная картина мира». Основными единицами языковой картины мира являются концепты и ключевые слова. Языковая картина мира выполняет основные идентификативную, регулятивную, номинативную, экспликативную функции. Единицами ценностной картины мира являются, прежде всего, аксиологические концепты, а также оценочные средства языка и «кодексы», которые представляют собой систему взаимосвязанных суждений нравственно-этического характера. Ценностная картина мира выполняет базовые аксиологическую и адаптивную функции. Основной единицей лингвокультуры является лингвокультурный концепт. Лингвокультура выполняет конгломерирующую, дифференцирующую, легитимирующую, идентифицирующую функции.

Исследователи выделяют две разновидности лингвокультуры: национальную и региональную. Между понятиями национальной и региональной лингвокультуры существует несколько различий: национальная лингвокультура, её специфика, особенности и ключевые концепты присущи всем представителям социума, проживающим на той или иной территории, а специфика региональной проявляется на небольшой, чаще всего ограниченной естественными или искусственными преградами территории, где проживает ограниченное количество человек; концепты, являющиеся ключевыми в одной

из региональных лингвокультур, например, в ангарской, не будут являться ключевыми для представителей национальной лингвокультуры.

2. На протяжении XX века духовная и материальная культура Северного Приангарья, а также русские говоры Приангарья активно изучались диалектологами, этнографами, фольклористами, историками и др. С XXI в. начались исследования языка и культуры в коммуникативном и этнолингвистическом аспектах.

3. Единицами лингвокультуры являются лингвокультурные концепты и стереотипы. Отличия концепта от стереотипа состоят в следующем: концепт представляет собой культурно маркированную единицу; концепт тесно связан с понятием; в структуре концепта на первом плане стоит понятийный слой; ассоциативный слой концепта включает в себя широкий спектр ассоциаций; концепты позволяют выводить архетипы. Стереотип является социокультурно маркированной единицей; стереотип тесно связан с образами-представлениями; в стереотипе на первый план выходит образно-оценочный слой; ассоциативный слой стереотипа включает предсказуемые ассоциации; стереотипы не всегда восходят к архетипам.

4. На протяжении XX века в рамках философии исследователи обращались к анализу понятия «чужого» и «другого», как существенных элементов онтологии. Философские представления о «чужих» и «других» повлияли на исследования данных феноменов в рамках других гуманитарных дисциплин, в частности, литературоведения. Исследования образа «чужих» в литературоведении ведутся в основном в рамках имагологии – научного направления, которое анализирует образ «чужого» в художественной литературе.

5. Концепт «чужой» является объектом исследования многих лингвистических дисциплин: лингвокультурологии, этнолингвистики, психоллингвистики, теории межкультурной коммуникации и др. Активное

изучение этого концепта началось несколько десятилетий назад, но актуально оно до сих пор, т.к. лингвокультурная дихотомия «свой–чужой» является структурно значимой бинарной оппозицией как целого этноса, так и отдельно взятой группы людей.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТОВ «ЧУЖОЙ» И «ДРУГОЙ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

2.1. Экстралингвистические факторы формирования концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре

На содержание концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре оказали большое влияние экстралингвистические факторы, а именно: история заселения данного региона русскими и система ссылки и каторги, которая существовала на территории Сибири более 400-х лет.

До прихода русского населения на территорию Нижнего Приангарья, на берегах Ангары проживали эвенки (устаревшее название – тунгусы), но и тунгусоязычное население на этой территории появилось всего за несколько веков до русских. Учёные, анализируя археологические, этнографические и лингвистические материалы, пришли к выводу, что территория Северного Приангарья, в раннем неолите (примерно 6000 г. до н.э.) была контактной зоной западносибирских культур древних уральцев и восточносибирских культур. Это привело к образованию урало-юкагино-язычной общности. Основным этносом Приангарья были юкагины. Юкагины были первым народом, по известным на данный момент данным, который населял берега Ангары до того, как туда в XIV в. пришли тунгусы. Местами заселения эвенков было Северное и Среднее Приангарье, а также правобережье Енисея. Исторической прародиной эвенков считаются лесостепные и подтаёжные районы южного Прибайкалья, верхнего Приамурья и севера Монголии [Баташев, Макаров, 2015: 15–16].

Названия различных географических объектов Северного Приангарья до сих пор отражают язык, культуру и историю эвенкийского народа. Например, река Иркинеева (правый приток р. Ангары) была названа в честь эвенкийского вождя, князя Иркия и т.п. [Туголуков, 1985].

В XVII веке (впервые в 1617 году) русские начали регулярно посещать Нижнюю (Северную) Ангару для сбора ясака. На рубеже XVII–XVIII вв. началось активное хозяйственное освоение этого сибирского региона русскими засельщиками Сибири. Историки свидетельствуют, что эвенки, проживавшие по берегам Ангары, особенно к концу XIX века, массово подвергались русификации и христианизации, но, несмотря на это, смогли сохранить свою культуру, традиции и язык. Все последующие годы русское население, вплоть до начала XX века, тесно взаимодействовало с проживающими здесь эвенками, имели место и смешанные браки: *«Я большая была девка, работали там, жали. Покосы хороши там. А потом уже оне, тунгусы, стали жаниться на русских. Вот так у их и было. Уже смешалася кров, русска-нерусска. Тунгусы всё равно люди же ведь оне»* [СГРСБС, Т.2: 205].

Контакты русского и эвенкийского населения нашли отражение в русских говорах северных районов Красноярского края. Например, в лексикон русского населения Северного Приангарья вошли такие эвенкийские слова, как: **атраконка** «старуха», **косник** «украшение на голову в виде кусочка кожи овальной формы, украшенного бисером и медными пуговицами» и др.

В начале XVII века в Сибирь начали ссылать людей, в основном, за политические преступления: изменников, самозванцев, участников заговоров, а к концу XVII столетия уже и уголовных преступников.

Как отмечают историки, в начале XVIII века на территории Сибири находилось около двадцати тысяч ссыльных. Самыми частотными в XVII – XVIII веках были ссылки следующих видов: на службу, на поселение, ссылка в заключение, а также на каторгу, которая возникла в начале XVIII столетия. В середине XVIII века, после отмены в 1753–54 гг. смертной казни в Сибирь начали массово ссылать крестьян. Они относились к категории ссыльнопоселенцев. Большинство из них растворились в местном населении.

К концу XVIII века Сибирский край занимал первое место среди других регионов России (помимо Поморья, Урала и др.) по численности ссыльных и каторжан. Кроме того, начиная с XVIII столетия и вплоть до начала XX века, Сибирь стала главным местом, где отбывали наказание политические ссыльные и уголовники. В XIX веке по одним подсчётам на территории Западной и Восточной Сибири находилось до 900 тысяч, по другим данным до одного миллиона ссыльных всех категорий, но большинство из них были крестьяне, которым разрешали заниматься хозяйственной деятельностью.

По данным на 1 января 1898 года в разных регионах Сибири насчитывалось 309265 ссыльных разных категорий:

1. Ссыльнокаторжные (10688 человек) – лица, совершившие тяжкие преступления (такая ссылка могла быть и бессрочной, и срочной);

2. Ссыльнопоселенцы (100595) – лица, сосланные по суду и в административном порядке на пожизненное поселение в дальние (иногда, менее отдалённые) регионы страны, а также вышедшие на поселение после отбытия срока каторги;

3. Сосланные на водворение (39683) – зачастую, это были бродяги (этот вид ссылки практически не отличался от ссылки на поселение);

4. Сосланные на житьё (9881) – исключительно чиновники и представители высшего дворянства;

5. Административно-ссыльные (148418) – лица, которые подвергались ссылке за «порочное поведение»; отбывшие наказание, но не принятые обществом; причастные к антиправительственным преступлениям и деяниям (в основном лица, занимавшие высокие посты в органах государственной власти);

6. «Политические» (1325 человек) – лица, сосланные за антиправительственные преступления в отдалённые и малообжитые места. 64683 человека являлись членами семей ссыльных [Зуев, Красильников, 2009].

В период революционной активности в стране, в канун февраля 1917 года, в Сибири находилось 9346 политических ссыльных и 485 политкаторжан.

В XX веке, в истории Северного Приангарья можно выделить четыре волны ссылки:

1. **Первая волна** – в конце 20-х гг. в Северное Приангарье прибывают репрессированные; в начале 30-х гг. – раскулаченные, попавшие под натиск всеобщей коллективизации. В это время высланные на Ангару именовались спецпереселенцами и спецконтингентом. Они были размещены в таких поселениях, как Мунтуль, Потоскуй, Погорюй, Покукуй (Кокуй) и др. В середине 30-х гг., в районы Приангарья прибыли те, кто попал по тем или иным подозрениям под «политическую» 58-ю статью. К 1930 году, если брать весь Сибирский край, размещалось 16 тысяч ссыльных и высланных разных категорий. Практически все находились на территории Красноярского края. Также в первую волну высылки попали группы людей (беженцы и ссыльнопоселенцы), которые прибыли в начале 40-х гг. на Ангару из Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, т.к. в 1940 году эти территории были присоединены к СССР.

2. **Вторая волна** ссылки связана с началом Великой Отечественной войны. В районы Северного Приангарья в начале 40-х гг. депортировали большое количество калмыков и немцев из Поволжья, Ленинграда и его окрестностей, т.к. советская власть опасалась создания так называемой «пятой колонны» внутри страны. Ссыльных разместили в таких населённых пунктах, как Климино, Заледеево, Усольцево, Дворец, Заимка, Паново, Кежма, Чадобец и др. [Занданова, Метлин, 2010].

3. В 1948 году на берега Ангары прибывают новые переселенцы – это была **третья волна** ссылки в Северное Приангарье. В основном, это были литовцы, латыши и др. Многих разместили в посёлках Каулец, Артюгино и др.

4. **Четвёртая** волна сибирской ссылки – это люди, которые подверглись репрессиям в конце 40-х – начале 50-х гг. Это были те, кто уже отбыл срок заключения в лагерях Колымы, Норильска и других мест и получил срок высылки после отбытия наказания. В большинстве своём, это были те, кого осудили по 58-ой статье (См. об этом подробнее [Шилько, 2000]).

Уже после смерти Сталина, в конце 1950-х гг., в Сибири было около 9 тыс. ссыльных. Более половины из них составляли осужденные за уголовные преступления (5,5 тыс.), бродяги и попрошайки (2,7 тыс.), осужденные за «контрреволюционные преступления» (87 человек). Практически все ссыльные осуждались до 5 лет. Местами расселения были: Красноярский край (2,6 тыс.), Тюменская область (1 тыс.), Якутия (0,9 тыс.) и Иркутская область (0,85 тыс.) [Зуев, Красильников, 2009].

В целом ссыльные составляли большой процент населения Приангарья, и, в частности, Северного Приангарья. На этот факт указывают и многие исследователи: «Будучи ссыльнопоселенцами, многие из них интегрировались в сибирское общество, представляя, например, в Приангарье более 40% ее мужского населения, где особую роль играли осужденные за политические преступления...» [Иванов, 2015: 63].

Добавим также, что в XX веке на территории Приангарья была создана разветвлённая система тюрем. После Октябрьской революции на территории Приангарья функционировали четыре тюремных учреждения: в Иркутске, в Тулуне, в Киренске и Александровская тюрьма. [Наумов, 2009]. Многие тюрьмы, располагавшиеся на территории Приангарья, заполнялись особыми группами людей на протяжении всего XX века, в основном, политическими ссыльными и пленными иностранными гражданами (немцы, литовцы, эстонцы и др.).

Жизнь спецпереселенцев была трудной: голод, отсутствие заработка, тяжелые погодные условия, незнание русского языка. Поначалу местное

население с неприязнью и опаской относилось к «чужим», особенно, к пленным немцам, которые выслались как «враги народа». Но постепенно между местным населением и ссыльными складывались добросердечные отношения: «В большинстве своем ангарцы были отзывчивыми людьми, поэтому старались помогать приезжим, чем могли <...>. Взрослые женщины и девушки занимались за еду на уборку домов, стирку белья, шили и вязали вещи. Спасало то, что большинство немцев и до депортации жили в сельской местности, ну и, конечно, такие черты менталитета, как терпение, дисциплинированность и трудолюбие» [Занданова, Метлин, 2010].

Большинство ссыльных занимались сельским хозяйством или работали на золотых приисках. Некоторые скрывались от властей, не занимались на работу, бродяжничали и нарушали законы.

Таким образом, этнический состав региона и история сибирской ссылки оказали существенное влияние на формирование лингвокультурной дихотомии «свои–чужие».

2.2. Структура и содержание сложного концепта «чужой»

Понятийный слой концепта представляет собой языковую фиксацию концепта, его обозначение, признаковую структуру. Описание понятийной составляющей концепта осуществляется на основе анализа словарных дефиниций лексем, репрезентирующих этот концепт.

Этимология лексемы «чужой», которая является именем концепта, имеет глубокие корни. Как отмечает Ю.С. Степанов, этимология лексемы *чужой*, а также ст.-сл. и др.-рус. *чуждый* ещё до конца не установлена. По мнению академика, значение слова *чужой* близко к концепту «чудо», т.к. в некоторых словоупотреблениях эти концепты контаминируют, а также связано с именем народа *Чудь* [Степанов, 1997: 484].

В «Этимологическом словаре» М. Фасмера сказано, что праславянскую форму *tjudjъ (т.е. чужой) обычно считают производным на -jō- от формы, заимствованной из готского языка *Þiuda*, что значит "народ". Также исследователи связывают это с литовским *tautà*, латышским *tauta*, др.-прусским *tauto*, ирландским *tūath*, что тоже значит "народ" [Фасмер, 1964].

П.Я. Чёрных пишет о том, что «чужой» – это «не свой», «неродной», «не связанный общими взглядами», «посторонний», «незнакомый», «иностранный» и т.п., также подтверждая, что слово «чужой» в старославянский язык было заимствовано из готского [Чёрных, 1999: 395]. Отсюда следует, что под чужими первоначально понимали некий народ (или народы), у которого были свои взгляды и представления о мире, свой язык, ценности и традиции. Ю.С. Степанов связывает этимологию слова *чужой* с именем народа *Чудь*, т.к. имя этого народа нашими предками воспринималось как «чужой» или «чуждый», т.е. отличный от нас, «своих» (славян) по определённым критериям.

Для русского населения Приангарья «чужими» были инородцы, ссыльные, иноверцы и т.п. Как известно, для сложного концепта «чужие» характерны такие признаки, как групповая идентификация, универсальность, наличие в обыденном и научном сознании, ярко выраженный аксиологический слой и др. [Иванова, Чанышева, 2010: 21; Хроленко, 2009: 33].

Исследование аксиологического слоя концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре позволяет расширить представление о ценностной картине мира коренных жителей Приангарья, которые в силу многих исторических обстоятельств на протяжении длительного времени взаимодействовали с различными группами «чужих», попавших в Сибирь по принуждению, а также с представителями коренного инородческого населения этого региона – эвенками.

Для исследования аксиологического слоя концепта «чужой» необходимо выявить и охарактеризовать языковые единицы, которые выражают отношение

рассказчиков к «чужим», т.е. к лицам, которые не принадлежат к коренным ангарцам (русским старожилам региона).

В структуре сложного концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре можно выделить четыре субконцепта: «спецпоселенцы», «заключённые», «иногородцы», «другие ангарцы»:

1. Понятийный слой субконцепта «спецпоселенцы» образуют понятия «трудпоселенцы», «ссылные», «этнические спецпереселенцы». Для номинации этих понятий используются лексемы *раскулаченные / кулаченные, политические* (осуждённые по пятьдесят восьмой статье), *уголовные, депортированные немцы, калмыки, эстонцы* и др.

2. Понятийный слой субконцепта «заключённые» образуют понятия «беглые / бегунец / беглец / беженец». Для номинации этих понятий используются лексемы *атапники, пленные, химики, варнак, прохожий, каторжный, пришелец* и др.

3. Понятийный слой субконцепта «иногородцы» образуют понятия «тунгусы», «эвенки». Для номинаций этих понятий используются лексемы *тунгусы, тангушонки, тангусишки, тангусы; авенки, авенки, авены, авены, авны, авноки, евонки*.

4. Понятийный слой концепта «другие ангарцы» образуют понятия «верховские», «низовские». Для номинации этих понятий используются лексемы *верховски, верховишина, верховики; низовски*.

2.3. Субконцепт «спецпоселенцы» в ангарской лингвокультуре

Именем субконцепта «спецпоселенцы» является лексема *спецпоселенец*. В понятийный слой субконцепта «спецпоселенцы» в ангарской лингвокультуре входит несколько концептуальных признаков: 1) сосланные по политическим мотивам (*ссылные, спецпоселенцы, поселенцы*); 2) высланные по

экономическим мотивам (*раскулаченные, кулаченные*); 3) депортированные по национальному признаку (*немцы и др.*).

В ходе принудительной ссылки и высылки людей в Приангарье, русское старожильческое население этого региона тесно взаимодействовало со спецпоселенцами и помогало им в обустройстве на новом месте жительства. Имели место и браки между местными и поселенцами:

Собир.: *Что-нибудь про ссыльных не помните? Как они себя вели?*

Инф.: *Ну, как себя вели... Литовцев, латышей вот этих я ещё помню, ну. Ну, чё, обращались с ними хуже. За людей не считали.*

Собир.: *Правда?*

Инф.: *Да.*

Собир.: *А местное население как к ним относилось?*

Инф.: *Да, нормально. Даже это, милиция вся, эта строго было.*

Собир.: *Помогали им?*

Инф.: *Да. Они даже с маленькими ребятами ссылались сюда.*

Собир.: *А потом, когда они уехали отсюда?*

Инф.: *Ну так, постепенно, поменьку съехали.*

Собир.: *А на местных они женились или нет?*

Инф.: *Есть. На русских женщинах женились, они здоровенны были. А женщины-то каки были, ха-ха. Здоровые были (записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 году от Колпакова Николая Александровича, род. в 1939 г.);*

Собир.: *А где девчонки женихов искали?*

Инф.: *Девчонки жанихов искали я помню вот... была какая-то пятьдесят восьмая статья здесь... Вот за них выходили. Ну, а как... У нас вот Мотя здесь соседка вышла, он очень был хороший. Галья была. Она тоже, это...как его... Как его звали...тоже вышла... тоже хороший был мужик! Да много было, они все... Потом леспромхозы строились, они там на времянке были, лес вывозили*

на времянке и туда выходили...В Овинный кто уезжал, Пенчуга строилась и туда уезжали, ходили. Ну, не все же были какие-то там воры или бандиты!

Собир.: Конечно. Пятьдесят восьмая – это же политическая статья. Они же не убийцы.

Инф.: Вот они за них выходили (записано в д. Иркиннеево Богучанского района Красноярского края в 2014 году от Скурихиной Анны Максимовны, род. в 1927 г.);

Собир.: А немцы женились на русских девушках?

Инф.: Так много женились. Обрусели. Потом даже это. Вон Лемке, вон как чисто разговаривает, даже не подумаешь же. Женились много так, но не то шоб шибко много. Не обижали и нормально, все хорошо (записано в пос. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 году от Скурихиной (Бурнашовой) Лидии Николаевны, род. в 1927 г.).

Русские старожилы, повествуя о спецпоселенцах, оценивают их профессионализм, самостоятельность, трудолюбие и грамотность (образованность).

Анализ оценочных высказываний русских старожиллов Приангарья о спецпоселенцах позволил выявить в нарративах такие типы оценок, как общая оценка и частная оценка (рационалистическая утилитарная и телеологическая оценка, сублимированная этическая оценка, сенсорно-психологическая интеллектуальная и эмоциональная оценка) (о типах оценок см. подробнее [Арутюнова, 1988]).

Оценка (как положительная, так и отрицательная) в нарративах о спецпоселенцах выражается эксплицитно словами разных частей речи.

I. Экспликация положительной оценки в устных рассказах о спецпоселенцах.

По мнению многих лингвистов, оценка наиболее ярко выражается именно с помощью прилагательного, т.к. эта часть речи обозначает признак, свойство и

качество предмета (является дескриптивной частью речи) (См. об этом подробнее [Вендина, 1997; Золотова, 1982]):

А) оценочные прилагательные

Собир.: *А ссыльные были у вас?*

Инф.: *Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссыльный был, Родя, тоже жил. Такой мужик **хороший**, тоже привезён был. Не воровал, ничё* (записано в г. Козинск Кежемского района Красноярского края в 2015 году от Зарубиной Лукерьи Тихоновны, род. в 1926 г. и Зои Андрияновны, род. в 1926 г.); *Мама рассказывала у них там две женщины, двое ребятишек были что ли. «**Хорошие**, – говорит. – Были, чёрненькие были». Таджики, или кто там* (записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 году от Колпакова Николая Александровича, род. в 1939 г.); *Ну, ничё, **хорошие** женщины были, такие самостоятельные* (записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 году от Толстых Василисы Григорьевны, род. в 1924 г.);

Собир.: *А были ссыльные? Наверное, много было?*

Инф.: *Были.*

Собир.: *Украинцев не было с Запада?*

Инф.: *Были. Были с запада, были у нас.*

Собир.: *Что это за народ был?*

Инф.: *Такие бы что и карманники, и там бяз ног были, и с одной рукой, и всякие были. За что их, таких, обижали?*

Собир.: *Выходит, они люди неплохие были?*

Инф.: ***Неплохие**. За одного ссыльного, мне тётка, вышла замуж, а он как бы полномочным, Валеркин-то отец* (записано в г. Саяногорск республики Хакасия в 2013 году от Казакова Николая Ивановича, род. в 1934 г., переселён из с. Кежмы Кежемского района Красноярского края в 2009 г.);

Собир.: У вас в деревне ссыльные жили отдельно от всех или по соседству с коренными ангарцами?

Инф.: Знаете, они не жили отдельно, но они сторонились ангарцев.

Собир.: Сторонились?

Инф.: Сторонились.

Собир.: Почему?

Инф.: А были намного **грамотнее** (записано в г. Козинск Кежемского района Красноярского края в 2016 году от Скотниковой Антонины Андреевны, род. в 1941 г.);

По домам ходили здесь. И пускали, ночевали. Которы на печи, везде это кладут. И по домам жили которы. Вот Пушкин всё ходил здесь Малай ходил<...>. А он тоже какой-то был, сосланный какой-то был. Да чё, придёт, и угощали. У него пальцев не было. Ссыльный был. Но он **не вредливый** был. Но он здесь жил, здесь и умер. Один жил. У него мешок был, и там, говорят, была Библия (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1989 г. от Сизых Татьяны Ивановны, род. в 1938 г.) [СГРСБС, Т.8: 413]; А знашь, почему назвали Беренгилово-то деревню? Это у нашей бабы, не бабы, а прапрапрабабы ссыльный жил Беренгилка, тогда, говорели, и поселился. Беренгилка, говорит, пришёл.

Раньше скоко, ой, скоко этих ссыльных было! У нас у мамы жил в работниках один ссыльный, он посуточник, ну, по суткам жил, по всёй деревне ходил. Степан звали, **хороший** был. Всё рвался туда на родину, где откудова его сослали. Невинные люди были сосланы, **хорошие** люди были, такие **честные** (записано в с. Петропавловское Киренского района Иркутской области в 1981 г. от Никулиной Ульяны Ананьевны, род. в 1921 г.) [СГРСБС, Т.3: 249]; И всех детных этих немцев, всех в Нарым отправить — указ пришёл. Но у нас у мамы там двоюродна сестра была, у неё восемь с ней было детей. Ну, так по шесть, по семь, у кого там по пять. Ну и вот, когда указ-то пришёл, зачитали, мама

говорит, я, говорит, встала на колени, говорит, в конторе прямо сказала, говорит:

— Или меня тут расстреляете, или всё равно...

С чем ехать-то? Ни продуктов не было, ничё. Всё, что привезли оттудова, всё проедено было. Ну, вот сестру там, ещё несколько, нас три семьи <...>. А счетовод там был (я его всегда как-то вот вспоминаю, я его помню хорошо), он говорит:

*— Пускай, — говорит, — меня вроде посадят, что... вроде, за это, ну, что защищаю я их. Но, — говорит, — оставьте эту семью. Они такие **невредные**... (записано в с. Чекан Жигаловского района Иркутской области в 1995 г. от Богдановой Елены Фёдоровны, род. в 1938 г.) [СГРСБС, Т.14: 64]; *Ссылный Погорелов у нас жил, в Ершовой (тут же, в Приангарье же они все сосланные были), сослала его, дали ему землю.**

— Вот стройся.

*Тебе дали, на поселение высылали. Выживешь — выживешь <...>. Он столяр был, самоучка <...>. И дома строил. Он мужик-то крепкий был, ёмкий <...>. А столяр был **хороший**. Это же он, в Нижнеилимске был клуб, вот его туда звали, делал он окна там, окосячку делал в этом клубе, в Нижнеилимске (записано в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области в 2008 г. от Зарубина Ефима Иннокентьевича, род. в 1942 г.) [СГРСБС, Т.15: 348–349]; *Да! Он хоть и немец, привязанный оттуда у Маруси. **Добрый** такой он, привязанный (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 2008 г. от Усольцевой Анны Алексеевны, род. в 1935 г.) [СГРСБС, Т.15: 183–184]; *Раньше же какие-то прохожие всё ходили, ссылными назывались. И они такие все **умные**, и чё оне раньше скажут, всё сбывалось (записано в с. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 1998 г. от Страшниковой Евдокии Васильевны, род. в 1935 г.) [СГРСБС, Т.16: 160–161]; *Ссылные жили, которы бежали. Шили, хомуты починали, узды — всё вот такое делали <...>.****

дельные, говорят, были (записано в с. Трифоново Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1989 г. от Мазур Александры Василисовны, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.13: 320]; *Вот у нас жил у дедушки, в ограде, ссыльный один, без ног, с одной ногой, у него нога одна была, друга — деревяшка <...>. Он из-под Москвы где-то, там у него тётки в Москве жили, всё время тоже посылали посылки, то-сё. Где-то он... Мужик был грамотный: он же и считать мог, счёты, всё это, потом продавцом последнее время работал* (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1998 г. от Привалихина Василия Александровича, род. в 1934 г.) [СГРСБС, Т.13: 376–377].

В приведённом выше примере, в котором говорится о том, что «*каки-то прохожие всё ходили*», слово *прохожий* является многозначным. В «Словаре русских народных говоров» эта лексема используется в трёх значениях: 1) в сочетаниях *дело прохожее, Калика прохожий, прохожая песня*; 2) приведение; 3) беглый [СРНГ, Вып. 33: 34]. Смысловый анализ данного ангарского текста свидетельствует о том, что слово *прохожие* используется в значении – «беглый»

Среди ссыльных выделяется особая группа людей – «политические», т.е. лица, осуждённые по пятьдесят восьмой статье: *Политические... Их развитость, их стремление вернуться назад. Всё-таки трудности... Ну, народу... Знаете, не сказать, что он был тупой народ, нет. Но он был самобытный, трудолюбивый. Понимаете, со своим языком. Это, где же вы найдёте! Во-первых, они прекрасные сельхозработники. Т.е. они знают, как обрабатывать землю, как это всё* (записано в г. Козинск Кежемского района Красноярского края в 2016 году от Скотниковой Антонины Андреевны, род. в 1941 г.);

Раньше прохожане как-то шли всё. Одинокие идут. И вот в дярвени поселятся, и звали их шильным, шильным. Да оне, оне-то эти грамотны были, политически шли-то (записано в д. Жданово Катангского района Иркутской

области в 1998 г. от Ждановой Клавдии Николаевны, род. в 1926 г.) [СГРСБС, Т.13: 101–102];

Приведённые фрагменты текстов отражают положительное отношение коренного населения Приангарья к «чужим», а также то, что местные ценили и уважали в них, прежде всего, трудолюбие, самобытность и грамотность (образованность). Коренного жителя сельской местности, ангарца, отличает достаточно уважительное отношение к грамотности, которая связана прежде всего с образованием и культурой, как общей, так и речевой.

Б) оценочные наречия

Инф.: *За одного ссыльного мне тётка вышла замуж, а он как бы полномочным, Валеркин-то отец.*

Собир.: *Вообще кежмари к таким хорошо относились, наверное?*

Инф.: *Относились они **неплохо, неплохо** относились* (записано в г. Саяногорск республики Хакасия в 2013 г. от Казакова Николая Ивановича, род. в 1934 г., переселён из с. Кежмы Кежемского района Красноярского края в 2009 г.);

Собир.: *Значит, жили дружно?*

Инф.: *Да, в деревнях-то **дружно**, боле менее, помогали там. Вот такие дела* (записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Колпакова Николая Александровича, род. в 1939 г.); *И вот я в дойках как была, нас шесть человек, девок шесть человек: Лиза Адамовна, Катя, Наташина мать, Катькина мать. Вот эти вот немки, оне взамужем были. И три девчонки были с ними. Оне **хорошо** с нами <...>. А у нас в дойках **хорошо** девки с нами, **хорошо** относилися, и мы к ним. Раз оне **хорошо**, а зачем мы будем к ним лезти-то, езли они **хорошо*** (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1999 г. от Усольцевой Анны Алексеевны, род. в 1935 г.) [СГРСБС, Т.14: 177–178];

В) глагол с положительным оценочным компонентом в семантике

*Косой Бык, туда же всех ссылали кулаченных-то <...>. Но их нагнали уже, как уже наши срубили это Косой Бык, вот этот посёлок, а потом их стали нагонять <...>. Вот такая жизнь. И **выжили**, и **пережили**. Тут много-много кто пережили, много (записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского района в 1998 г. от Лимерова Егора Васильевича, род. в 1929 г.) [СГРСБС, Т.11: 139];*

*А там бабушка Тарашешница была, она ссыльна была. Тарашешница, татарка, была. Тоже сослана была. Она умела **налаживать**.*

— Но пошли, баушка, так и так, у меня корова оступилась доиться.

Леший приводил бабушку Федосью. И потом та пришла. Коо она делала? Кругом корову обошла, кругом корову обошла, и мама даже не заметила, чё? Корова восстановилась. Доить стала опеть (записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 2001 г. от Рукосуева Степана Кондратьевича, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.14: 203–204];

Инф.: Ну, вот идёт какой-нибудь нишший или без руки какой христовый. Ссылные же всё ходили, ну и или кто булавочкам торговал, пиночкам.

— Бабушка, купи пиночку! Купи ты пиночку. Копеечка стоит!

Он ей пимочку, а она ему аржанину, булочку аржаную (денег-то живых не было).

Собир.: Нищих жалели же, да?

*Инф.: Ага. Кормили нишших-то. Вот эту булочку нишшим стряпали. Мы её хранили, никто не потрогал! Нишший пойдёт — мы подадим ему кусочек хлеба <...>. Или просто заходили нишшие. Всегда подавали имям. Подавали. Нишших **уважали** (записано в д. Обхой Качугского района Иркутской области в 2003 г. от Обединой Александры Григорьевны, род. в 1918 г.) [СГРСБС, Т.15: 209–210].*

В устных нарративах русских старожилов о коренном инородческом населении Сибири можно встретить и особые оценочные средства языка,

которые используются для оценки «чужих». Например, существительные-коннотативы.

Такие отечественные лингвисты, как В.Н. Телия и В.И. Шаховский связывают коннотацию с оценкой: «Коннотация – семантическая сущность, узואально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1986: 5]. В данной работе мы разделяем это мнение. Отметим, что коннотативы предназначены для выражения эмоционального отношения рассказчика к называемому объекту и имеют двухсоставную структуру: название объекта отражения через логико-предметный семантический компонент денотации и эмоциональное отношение к объекту через коннотативный семантический компонент [Шаховский, 2008: 76]:

1) существительные-коннотативы

А народ-то боялись же, что это немцы. Их из Красноярска поездом, а сюда на илимках привезли, катером-тягачом. Осенью привезли, перед заморозками, мама рассказывала, ой, их никто к себе не пускал, немцев, боялиша. А маме-то жалко было. Тятя у нас был руководящим. И говорит:

– Меня, – говорит, – посодят, если ты, – говорит, – примешь их.

*Дак мама, знаете, ночью таскала имям еду. На берег унесёт, покормит. А потом их расселили по домам по кулацким <...>. Потом оне начали работать, не имели к нашей жизни-то приспособленне. Но оне **трудовики**, немцы-то (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1980 г. от Баковой Зинаиды Ивановны, род. в 1943 г.) [СГРСБС, Т.1: 112]; *Немцы всегда хорошо работали, они **труженики** большие (записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Лемке Ивана Яковлевича, род. в 1923 г.); Люди принимали. И знаете, и вот ехали, ночевали в деревнях,**

так люди относились! Так люди жалели нас, что – кого ссылали?! Каких врагов народа?! Эти разе враги народа?! Труженник! Труженников ссылали! Жили своими когтями (записано в пос. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 1982 г. от Соколовой Ольги Кирилловны, род. в 1922 г.) [СГРСБС, Т.8: 382–383]; *В Бумбуе-то светлей было, а в Берёзово тёмно. Вот Червянка культурней Берёзово, на сто километров в тайгу. Но она ближе к Ангаре, и по Ангаре там сливки все плыли к ним: ссыльные. Там был фельдшер Спиро или как там, какой-то прибалтиец был. Они его звали Спиря. Спиря. Чунари они как? Если Галактион, они Галафтион. Как же ссыльного-то в Невонке звали? Эрнст. Так они его Ернес* (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутского района в 2008 г. от Каверзиной Татьяны Герасимовны, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.15: 370–371].

В слове **труженники** (и в его диалектно-просторечном варианте **трудовики**) положительная оценка «чужих» содержится в коннотативном компоненте лексического значения. Лексема **сливки** имеет значение «самые лучшие люди», т.е. грамотные, образованные, профессионалы своего дела.

2) коннотативное сравнение

Иван-то Лемке (ссылный немец – Е.С.) *такой крепенький, как стопочка!* (записано п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Скурихиной (Бурнашовой) Лидии Николаевны, род. в 1927 г.).

3) эмотивы

В современной отечественной лингвистике существует несколько точек зрения на соотношение понятий «оценочность» и «эмотивность». Одни учёные утверждают, что в структуру и содержание эмотивов не включается оценка, другие говорят об обратном. Мы придерживаемся точки зрения таких исследователей, как Е.М. Вольф [Вольф, 2002], В.И. Шаховский [Шаховский, 2008] и Т.В. Романова [Романова, 2008], которые утверждают, что эмотивность одновременно выражает и оценочность. Под эмотивом, вслед за

В.И. Шаховским, мы понимаем особую языковую единицу, которая имеет в своем значении приобретенную или кодированную в особых условиях процесса коммуникации эмотивную коннотацию [Шаховский, 2008: 149–150]. В результате действия того или иного звукового комплекса эмотивной коннотации сопутствуют определенные эмоции, благодаря которым эмотив понимается как выражение эмоционального одобрения или неодобрения:

Собир.: *Вот этих ссыльных жалели?*

Инф.: *Ну, как, конечно, жалко было всех* (записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Толстых Василисы Григорьевны, род. в 1924 г.);

Собир.: *Жалели ссыльных, которые умирали?*

Инф.: *Конечно, жалели. Жалели местное население. Чем могло, помогало. А чем помогать-то? У самих все голодные как волки были. Чем помогать-то? Но всё равно поддерживали. А их очень много умерло здесь. И, наверное, больше литовцев даже, чем немцев умерло. Хоронили тут помногу. Ни одного покойника не увезли отсюда* (записано в д. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 2012 г. от Кулакова Ивана Дмитриевича, род. в 1938 г.);

Инф.: *Пришёл ссыльный, да и пришёл. Откуда он пришёл? Кто он какой пришёл? Надо покормить. Голодный же. И баушка всегда:*

— *Чай вари!*

Всегда. Кто бы ни пришёл, всё:

— *Чай вари!*

Всегда чай варили, кормили. У нас какой-то Алёша ссыльный жил, Очковник его звали, Алёша-Очковник. Он в очках ходил, постоянно ходил в очках. Ссыльный какой-то был, я его помню даже. Подростками ешио были, детьми. Но он жил у нас долго. Он, по-моему, у нас и умер в деревне.

Собир.: *А чем он занимался?*

Инф.: *А ничем. Так вот ходил, по людям нанимался, де-нибудь коо-нибудь помогал, работал. Ни семьи, никого не было у него с собой, тут один.*

Собир.: *А жил где?*

Инф.: *Я даже и не знаю, где он жил. Где-то жил, в каком-то зимовьюшке ли где ли, у кого-то он жил. Даже не помню.*

Собир.: *Местные помогали таким?*

Инф.: **Жалели. Жалели**, конечно, **жалели**, помогали, давали. Но опять он и помогал людям, кто наймёт его там чё-нибудь помочь, он ходил, помогал, вот этот Алёша у нас был (записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 2008 г. от Сизых Анны Михайловны, род. в 1936 г.) [СГРСБС, Т.5: 257]; Вот одного ссыльного знаем, проходил, он нищий был, нищий. И плясал, и пел, обуток у него не было, обматано только было тряпичонками, только тряпичками было обматано. Ссылный один проходил, Пушкин звали его. И он песни под окнами пел, вот это я помню, чтобы подали кусочки. И Ворожея был, проходил тожа, ссылный, Ворожея, предсказатель. Так-то он Алексей, а прозвище-то Ворожея. Предсказывал людям он <...>. Говорит, когда я была твоей мамой беременна, мол, проходил ссылный, Ворожея звали, Алексей, и вот он зашёл, гыт, к нам и предсказывал мне всё про Нину, что родится девочка, и Ниной назовёте, вот всё сказал. Вот такие люди были, проходили мимо. И всё точно рассказывал, всё точно <...>. Подавали, подавали. Что было в дому, и подавали ему. **Жалели** люди. **Жалели**, подавали, что было и подадут, но, угощали (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1982 г. от Сизых Татьяны Ивановны, род. в 1938 г.) [СГРСБС, Т.8: 255–256];

А раньше же всё прохожие да бродяги ходили. Ну и вот так же это, сильно осенью дожжж шёл, ну и баушка Дарьиных (хорошая баушка, жалистливая была) дак открыват окошко, ну, створку, и говорит:

— **Бедные** бродяги, где, — гыт, — оне идут? Такой дожжж льёт!

Холодные, — говорит, — голодные.

А один-то стоял у завалинки и говорит:

— Да мы здесь, — говорит, — подайте хоть, — гыт, — в окошко хлебушка.

Она, гыт, берёт последнюю булку хлеба, стеклянку молока:

— Натте! Натте, — гыт, — ребята!

Хоть и нужда давила, а давали, всё равно делились (записано в с. Коношаново Жигаловского района Иркутской области в 1997 г. от Коношановой Ларисы Георгиевны, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.13: 111–112].

В последнем примере говорится о том, что местные жители делились продуктами с беглыми заключёнными, которые именовались в ангарских говорах прохожими. Информант называет их «бедные бродяги». В данном словосочетании прилагательное *бедный* имеет значение «вызывающий сострадание, сочувствие; достойный сожаления, несчастный» [Кузнецов, 2014].

4) **аффективные экспрессивы**

Как отмечает Е.М. Вольф, в большом ряду экспрессивов наличествуют такие структурно-семантические подклассы, в которых выявляются некоторые специфические характеристики оценки. Одним из таких подклассов являются экскламативные высказывания, которые вводятся местоимениями *как, какой* (аффективные экспрессивы) [Вольф, 2002: 182]:

Знаете, какие здесь люди были! Здесь были, да. Люди были грамотные, были, студенты были ленинградские (записано в п. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Турова Ильи Александровича, род. в 1933 г.). *Ещё, знаете, какой доктор был! От Бога был доктор!* (записано в д. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 2012 г. от Кулакова Ивана Дмитриевича, род. в 1938 г.); *Ссылный Погорелов у нас жил, в Ершовой (тут же, в Приангарье же они все сосланные были), сослали его, дали ему землю.*

— Вот стройся.

Тебе дали, на поселение высылали. Выживешь — выживешь <...>. Он столяр был, самоучка.

Даже вот помню, табакерки были, он тятю табакерку сделал под табак. Тогда табак-то сеяли, махорки-то не было никого, рубили машинкой такой, самосад. Вот он табакерку эту сделал, ну, сплошная фляжка. И вот когда гуляли, они начали смеяться. Он теперь говорит:

— Откройте эту табакерку!

*Всёй деревней не могли открыть. Не могли найти! Ни одного шва нету, ничё. Болванка вытащена, и не могли найти, и полна табакерка табаку. Видите, как делал?! Вот возьмёт так в руки, ногтем токо нажмёт, щёлк! — и открылася. Вот. Надо подогнать вот так, даже шва нету. Вот **какой умелец был!** (записано в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области в 2008 г. от Зарубина Ефима Иннокентьевича, род. в 1942 г.) [СГРСБС, Т.15: 348–349].*

Среди оценочных выражений с местоимением какой выделяются три разновидности: во-первых, с эксплицитным объектом оценки и имплицитной оценкой; во-вторых, с объектом оценки и оценочным словом; в-третьих, структуры, в которых объект оценки и сама оценка совмещаются в одной номинации [Вольф, 2002: 183]. В приведённых выше примерах представлена первая и третья разновидность оценочных выражений.

В нарративах о разных группах спецпоселенцев можно выделить и **зону нейтральной оценки:**

Собир.: Что-нибудь про ссыльных не помните? Как они себя вели?

Инф.: Ну, как себя вели... Литовцев, латышей вот этих я ещё помню, ну.

Собир.: А местное население как к ним относилось?

*Инф.: Да, **нормально** (записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Колпакова Николая Александровича, род. в 1939 г.); Хулиганства не было никакого у нас, всё было **нормально**. Хулиганства не было. Ссыльных везли, гнали, которые оставались, а которых дальше.*

(записано в г. Кодинск Кежемского района Красноярского края в 2015 г. от Зарубиной Лукерьи Тихоновны, род. в 1926 г. и Зои Андрияновны, род. в 1926 г.).

В концепции Е.М. Вольф нейтральная оценка (нормально, безразлично и пр.) по шкале между «хорошо / плохо» располагается ближе к полюсу «плохо» (в большинстве случаев) [Там же: 50–51]. Нейтральная оценка в устных рассказах о спецпоселенцах больше относится к полюсу «хорошо». Это связано с тем, что коренные ангарцы с уважением относились ко многим «чужим», помогая им по мере возможности в обустройстве на новом месте.

Таким образом, именем субконцепта «спецпоселенцы» является лексема *спецпоселенец*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: сосланные по политическим мотивам (*ссылные, спецпоселенцы*), высланные по экономическим мотивам (*раскулаченные, кулаченные*) и депортированные по национальному признаку (*немцы* и др.). Аксиологический слой субконцепта «спецпоселенцы» выражен разными оценочными средствами языка, среди которых преобладают оценочные прилагательные (*хорошие грамотные, самостоятельные* и т.д.), глаголы с оценочной семантикой (*уважали, выжили* и др.), коннотативы (*трудовики, труженики*), коннотативные сравнения (*крепенький, как стопочка*), эмотивы (*жалко, жалели*), аффективные экспрессивы (*какие люди были* и т.п.). Анализ лексем, образующих оценочный слой концепта, свидетельствует о преобладании позитивной оценки людей, которые не по своей воле попали в Приангарье.

2.4. Субконцепт «заключённые» в ангарской лингвокультуре

В ходе анализа субконцепта «заключённые» было установлено, что его именем является слово *заключенный* и его вариант *зек*. В понятийный слой

субконцепта «заключённые» входят следующие концептуальные признаки: 1) те, кто сидят в тюрьме (*заключённые, зеки*); 2) те, кто сбежали из тюрьмы (*беглые, беглецы, бегунцы, беженцы, варнаки, прохожие, пришельцы*); 3) те, кто находятся в плену (*пленные*); 4) те, кто этапируются в тюрьму (*атапники*); 5) осуждённые за уголовные преступления и работающие под стражей на том или ином предприятии, производстве (*химики*).

Заключённые, в отличие от спецпоселенцев, не имели долгих постоянных контактов с местным населением Приангарья, т.к. находились в изоляции в тюрьме или колонии. Однако некоторые нарративы русских старожилов Сибири отмечают контакты местного населения со сбежавшими заключёнными: *А раньше-то они приходили, у нас вот Коркин в Муноке тоже пришелец. Сами себе фамилии давали и всё. Вот Коркин, тоже жил <...> пришёл так в Муноке и давай жить, и окошелился, и семью завёл и всё* (записано в с. Тарасово Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1983 г. от Тарасовой Мавры Гавриловны, род. в 1927 г.) [СГРСБС, Т.5: 277–278]; *Дак здесь же японцы сидели пленные, лагеря-то... Но народ-то с имья вакшался ... Я помню, там один был японец пленный Тода, всё к нам заезжал* (записано в с. Бунбуй Чунского района Красноярского края в 1995 г. от Корниленковой Юлии Ванифатовны, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.5: 147–148].

В одном из приведённых выше примеров, в котором говорится – «*раньше-то они приходили, у нас вот Коркин в Муноке тоже пришелец*», употребляется многозначное слово *пришелец*. В рамках анализируемого фрагмента эта лексема обозначает *ссылного*. Однако многие современные толковые словари русского языка не выделяют этого значения. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова приводятся два значения слова *пришелец*: 1) существо из другого мира, с другой планеты; инопланетянин; 2) пришлый, не местный человек [Кузнецов, 2014]. В данном случае, лексему *пришелец*, чтобы придти к одному из её значений – *ссылный*,

нужно толковать через лексему *пришлый*, т.к. ссыльный является именно пришлым, не своим по месту рождения и проживания. В «Словаре русских народных говоров» слово *пришлый* употребляется в значении «ссыльный» [СРНГ, Вып. 32: 70], что соответствует и тематике анализируемого фрагмента.

Анализ оценочных высказываний коренных ангарцев о заключённых позволил выявить, что преобладают такие типы оценок, как общая оценка и частная оценка (рационалистическая нормативная и утилитарная оценка).

В устных рассказах коренных ангарцев о заключённых встречается как положительная, так и отрицательная оценка, выраженная разными частями речи.

I. Экспликация положительной оценки в нарративах о заключённых:

A) оценочные прилагательные

Тут же на каждом километре только лагеря. Дорогу японцы пленные строили. Ну и я во второй лагерь на подразделение оформился работать. Меня отправили с части сюда, в Бунбуй отправили заготавливать корм. Сто двадцать пять японцев мне дали. Ну, я уж как заместитель начальника.

А японцы хитрый народ, но безвредный (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1985 г. от Кавалерова Георгия Кузьмича, род. в 1922 г.) [СГРСБС, Т.15: 224–225]; *Заключённые русские. Озерлаг <...>. Всё политические, уголовников не было. Они помогали, давали соль. И всё рассказывали. Но там офицеры рассказывали <...> Туполев, он же тут сидел. Тут много таких: и Русланова, Королёв, Русланова тут сидела <...>. Много хороших людей тут было, сейчас они все в Москве да везде* (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 2006 г. от Рукосуева Василия Антоновича, род. в 1936 г.) [СГРСБС, Т.4: 148–150].

Б) междометия

Междометия, которые употребляются в высказываниях с определённой интонацией (восклицательной, вопросительной и др.) и контекстуальным

окружением, относятся к средствам выражения оценки: *А заключённые-то питались ой-ой как! Там у них всё было. Японцы уехали, заключённые потом стали. Заключённые русские* (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 2006 г. от Рукосуева Василия Антоновича, род. в 1936 г.) [СГРСБС, Т.4: 148–150].

Междометие «ой-ой», употреблённое перед наречием «как», а также восклицательная интонация высказывания, эксплицируют положительную оценку *пленных*, к которым народ относился сочувственно.

В нарративах русских старожилов Приангарья о заключённых можно встретить и особые оценочные средства языка, которые используются для выражения оценки – **эмотивы**: *Я помню эти года. Вот отсюда, тогда милиция на конях же гнали, атапами. По сто, по двести человек атапников со всего района. Как отсюда начинают. Вот здесь отдел милиции был, тогда НКВД был. Вот, значит, они едут: три-четыре коня, пять в сёдлах. А атапники идут пешком. Остановились в поле, ночевали. Не допускали родственников, молоко ли там дать имям, боялись. Это же были враги народа! А народ-то жалел, всяко-разно умудрялся* (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1999 г. от Зарукина Иннокентия Васильевича, род. в 1928 г.) [СГРСБС, Т.1: 481]; *Раньше же много беглых было, или. Придут, к тебе же попросят, если кто пустят, оне:*

— *Мы у дверей, у дверей.*

*Сидят там. Покормят. Посидят и уходят. Это не чичас. Пусты — он за сто рублей тебя убьёт. А раньше никого оне, никто не убивал, ничё. Но им давали там молоко и хлеб. Или вот на полочку ставили прямо. Ну, давали. Кто, ну, чё кто сможет. Кто может, там сала кусочек даст, ешио. Ну, **народ жалистливый был, жалели*** (записано в д. Карапчанка Усть-Илимского района Иркутской области в 1998 г. от Барахтенко Анны Егоровны, род. в 1930 г.) [СГРСБС, Т.15: 408].

II. Экспликация отрицательной оценки в нарративах о заключённых:

A) оценочные наречия

А тогда же варнаков всяких, заключенных много бегало. Лагерьей-то много, и заключённых, беглецов много было. Ну и семь человек <...>. Ну, видим, что это, ну, русские, но беженцы. Ну, оне остановились.

— Где были?

Мы говорим:

— В больнице, — говорим, — лежали.

— А у вас, — говорит, — чё есть? Деньги или чё?

Ну, эта жёнищина говорит:

— Ну, какие, — говорит, — деньги, милые наши?! Мы лежали в больнице, там полуголодом, кормили худо. По десять дней отлежали и идём.

— А парнишка?

— А парнишка, — говорит, — с нам. С одной мы деревни, вместе идём.

*А один вот так по-варнацки вытащил ножик с кармана, и вот вижу: ручкой шевелит, а второй рукой махнул, он опять нож положил <...>. И мы в Тахтамай пришли пешком, солнушко закатывалось. Ну, будем в Тахтамае ночевать, уже дальше мы не пойдём. **Страшно** (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1983 г. от Рукосуевой Лидии Игнатьевны, род. в 1929 г.) [СГРСБС, Т.5: 267–268].*

В данном примере используется многозначное слово *варнак*. Согласно «Словарю говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой лексема *варнак* используется в пяти значениях: 1) бандит, разбойник, грабитель (данный лексико-семантический вариант отмечен пометой *презрительное*); 2) беглый (зафиксировано с пометой *устаревшее*); 3) беглый, ссыльный, каторжанин, бродяга; 4) злодей, ведущий себя безнравственно, совершающий святотатство (зафиксировано с пометой

переносное); 5) о непослушном ребёнке, который бедокурит, проказничает (зафиксировано с пометами *бранное, переносное*) [СГРСБС, Т.5: 264–271].

Смысловой анализ ангарского текста, в котором говорится – «*варнаков всяких, заключенных много бегало*», свидетельствует о том, что в приведённом выше контексте слово *варнак* используется в значении – «беглый ссыльный, каторжанин, бродяга». Наречие *по-варнацки* употребляется в тексте в значении «нагло, по-хамски, бессовестно» [СГРСБС, Т.5: 271].

Б) глагол с отрицательным оценочным компонентом в семантике

Ходили же раньше всякие, эти каторжные всё, говорят, ходили, варначили, по тайгам шарились, по зимовьяшкам, чё там было (остаётся же), как продуктишки, съедали и уходили (записано в д. Туба Усть-Илимского района Иркутской области в 1982 г. от Анисимова Владимира Васильевича, род. в 1942 г.) [СГРСБС, Т.5: 273]; *А у нас один тут варнак дак голову одному купцу отрубил. Поехал этот купец из Хаи в Федюо через хребёт с Чуны на Бирюсу (там деревня Федин), и он с Канска поехал. А этот Якунин (он Гутьки Амакаевой брат) утром вперед уехал раньше его, дождал, засял тама-ка, коня в сторону увёл, чтоб не видно было, верхом. Сзаду увидел его, с заду хлоп его, и всё! Тот в Кошеве ехал, убил, и всё* (записано в с. Чунояр Богучанского района Красноярского края в 1993 г. от Рукосуева Веденя Михайловича, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.5: 264–265].

Лексема *варначили*, использованная в тексте, в котором говорится о том, что «*раньше всякие, эти каторжные всё, говорят, ходили*» употребляется в значении «бродяжничали, скитались» согласно словарю Г.В. Афанасьевой-Медведевой [СГРСБС, Т.5: 273]. Во фрагменте, в котором «*один тут варнак дак голову одному купцу отрубил*», слово *варнак* используется в значении – «бандит, разбойник, грабитель» [СГРСБС, Т.5: 264].

А у нас в Ёдорме жил бродяга, заключённый, Зырянов фамилия. У него жена была, две дочери <...>. Он дрался со всеми, никому покоя не давал.

Пьяный напьётся и драку сочинял. Он заключённый был, бродяга. Здоровый, крик, такой мужик был (записано в пос. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области в 1994 г. от Хайми Зои Васильевны, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.8: 82–84];

Собир.: А беглые раньше заходили в деревню?

*Инф.: Один раз их полно прибежало. Да-к оне ночами **воровали**. Им ишь-то ведь нады. Их на ссылку сослали, а оне по деревням да везде пряталися, да. А их тоже бегали догоняли на конях, да стреляли, расстреливали. Пошто, кого в деревне, например, в нашей Недокуре, людей мало, кого делать? А оне бегают, им ить ишь надо, оне **воруют**, оне и человека **убьют**, **съедят** и всё (записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1999 г. от Верхотуровой Афанасии Филипповны, род. в 1920 г.) [СГРСБС, Т.11: 258]; *Каторжанский лог, Дунькин лог есть у нас, он и есть Каторжанский лог <...>. А раньше же здесь всяки шли по Ангаре: и беглы, и бродяги, и каторжане – всяки прохожие шли... И раньше садили, кандалы-то надевали.**

Вот тут дедушка с бабкой жили, у них была Дунька, девка. И шёл вот этот какой-то бродяжка и попросился ночевать у них. Их же пускали. Попросится.

– Но ночуй.

Жалко чё ли?! Ну и а утром так соседка пришла (сено надо вывезти), и Дуся-то рассказывают:

– Как поедешь, и вот так, вот так, дорогу-то рассказывают.

*Ну и она запрягла коня утром и уехала. Уехала. И он пошёл, он всё это слышал. И он её там, пошёл туда, где она сено грузила, и он её там **задавил** на оборке (записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1996 г. от Соседовой Ольги Петровны, род. в 1917 г.) [СГРСБС, Т.4: 343–344];*

А вот эти вот работнички, уголовники всякие. Там, гыт, всякий же сброд был, в Долгом Мосту-то <...>. Ну а я, гыт, просто подошёл:

— Чё, мужики, мол, будем работать или нет? Ну и всё. Они вечером собрались толпой и пришли. Мама уже потом рассказывала. Гыт, ну, постучались, мы открыли, а они с топорами. Вот **они тогда порубили его сильно**, отца. Он бригадиром у них, он на тракторе трелевал, а они у него были там, кто чекировал, ну, обрубщики, огрёбщики звено было у него. Ну, потом оздоровел (записано в с. Кирсантьево Мотыгинского района Красноярского края в 2007 г. от Агеевой Елены Михайловны, род. в 1947 г.) [СГРСБС, Т.14: 244–245];

Собир.: *А ссыльных много было?*

Инф.: *Здесь? А тут в основном много, как сказать, много были такие, которые в тюрьме сидели, а после тюрьме вроде какой-то 5 лет выселка.*

Собир.: *Это как называлось? Вот это вот?*

Инф.: *Вот я тоже...*

Собир.: *Говорят, химики их называют, да?*

Инф.: *Но. Вот, вот с ними тоже опасно было работать, што **один-то с топором налетел на мастер**, на это же, где мы лес валили, это мастер, это, это, вот. **Он также топором напал**, это, его... (записано в пос. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. от Лемке Ивана Яковлевича 1923 г.р.).*

В последнем примере употребляется лексема *химики*, которая в данном тексте имеет значение – «заклѳчѳнный, освобождѳнный условно-досрочно с последующим обязательным привлечением к труду» [Мостицкий, 2012].

Оценка в представленных фрагментах выражена глаголами с частнооценочным значением.

Таким образом, именем субконцепта «заклѳчѳнные» является слово *заклѳченный*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: те, кто сидят в тюрьме (*заклѳченные*); те, кто сбежали из тюрьмы (*беглые, беженцы, варнаки, прохожие* и др.); те, кто

находятся в плену (*пленные*); те, кто этапируются в тюрьму (*атапники*); осуждённые за уголовные преступления и работающие под стражей на том или ином предприятии, производстве (*химики*). Аксиологический слой выражен разными оценочными средствами языка, среди которых представлены слова как с отрицательной коннотацией (*варначить, убить* и др.), так и положительной (*Туполев, он же тут сидел. Тут много таких: и Русланова, Королёв, Русланова тут сидела <...>. Много хороших людей тут было, счас они все в Москве да везде.*)

2.5. Субконцепт «инородцы» в ангарской лингвокультуре

Именами субконцепта «инородцы» являются лексемы «эвенки» и «тунгусы», а также их акцентологические, фонетические и словообразовательные варианты: *тунгусы, тангусы, тангусишки, тангушонки; авенки, авенки, авены, авены, авноки, евонки*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: принадлежность к коренным инородческим народам Приангарья (*эвенки, тунгусы*) и принадлежность к нерусскому новосельческому населению Приангарья (*азербайджанцы, армяне, поляки* и т.д.). В магистерской диссертации подробно рассмотрена первая группа.

Инородческое коренное население Приангарья состояло в основном из эвенков. Эвенки (тунгусы) обосновались на берегах Ангары за несколько веков до того, как туда в XVII веке пришли русские. Об этом свидетельствуют гидронимы и ойконимы эвенкийского происхождения: Мотыгино [Захарцов, 2014: 57], Иркинеева, Тасеева [Баташев, Макаров, 2015: 17] и др.

В начале XVII века русские начали регулярно посещать Нижнюю Ангару для сбора ясака. На рубеже XVII–XVIII вв. началось активное хозяйственное освоение этого сибирского региона русскими засельщиками Сибири. Историки

свидетельствуют, что эвенки, проживавшие по берегам Ангары, особенно к концу XIX века, начали массово подвергаться христианизации, что, безусловно, приобщило их к русской культуре. Но, несмотря на это, инородческое коренное население Приангарья смогло сохранить свою культуру, традиции и язык [Полханова, 2014: 242; Баташев и Макаров, 2015: 21].

Все последующие годы русские тесно взаимодействовали с проживавшими в Приангарье тунгусами. Диалектологами записано немало историй о смешанных браках, в которых лексема «тунгус» используется в аксиологически корашенных контекстах:

*«Я большая была девка, работали там, жали. Покосы хороши там. А потом уже оне, **тунгусы, стали жаниться на русских.** Вот так у их и было. Уже смешалася кров, русска-нерусска. **Тунгусы всё равно люди же ведь оне**» (записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1987 г. от Брюхановой Фёклы Иннокентьевны, род. в 1921 г.) [СГРСБС, Т.10: 205]; «**Дак а этого тунгуса-то Вариона, кто его не знат-то, Господи?! Четыре или чё ли у него бабы было. Тунгус этот жанился на четырёх бабах на русских: одна умрёт при родах – другу берёт. То в Кондратьево, то в Петропавловку съездит. На Дёшимой жил же он там, в Бродовой. Бродова и Дёшима, там тунгусы жили, у речки. Там тунгусы юртошные, юрты стояли у них там, потом избы начали строить. А У Вариона там изба, тунгусы там, полная изба на зиму собиралася, в яруса спали, двухатажно, полати**» (записано в с. Выдрино Чунского района Иркутской области в 1985 г. от Рукосуева Семёна Ивановича, род. в 1920 г.) [СГРСБС, Т.4: 331]; «**Это Костя у меня, он там жил у них, он доморошшенный там, потому что его мать за тунгуса там выходила, вот оне на этой Бродовой и жили**» (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 2007 г. от Афониной Дины Александровны, род. в 1939 г.) [СГРСБС, Т.4: 331].*

Контакты русского и эвенкийского населения нашли отражение в русских говорах северных районов Красноярского края. Диалектологами отмечается, что в говоры русского населения Северного Приангарья вошли такие эвенкийские слова, как *атраконка* – «старуха»; *косник* – «украшение на голову в виде кусочка кожи овальной формы, украшенного бисером и медными пуговицами»; *гуль* – «дом, жилище»; *курпан* – «посуда из бересты, обшитая оленьей шкурой»; *суглан* – «советовать»; *нульдиться* – «собираться в дорогу, в поездку» и др. В русские говоры Приангарья было заимствовано немало и специальной лексики: *пурт* – «охотничий нож»; *турсук* – «наспинный мешок»; *кокольды* – «рукавицы с отверстием со стороны ладони, чтобы стрелять, не снимая их»; *гуливун* – «ночёвка у костра»; *паняга* – «наспинная доска, к которой привязывают всю дорожную ношу» и др. [Словарь русских говоров северных районов Красноярского края, 1992: 7, 74, 139, 149].

Русские старожилы Приангарья, повествуя об инородческом коренном населении, оценивают их поведение, морально-нравственные качества, трудолюбие, охотничьи навыки, особые способности к лечению, занятие шаманизмом и уровень жизни. При этом полюсы оценки резко различаются.

Анализ оценочных высказываний коренного русского населения Приангарья об эвенках позволил выявить, что преобладают такие типы оценок, как общая оценка и частная оценка (рационалистическая утилитарная и нормативная оценка, сублимированная этическая оценка и сенсорная гедонистическая оценка).

Оценка (как положительная, так и отрицательная) в нарративах об эвенках выражается эксплицитно словами разных частей речи:

А) оценочные прилагательные

Авенки-то были раньше каки умные, труженики, добрые охотники (записано в пос. Ербогачен Катангского района Иркутской области в 1986 г. от Юрьевой Анны Михайловны, род. в 1921 г.) [СГРСБС, Т.1: 159–160]; *Авенки,*

оне **хорошие** были охотники <...>. **Хорошие** были. Они **хорошие** охотники были, они и медведей добывали, и сохатых, и всё (записано в д. Ерёма Катангского района Иркутской области в 1988 г. от Бараковой Валентины Ивановны, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.1: 160–161]; Ну, авенки же охотой жили, оленеводством, больше они ничем не занимались, но летом рыбалка вот ешио, себе поись добывали. И женски охотилися у их. Охотники же они **хорошие**, всю жизнь в тайге живут, рожаются в тайге. С малых лет он охотник **хороший**, **авенк** (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 2008 г. от Савватеева Григория Ивановича, род. в 1933 г.) [СГРСБС, Т.7: 439];

Инф.: Шьют, если закажешь, ага, оне. Заказы сделаешь имям, оне, вот, для маленьких унты вот эти шошьют, всё, шары вот, из ровдуги вот всё шили оне шары, в сухую погоду таскать их. Гурумы, чукульмы называли. Короткие такие делали, тоже анчуры называли оне.

Собир.: Ну, они хорошие люди, незлобные?

Инф.: Нет. Оне **простые**, эванки. Я вот пацаном был, и скоко раз оне у нас, вот, стояли, мы жили когда на хребте. Я у них там пацаном в чумах жил. Ну, делать нечего с ребятами, тогда оне возьмут нас на оленях-то посадят и увезут. Тама-ка мы жили (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1988 г. от Верхотурова Михаила Иннокентьевича, род. в 1926 г.) [СГРСБС, Т.12: 357–358]; Вот так. Он без собак, безо всего. Белок бьют. Тангусишка. В Чечуе он. Оне же **ловки**, охотники-то, авенки-то (записано в с. Нижнемартыново Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1984 г. от Потапова Ивана Ермовича, род. в 1928 г.) [СГРСБС, Т.1: 155–156]; Авны у нас в одном месте жили. Вот тут Токимокичи, авны жили <...>. Они кучно жили. Но которые-то кочевали <...>. Я помню. С Дудовки. Всё говорили: дудовские богачи. В Неруткан поселились они потом. Ну, **бога-аты**. Оленей они держали. Оленьё молоко жирное. Жирность девяносто процентов (записано в с. Карам Казачинско-Ленского района Иркутской

области в 1984 г. от Шёрстова Юрия Фёдоровича, род. в 1930 г.) [СГРСБС, Т.1: 180]; *А была Елена Рукосуева, еванка, она охотница **хорошая** была, она умерла. Своей смертью. Она была двадцать четвёртого года рождения или двадцать шестого <...>. Отец у ей Илларион Рукосув, тоже еванок, у него было много жён. Одна умирала, он брал другую. Я его знаю детей. Василий самый старший. Василий, Дмитрий, Степан, Филипп. Вот эти два, которые погибли, Петька, ещё как-то звали, не знаю, Васька или как. Уля, Лена, Надя Погодаева. Девять насчитала детей. Все были от разных. Ну, иногда два только, а то всё от разных. Умирили его жены, и он с другой жил.*

*В войну он приезжал в Берёзово. У него был конь рыжий, такой откормленный. Вся эта узда у него, вся пробита такими жёлтенькими бляхами, как золотыми. Всё блестело! Куплено всё было. Кошёвка, бока такие сделаны и спинка, всё это мехом оторочено. Сам он был в дошке собачьей ходил, хорошо подобранной. Шкура подобранная. И на нём был френч и брюки. На японца походил. Он **зажиточный** был. Он там жил, в Бродовой, тридцать километров от Берёзово. Речка Бродовая, оне на ней жили. И стойбище называлось Бродовая (записано в пос. Чунский Чунского района Иркутской области в 2000 г. от Каверзиной Тамары Григорьевны, род. в 1935 г.) [СГРСБС, Т.15: 255]; *Авенки оне так-то народ **дружелюбый, гостеприёмные** <...>. Очень **умные** оне. Но их не надо обижать ни в чём. Вот если она тебе тайну рассказала, ты не должен её никому открыть, никому (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 2008 г. от Баковой Зинаиды Ивановны, род. в 1943 г.) [СГРСБС, Т.15: 70–71]; *Тунгусы жили, к лету выезжали. Жилище, да. Там стойбище было них. Они на лето выезжали. Тунгус **не дурак**. Это Жилище уже до нас названо было. Там Курья, да, там рыбы много. Так назвали, Жилище и Жилище (записано в пос. Октябрьский Чунского района Иркутской области в 1987 г. от Рукосуева Семёна Ивановича, род. в 1920 г.) [СГРСБС, Т.16: 168]; *Ну и цыган покупал коня, а оне не продали. И он****

сделал то, что... как до трёх лет и что-то случится, несчастье какое-то. И брат папин поехал на Катангу в Байкит и там к шаману обратился. Ну, сейчас шаман поставил, говорит, зергало, поставил стакан, колечко это поставил, ходил, говорит, ходил, и потом вышла голова человека.

— Ну-ка, иди узнавай!

— Дак Мишка цыган!

— А что с ним сделать?

— А ничего не сделать, просто мне узнать, да и всё, что кто.

— Если я не сделаю, то на меня потом будет.

— Ну, пушшай нога у него сохнет.

*И не поверите, я помню, его на последе даже на санках возили: нога, на костыле ходил, ходил, и не мог. И здесь и похоронили потом его. Вот как тунгусы-то! Шаманы да **знающие**. А Байкит-то, знаете, что далеко отцель (записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1982 г. от Рукосуевой Ксении Ефимовны, род. в 1922 г.) [СГРСБС, Т.16: 240]; А раньше шаманы же **сильные** были. А мама моя она стряпкой была, плакала, говорит, домой хотела. А потом старик пришёл и вот так пошлёпал её <...>. А была тангуска Марья, она с шаманом жила, с Митрошкой, он пришёл, маму вот так пошлёпал:*

— Ничё, девка, не скучай! Будешь жить!

*А она, говорит, как душу положил в него. И осталась. И стала жить (записано в с. Карам Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1999 г. от Сафоновой Октябрины Иннокентьевны, род. в 1936 г.) [СГРСБС, Т.16: 195–196]; Ну, авенки-то, **природный** же народ. **Закоренелые** авенки. Всю жизнь в тайге. Это сейчас мало стало. Ещё есть **закоренелые** такие охотники, которые и сейчас в тайге живут (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1985 г. от Зарукина Иннокентия Васильевича, род. в 1928 г.) [СГРСБС, Т.17: 86]; Здесь жила авенка. Вот этой всё тайгой она*

заведовала. Под гольцы туда к Байкалу, вот это местность. Она ходила одна. У ней свои олени были, всё, отец рассказывал. Что только не было у них! На оленях охотились, с места на место переезжали. А потом она почувствовала советскую-то власть, **грамотна** была, ну и давай продавать. Там Кутима, Моголь, там всё, Черепаниха — вот это всё распродала и смылась (записано в с. Нижнемартыново Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1995 г. от Потапова Ивана Ермовича, род. в 1928 г.) [СГРСБС, Т.17: 372]; У нас же был этот тангус один, Челокан звали, он на медведя делан, коротконогий такой, весь в шерсте, ну, весь в шерсте. На олене едет по лесу, надо ему костёр — он с оленя не слезает, он пальмой вот так деревинку подсекёт, ну и пока она летит, он его на полешки поделит пальмой этой, потом костёр распалит. Он маленький был, но **сильный** был, **вёркий** (записано в д. Анкула Катангского района Иркутской области в 1983 г. от Колесникова Ивана Ананьевича, род. в 1921 г.) [СГРСБС, Т.13: 301].

Качественные прилагательные (*умные, добрые, хорошие, простые, ловкие, богатые, зажиточные, дружелюбные, гостеприимные, не дурак (=умный), знающие, сильные, природные, закоренелые, грамотные, вёрткие*) отражают положительное отношение коренного русского населения Приангарья к инородцам, а также то, что русские старожилы уважали, прежде всего, охотничьи навыки эвенков, природную смекалку, уровень жизни и дружелюбие.

Б) оценочные наречия

*Авенки в лесу жили. Оне **хорошо** жили. От деревни недалёко стояли, километрах пять-шесть. Мы вот соберёмся, много-много нас, табунам ребятни-то, и бегали в гости к имям. А оне принимали нас **хорошо**! В чумах. И чаю напьёмся, и всё. Рады, что бегаем далёко* (записано в пос. Ербогачен Катангского района Иркутской области в 1986 г. от Юрьевой Анны Михайловны, род. в 1921 г.) [СГРСБС, Т.1: 159]; *Руцки всегда **дружно** жили с авенками. В войну колхоз авенский с Чайки весь сюда, в нашу деревню, перевели*

<...>. И всех этих ребятишек, и всех этих баб, и всех-всех-всех привезли авенкох. Потом весной сплавили дома их оттуда. Все они жили в домах. Ну, на лето уходили в чум. У нас там называлаша Черемозник, дак туда. Они там чумы наставят, и там лето в чумах живут. Авенки. Им было как-то плохо в домах жить (записано в д. Ерёма Катангского района Иркутской области в 1988 г. от Бараковой Валентины Ивановны, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.1: 160–161]; Руцки-то, оне **дружно** жили, русские. Эванки приходят всегда, оне, это, как раньше оне всё говорили, гостинцы растаскивали всё. Мясо насушат, вот сохачье мясо там в лесу, навялят – и гостинцы, угоишают (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1988 г. от Верхотурова Михаила Иннокентьевича, род. в 1926 г.) [СГРСБС, Т.12: 357–358].

В) глагол с положительным оценочным компонентом в семантике

Вон на той стороне, вон тут, тоже скоко чумов было. Все оне в чумах жили. Стойбишше цело было <...>. И **дружили** все: руцки и аванки (записано в д. Верхне-Калинино Катангского района Иркутской области в 1987 г. от Уткина Николая Иннокентьевича, род. в 1922 г.) [СГРСБС, Т.1: 157]; А звали его Николай Петрович Коненков, он шаман был, тангус. Он умер в пятьдесят седьмым. Хоронили. Гопчики таки раньше делали, деревянные гопчики, туда ложили его одёжу. У него специальная одёжа была, с бубунцами <...>. Но лечил, узнавал всё, кто воровал, **знал** (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1981 г. от Коненкина Владимира Гавриловича, род. в 1937 г.) [СГРСБС, Т.11: 235–236];

Собир.: Воровать нельзя было у тунгусов.

Инф.: Нельзя.

Собир.: А с ними же вообще не ссорились, да?

Инф.: **Не ссорились**, никого (записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1987 г. от Рукосуевой Ксении Ефимовны, род. в 1922 г.) [СГРСБС, Т.14: 163–164]; Грыжа была у моёго у сына. Сильно плакал, день и

*ночь рявел. Такой беспокой. А бабушка, она авенка, приехала к нам в гости из Калининой-то, с дедушкой. А она авенка, она **знала**. А потом дедушка как-то ночью **гыт**:*

— Да чё такое? Тебе разве не жалко? Полечи его, ребёнка-то маленького, полечи.

*И вот она **стала лечить**, дева. Она, видно, **знала шепотки-то** (записано в д. Жданово Катангского района Иркутской области в 1998 г. от Ждановой Клавдии Николаевны, род. в 1926 г.) [СГРСБС, Т.14: 82–83]; **Шаманы, вот они же как-то видели и слышали** всё. Ну, тогда авенков-то много было. Этот как центр был, в Наканной-то (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1987 г. от Пермякова Александра Степановича, род в 1925 г.) [СГРСБС, Т.15: 389].*

В приведённых выше примерах, глагол *дружить* (*не ссориться*) обладает качественной характеристикой взаимного душевного расположения людей разных этносов друг к другу; глаголы *знать* (*видеть, слышать*) и *лечить* имеют значение «обладать познаниями эзотерического характера». Информанты оценивают магические (шаманские) способности эвенков.

В устных рассказах о коренном инородческом населении встречаются и особые оценочные средства языка – **существительные-коннотативы**:

*Авенки-то были раньше как умные, **труженики** (записано в пос. Ербогачен Катангского района Иркутской области в 1986 г. от Юрьевой Анны Михайловны, род. в 1921 г.) [СГРСБС, Т.1: 159–160]; У нас **дружки** были, ну, из тунгусов **дружки** были. Здесь же много их, тунгусов-то. Оне к нам часто в деревню приезжали. **Дружки** называли. Приезжали, за мукой приезжали, табаком, ну, мясо привозили, меняли. Вот мамка она много табака садила. А тунгусы к нам оне всё в марте месяце приезжали (записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2009 г. от Коновалова Анатолия Ильича, род. в 1940 г.) [СГРСБС, Т.15: 81–85].*

В лексемах *труженики*, *дружки* положительная оценка содержится в коннотативном компоненте лексического значения. Стоит отметить, что слово *труженики* связано с одним из ключевых концептов ангарской лингвокультуры – «труд».

В некоторых текстах положительная оценка выражается с помощью **экспрессивов**: *А тангусы оне были страшны следопыты. Вот если прошёл зверёк или зверь, он знат, где он уже находится <...>. Вот они всё вот так расскажут на сотни километров, вот, всё запоминает. Он же каждый сучок в лесу знает, в каку сторону он растёт, где юг, где север, что всё, всё знает. Они, это, очень большие были следопыты* (записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г. от Брюханова Александра Трофимовича, род. в 1931 г.) [СГРСБС, Т.13: 291].

В данном контексте используется разговорное слово *страшный* в значении «искусный, исключительный, очень хороший». В данном значении прилагательное относится к разряду экспрессивов.

Также в устных рассказах коренного русского населения Приангарья об эвенках встречаются и **аффективные экспрессивы**: *Вот старый клуб когда у нас тут был (тот первый, который сгорел-то), дак много авенков-то было, молодёжи-то, ребяташек-то. Дак они часто выступали, наканновски были и хамакарски, титейски — все авенки. Как начнут плясать, петь-то — ой, браво-то как!* (записано в с. Преображенка Катангского района Иркутской области в 1987 г. от Пермякова Александра Степановича, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.15: 389].

II. Экспликация отрицательной оценки в нарративах о тунгусах (эвенках)

A) оценочные прилагательные

Некоторые ангарские нарративы отражают страхи русского старожильческого населения перед эвенкийскими шаманами, которые могли

навести порчу на своих обидчиков и недоброжелателей: *В Преображенке старик был авен, зашёл там к однем, а у их свадьба была. Зима. Замёрз. А Аксинья-то обносила всех, а ему не подала, обошла. Он встал и говорит:*

– Пожалела стакан бражки! Всю жизнь помнить будешь!

*<...> Вот ей всё время чудилось. Диканилася. Бегат, кричит. Авены – у их язык **плохой**. Слово у их – камень (записано в д. Курья Катангского района Иркутской области в 1989 г. от Черныховой Клеониды Михайловны, род. в 1937 г.) [СГРСБС, Т.1: 170–171]; Авенов обидишь – всю жизнь будешь помнить. Оне **злопомятны**, их обижать нельзя, выгонять из дому (записано в д. Курья Катангского района Иркутской области в 1989 г. от Черныховой Клеониды Михайловны, род. в 1937 г.) [СГРСБС, Т.1: 170].*

Также устные рассказы коренных ангарцев отражают отрицательную оценку характера и гигиены эвенков: *Фёдор-то какой **вредливый**, тангус! Он на неё говорит:*

– Скипятила чай?

– Скипятила.

–Но наливай!

*Нальёт, покушает – холодный. Он – раз! – в неё стакан с чаем выльет. Такой **вредливый** был дед (записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1996 г. от Корниленковой Юлии Ванифатовны, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.8: 413–414]; И вот еванки-то эти пили сидели, и вот еванок-то, этот Алексей-то, и говорит мамке с папкой:*

— Надя, Надя! — ну, он по-своему говорит-то, — Илюса, Илюса, отдай вот этого мне парня в сыновья, — ну, на братку на Сашу, — я из его сделаю человека и охотника.

Серьёзно так. А мамка говорит:

— А если он пойдёт. Спрашивай ты его.

А он говорит:

— Но я с чего пойду-то?! От них так пахнет!

Они же **вонькие**, еванки-то. Они же никогда не моются (записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2010 г. от Коновалова Анатолия Ильича, род. в 1940 г.) [СГРСБС, Т.15: 255–256]; У нас-то мамка *стряпат* в русской печи. Ну, ладно. Смотрю: там юрта, там юрта. Ну, наверно, я-то ещё думаю, ну, думаю, неужели уже русскую печку сделали? А оленей много-много. Олени — тут подходи к ним, гладь, ой! И тунгуски, взрослые девушки уже, может, семнадцать лет, тут же. И красивые есть тунгуски. Но они токо **распутные** (записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2009 г. от Коновалова Анатолия Ильича, род. в 1940 г.) [СГРСБС, Т.15: 81–85].

Б) оценочные наречия

А лес несло по Ангаре вроде, и, значит, собирали плавник, лес на дрова, и табора стояли. А собаки чё-то нюхтят, плот этот, вытащили мешок, но только двести белок там оказалось. Тех нету. Потом деда поехал к шаману, говорит, и он давай, шаман-то, через костёр, говорит, прыгат, дикуется, говорит, аж жутко было. Он сказал:

— Это, — гыт, — свой человек у вас взял, сходил, но он, — гыт, — её уже выбросил, вы его не достанете. В реку бросил пушнину-то, чтобы уж... не знал, куда деться, а эти как вроде подкинул.

— Но а чё, — гыт, — он сам не будет, ни семьи у него, ничё не будет. Семья, но он, — грит, — сын у него, и всё будет у него плохо, — вот он сказал. Только, — гыт, — зря ты приехал на своёго-то человека ко мне.

А он гыт:

— А я не знал, что это, может, свой человек, гадать-то.

— И вам, — гыт, — будет тяжело переносить.

Но от и дедушка-то... он сколько раз расходился с своей семьёй. Бросил сын, у него три дочери было. Сын, он потом тоже войну прошёл, войну прошёл,

*пришёл, правда, живой, но потом бухгалтером работал. Потом он самоубийство себе, чё-то у него стало, послевоенно ли чё ли всё, милиция стала на него <...>. И он сам себя застрелил и написал записку, что пришлось. И потом этот дедушка тоже с последней с женщиной сходил, оттуда убрали, уехал в Ванавару, там тоже умер. Ну, вся семья ушла, толку нету. Вот так. С авенками **опасно было связываться** (записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 2003 г. от Баковой Зинаиды Ивановны, род. в 1943 г.) [СГРСБС, Т.14: 107–108].*

В) отрицательная оценка эвенкийских шаманов также выражается глаголами с отрицательным оценочным компонентом в семантике: *А вот этот шаман был Николай Каманцев, дак он же Георгия-то **испортил**. Георгий оленя по ошибке убил у него, у авенка у этого. А он шаман был. И он узнал, что он у него убил. Ну и говорит:*

– Ничё, ты подавишься.

*И он умер от горла (записано в с. Преображенка Катангского района Красноярского края в 1997 г. от Пермяковой Евдокии Фёдоровны, род. в 1931 г.) [СГРСБС, Т.7: 410–411]; Раньше же свадьбы **портили**. У моёго Гоши, вот у мужика-то первого-то, отец. Свадьба шла с Новосёловой, с Казачинска на лодках плыли <...> все рядышком плывут. И баушка Настасья остановила, мать его, эту свадьбу. И оне ни взад и ни вперёд. Быстерь вон какая, а оне стоят на месте, их несёт поносом, никого. Оне гребутся, и всё равно стоят. Но потом там кой-то был, грит, это, видимо, должен сопровождать их, поехал эту свадьбу, шаман же. И он потом сказал, гыт:*

– Отпусти. Чё, –гыт, – издеваться-то?!

Ну, она потом отпустила, он поплыли. Ну, она местная была. Она авенка была. Авенка, отец – авенк (записано в с. Ермаки Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1982 г. от Тетериной Надежды Ивановны, род. в 1936 г.) [СГРСБС, Т.1: 159]; Умирать будет шаман, он передаст другому, всё своё

*знатьё передаст. Любому передаст. Марья эта, тоже она шаманка была, авеночка <...>. Захочет чё-нибудь **повредничать**, там чё-нидь вреда **навредить**, и сделает* (записано в с. Ермаки Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1982 г. от Тетериной Надежды Ивановны, род. в 1936 г.) [СГРСБС, Т.1: 164–165];

Собир.: *Их не опасались, что они могут что-то там нашаманить?*

Инф.: *Ну, дак это могут. Дак а, вот сколь здесь-ка мужиков, стариков ходили, встречались, ни один не обижаются на их, не-е-а-а.*

Собир.: *А если их обидят?*

Инф.: *Ну, дак! Елив, конечно, чего-то натворишь тама-ка. Конечно, боялись. Евенку, чё ему? Он догнал, **убил** тебя, да и всё, и развернуўся, убежаў (записано в д. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области в 2008 г. от Анкудинова Николая Александровича, род. в 1939 г.) [СГРСБС, Т.15: 257–258]; Но тунгусы **выпить** любят <...>. Оне курят и пьют. Оне пьют **по-страиному!** И мамка самогонки наварила, не самогонка была, а тарасун назывался, он хороший, с него голова никогда не болит, хмели никакой нет, в нём дрожжей нет. Ну, ладно. Мамка наварила тарасун (записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2009 г. от Коновалова Анатолия Ильича, род. в 1940 г.) [СГРСБС, Т.15: 81–85]; А про охоту опеть получилось тоже так же. Один охотник добил зверя. А тангус по соседству охотился и как-то забежался, и... а он слышал, собаки-то лаяли, он на звук этот прибяжал:*

— *Ой, Исаюшка, дай мне на жарёху мяса. Я исти хочу.*

— *Иди-иди-иди-иди, — тот сматерил его, прогнал, не дал ему на жарёху мяса.*

*Тангуса прогнал, но и всё. Тот чё-то сделал с ним, и у этого ружжо не стало стрелять на завтра, и собаки не стали лаять на белку — всё **изуродовал*** (записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1987 г. от

Рукоусева Степана Кондратьевича, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.15: 406–407]; *Так и есть, так и есть. И все эти, вот пятеро детей у ей: четыре дочери, один сын — пятеро. Ох, не дай Бог это тоже никому! Она за имя ходила. Жалко. Но ей говорили, что в дом инвалидов увезём. Она их не отдала. Вот до семнадцати лет, гыт, доживут — отнимаются ноги. А это уже никак не вылечишь — на их направлено <...>. С тунгусам связываться нельзя. **Испортить** могли* (записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г. от Брюхановой Марии Вуколовны, род. в 1923 г.) [СГРСБС, Т.16: 398–399].

Таким образом, именем субконцепта «инородцы» в ангарской лингвокультуре являются лексемы «эвенки» и «тунгусы», а также их акцентологические, фонетические и словообразовательные варианты: *тунгусы, тангусы, тангусишки, тангушонки; авенки, авенки, авены, авены, авноки, евонки*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: принадлежность к коренным инородческим народам Приангарья (*эвенки, тунгусы*) и принадлежность к нерусскому новосельческому населению Приангарья (*азербайджанцы, армяне, поляки и т.д.*). Аксиологический слой субконцепта «инородцы» выражен разными оценочными средствами языка, среди которых преобладают оценочные прилагательные (*хорошие, умные, добрые* и т.д.), оценочные наречия (*хорошо, дружно* и пр.), глаголы с оценочным компонентом в семантике (*знать, лечить* и др.), коннотативы, представленные разными частями речи (*Авенки-то были раньше как умные, **труженики**, добрые охотники* и др.). Выявлены также отрицательные контексты: отрицательно оцениваются действия эвенкийских шаманов, которые вредили русским старожилам и были мстительны. Отрицательная оценка в устных рассказах о коренном инородческом населении Приангарья выражена разными частями речи: оценочные прилагательные (*вредные, злопамятные* и др.), наречия (*опасно*), глаголы с оценочным компонентом в семантике (*испортить, изуродовать* и т.п.).

2.6. Субконцепт «другие ангарцы» в ангарской лингвокультуре

Особое место в структуре сложного концепта «чужие» занимает субконцепт «другие ангарцы». Основным концептуальным признаком этого субконцепта является место рождения и проживания человека. Выявлены две номинации «других ангарцев» по отношению друг к другу: «верховские» и «низовские» ангарцы. Выражением «верховские ангарцы / верховские» называют коренных ангарцев, проживающих в верховьях р. Ангары (Усть-Илимский, Кежемский и другие районы). «Низовскими ангарцами» именуют тех, кто является уроженцем районов, расположенных в низовьях Ангары – в Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края. В ангарских говорах существует несколько акцентологических, фонетических и словообразовательных вариантов этих номинаций: *верховски*, *верховшиина*, *верховшки*; *низовски*.

Смысловой анализ текстов показал, что «чужими» для русского населения Приангарья были не только инородцы, ссыльные, иноверцы, но и, как показывают анализируемые тексты, русские ангарцы, которые жили в разных регионах Приангарья.

Заселение Приангарья русскими началось в XVII веке. Как пишут историки, первый этап расселения русских был разреженным. Первыми стали населенные пункты Верхнего Приангарья – конец XVII начало XVIII в. В это же время русские засельщики стали активно осваивать и Нижнее Приангарье [Майничева, Глухих, 2013: 215–217; Царёв, 2016: 45].

В XVII – начале XVIII века ангарские поселения заселялись в основном крестьянами. Их основным занятием было сельское хозяйство. В связи с постройкой Московского тракта, в XVIII – XIX веках увеличился рост населения, в первую очередь, за счёт ссыльных и переселенцев. Появились

новые промыслы, связанные с открытиями месторождений полезных ископаемых и лесозаготовкой (См. об этом подробнее [Ашуркова, 2003]).

Географическое положение повлияло на разницу в занятости населения. Верховские занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой, а низовские – речным промыслом и лесозаготовкой. Населённые пункты Верхнего Приангарья находились вдали от дорог, были труднодоступны. Основным видом транспорта была малая авиация, а летом речной транспорт. Нижнее Приангарье исторически было больше связано с краевым центром (г. Красноярском), позднее с г. Лесосибирском. Население отличалось социальной пестротой, т.к. был большой приток людей на золотые прииски, а также для работы в речных портах и пр.

Взаимоотношения между «верховскими» и «низовскими» исторически сложились на основе лингвокультурной оппозиции «свои–чужие». В Приангарье этому способствовало и первоначальное расселение русских засельщиков, когда одну деревню создавала одна семья, один род: такие, как Брюхановы, Рукосуевы, Колпаковы, Карнауховы, Привалихины, Зайцевы и др. Исследователи отмечают, что Брюхановы основали Кежму и Аксеново. Рукосуевы считаются основателями Яркино, Коды, Чунояра и Малеево; Пановы – с. Паново; Усольцевы – дер. Усольцево и т.д. [Майничева, Глухих, 2013: 216].

В устных рассказах о «верховских» и «низовских» в рамках лингвокультурной оппозиции «свои–чужие» представлена в основном отрицательная оценка. Она выражается словами разных частей речи и особыми оценочными средствами языка: коннотативами и инвективами. Отрицательно оцениваются прежде всего морально-нравственные качества, а также акцентируется внимание на отсталости в связи с другим говором и обычаями: *Верховски – оне верховски выше по Киренге. Оне там всё шипят: не разбудилася, а разбудилаша, нижевшки, верховшки, Шарёженька –*

Серёженька (записано в с. Карам Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1986 г. от Воробьёвой Полины Яковлевны, род. в 1911 г.) [СГРСБС, Т.6: 313]; *По Киренге-то туда вверх, там всяко у них, там тако поверье: после смерти хозяина нельзя белить год, год никакой белёнки. У нас-то нет. Это у верховских* (записано в с. Карам Казачинско-Ленского района Иркутской области в 1999 г. от Сафоновой Анны Михайловны, род. в 1935 г.) [СГРСБС, Т.6: 313].

Экспликация отрицательной оценки:

А) глагол с отрицательным оценочным компонентом в семантике:

Потом мама рассказывала. Пошли в тайгу, ну, сыновья-то, а дед-ка Фёдор их отвозил. А их собаки лису загнали. Должны-то они, хозяйева, стрелять, а низовски как-то шли и лису убили. И дедка Фёдор говорит имям:

– Зачем вы лису убили? Это мои собаки загнали.

*Они зашли, его всего **избили**, старичонка* (записано в д. Дубынино Братского района Иркутской области в 1994 г. от Дубыниной Валентины Романовны, род. в 1932 г.) [СГРСБС, Т.7: 171–172].

На этом примере видно отношение *верховских* к нарушению негласных охотничьих правил – т.е. нельзя заходить на чужое ухожье, а также моральный запрет на то, что нельзя обижать стариков.

Б) существительное с отрицательным оценочным компонентом в семантике: *И под Каменкой рыбачили. Там яма под Каменкой. И ниже, ниже Каменки восемь километров была Шунтарская яма. Вон туды, там яма так и называется, Шунтар. Рыба после Покрова встаёт в яму, и вот там её добывали. О-о-о! Низовски эти! Там который раз приедут еишо, таки **шельмы** приедут, пихты набросают — она же пихту не любит, осетёр-то! Она потом сплыват туды ниже... Чтобы меньше добыли. Ну, потом которы мужики-то как узнают! Или дёгтем. Дёгтю в чаишу намажут да туды — она тоже всплыват. А потом еишо делали чё? Смолу, смолу и шерсть закатывают,*

чтобы ни ельца, ничё не было. Тоже делали (записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1987 г. от Джураевой Надежды Тимофеевны, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.14: 153–154].

В данном примере *низовских ангарцев* называют «шельмами». Слово «шельма» является многозначным. Согласно «Толковому словарю ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича лексема *шельма* используется в трёх значениях: 1) ловкий плут, пройдоха (данный лексико-семантический вариант отмечен стилистической пометой *просторечное*); (употребляется как бранное слово); (употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-либо) [Квеселевич, 2003: 988]. В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова зафиксировано два значения лексемы *шельма*: первое значение – «ловкий, хитрый человек; мошенник, плут, пройдоха», зафиксировано с пометой *разговорное*; второе значение, употребляемое как выражение восхищения кем-либо, в словаре С.А. Кузнецова зафиксировано без стилистических помет. Кроме того, в словаре данное слово представлено бранным оттенком значения (*Отстань, Шельма!*).

Смысловый анализ ангарского текста, где *низовские* браконьерским способом добывают рыбу, губя её потомство, свидетельствует о том, что в приведённом выше контексте слово *шельма* используется в особом диалектно-просторечном значении – человек, который нарушает запреты, поступает незаконно.

В устных рассказах «верховских» о «низовских» часто осуждается браконьерство. Низовские ведут себя как браконьеры, нарушая установленные правила ловли рыбы. В данном примере оценочный смысл заключен не только в описании ситуации, но и в использовании оценочного слова *шельма*.

В свою очередь низовские жители оценивают верховских следующим образом:

Верховски далеко жили.

– *О-о-о, верховски вон едут <...>.*

*И мы в школе учились, я училась, нас так же в Знаменке **глухарями** звали, дразнили:*

– ***Глухари** прилетели.*

Обзывали так (записано в д. Лукиново Жигаловского района Иркутской Области в 1998 г. от Дроздовой Серафимы Демьяновны, род. в 1927 г.) [СГРСБС, Т.10: 345–346]; *Лукиново называли **глухарями**, лукиновских, верховских-то **глухарями** звали. Дак чё, вроде они «тятка», «мамка» говрили-то* (записано в с. Тимошино Жигаловского района Иркутской области в 1981 г. от Жучёвой Евдокии Евлампьевны, род. в 1912 г.) [СГРСБС, Т.10: 346];

Инф.: *Лукиновские оне **глухари**.*

Собир.: *А почему?*

Инф.: *А вы знаете, верховишина, их всех там **глухарями** звали. Глухота же. Далеко от нас. Там скоко дерявней? Там Христофорова, Фомина он, Федотово. Этих дерявней уже и званья нету, от. Ивда вот, слушай-ка, Кичей был. Их нету счас, исчезли даже оне* (записано в д. Кайдакан Жигаловского района Иркутской области в 1989 г. от Машукова Михаила Никитича, род. в 1926 г.) [СГРСБС, Т.10: 346].

Коннотатив *глухари* образован от разговорной лексемы глухота, что в данном примере обозначает пространство, место («глушь», «глухомань»), которое находится далеко от того поселения, где живёт сам рассказчик. В примерах не выявлена прямая оценка, но это не значит, что её нет. Низовские акцентируют внимание на отсталости верховских в связи с тем, что они живут далеко от цивилизации; у них другой говор и обычаи.

Данное противопоставление низовских, как носителей другого говора, и жителей Верхнего Приангарья, говорит о наличии лингвокультурной оппозиции «свой–чужие» в общении и взаимодействии между верховскими и низовскими.

В текстах, в которых информанты рассказывают о жизни в своей родной деревне или о жизни в соседних поселениях, расположенных в одном регионе на близком друг от друга расстоянии, нет отрицательной оценки. В таких устных рассказах на лексическом и текстовом уровнях проявляется одно из главных свойств концепта «свои» – хвалебное отношение к «своим»: *Люди вот на Анбуре, там же народ очень **дружный** был. Раньше же помочью всё делали. Вот, примерно, отцу дом купили и перевозили его на место. Ну, все соседи собрались, поехали, разобрали его, раскатали, привезли, скатали. Ну, стол мама собрала. Другому соседу чё-нибудь надо, так же отец пойдёт да и так же поможет. Взаимовыручка была* (записано в пос. Хужир Ольхоского района Иркутской области в 1997 г. от Копылова Михаила Иннокентьевича, род. в 1923 г.) [СГРСБС, Т.1: 340]; *Праздники-то как были в Анкуле-то! Ой! Друг ко дружке ездили. Из Оськиной приезжали сюда, в Анкулу. Но вот праздники тама-ка примерно, вот Троица, приходили на Троицу, молодёжь приходила. Анкульский народ-то **дружный**, всех примал <...>. Ездили друг ко дружке. Анкульский народ, он **сыбко дружный*** (записано в д. Курья Катангского района Иркутской области в 1984 г. от Юрьевой Елены Иннокентьевны, род. в 1915 г.) [СГРСБС, Т.1: 376]; *А раньше-то как жили?! Людно было. Анкульски-то **дружно** жили. На покосы вместе ездили, женски одевались в чисто, платки белы, фартуки с карманами* (записано в д. Анкула Катангского района Иркутской области в 1985 г. от Фарковой Анны Михайловны, род. в 1916 г.) [СГРСБС, Т.1: 375]; *Оне **браво** пели, бутыринские-то <...>. Покос когда был, бабы-то **браво** одевались, чистенько, бутыринские-то* (записано в с. Бутырино Жигаловского района Иркутской области в 1987 г. от Замашиковой Екатерины Ивановны, род. в 1922 г. <...> записано в с. Бутырино Жигаловского района Иркутской области в 1985 г. от Дроздовой Евдокии Евсеевны, род. в 1925 г.) [СГРСБС, Т.5: 42]; *Ездили в праздники. Я помню, мы ездили в Зырянову в Масленицу, в Мыс ездили, и оне приезжали к нам оттудова. Зыряновы,*

*мысовски приезжали и романовски-то, но это редко приезжали, Романово. А от тут Куклина, куклински к нам приезжали и, ну, от эти деревни-то, которы поближе-то, мы приезжали друг к дружке. В Масленицу, потом в Троицу мы ездили в Куклину и в Макарову, в Мыс ездили <...>. Там собиралися, все вместе там собиралися где-то в одном месте, на улице там. Вот это в Масленицу там блины и самовары, там наготовят и всё. Настряпают блинов, там самовары, столов там на улице и... Раньше народ **дружне** был (записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2006 г. от Куклиной Нины Фёдоровны, род. в 1938 г.) [СГРСБС, Т.5: 340]; Народ раньше **дружне** был, не как счас. Раньше праздник какой – собираются, все гуляют, компаниями ходили <...> у нас Микола была девятнадцатого октября, березовские его отмечали, он съеззой, этот праздник, все деревни съезжались, вот которы близко были: Тушама, Кеуль, Ёдорма, Ката, даже с Привалихиной ездили, с Савиной – вот деревни живы-то были, ездили (записано в пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области в 2007 г. от Черных Анны Ивановны, род. в 1939 г.) [СГРСБС, Т.3: 238]; А к Пасхе уж готовились, дома шоркали, мыли, багантинские-то, вся деревня мыта в Пасху – как яичечко блестит, не то что сейчас, тряпочкой да вот так, светленькой водичкой <...>. Старухи. Наши-то, багантинские-то, **чистоплотные** (записано в пос. Еланцы Ольхонского района Иркутской области в 1998 г. от Поповой Екатерины Васильевны, род. в 1910 г.) [СГРСБС, Т.2: 122] и др.*

Как видно из примеров, на лексическом уровне положительная оценка «своих» выражается с помощью качественных прилагательных (*дружный, чистоплотный*), наречий (*дружнее*) и простых междометий (*браво*).

Следует сказать о том, что результаты анализа устных рассказов «верховских» и «низовских» друг о друге в ангарской лингвокультуре совпадают с мнением академика Ю.С. Степанова. Исследователь считал, что этнический стереотип поведения в рамках концепта (в определении академика

константа) «свои–чужие» определяет этнос для себя самого (данное положение учёный выдвинул на основе работ Л.Н. Гумилёва) [Степанов, 1997: 474]. В нашем случае стоит сделать важную оговорку – этнический стереотип поведения определяет не только целый этнос, но и отдельные группы людей, которые проживают в определённом регионе близко друг к другу и, соответственно, далеко от других регионов, что откладывает свой «культурно-языковой» отпечаток. Это в свою очередь отражается и на поведении людей.

Таким образом, в субконцепте «другие ангарцы» выявлены две номинации: «верховские» и «низовские» ангарцы. Основным концептуальным признаком данного субконцепта является принадлежность к другим районам Приангарья, отдалённым от места жительства рассказчика. Анализ контекстов показал, что жители верховья и низовья Ангары критично относятся друг к другу, а также осознают различие в говорах и обычаях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Национальный состав Приангарья и история сибирской ссылки оказали существенное влияние на формирование сложного концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре.

2. В структуре сложного концепта «чужой» выделяются четыре субконцепта: «спецпоселенцы», «заключённые», «инородцы», «другие ангарцы».

3. Именем субконцепта «спецпоселенцы» является лексема *спецпоселенец*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: сосланные по политическим мотивам (*ссылные, спецпоселенцы*); высланные по экономическим мотивам (*раскулаченные, кулаченные*) и депортированные по национальному признаку (*немцы* и др.). Аксиологический слой субконцепта «спецпоселенцы» выражен разными оценочными средствами

языка, среди которых преобладают оценочные прилагательные, глаголы с оценочной семантикой, коннотативы, коннотативные сравнения, эмотивы, аффективные экспрессивы. Анализ лексем, образующих оценочный слой концепта, свидетельствует о преобладании позитивной оценки людей, которые не по своей воле попали в Приангарье.

4. Именем субконцепта «заключённые» является слово *заключенный / зек*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: те, кто сидят в тюрьме (*заключённые*); те, кто сбежали из тюрьмы (*беглые, беженцы, варнаки, прохожие* и др.); те, кто находятся в плену (*пленные*); те, кто этапируются в тюрьму (*атапники*); осуждённые за уголовные преступления и работающие под стражей на том или ином предприятии, производстве (*химики*). Аксиологический слой выражен разными оценочными средствами языка, среди которых представлены слова как с отрицательной коннотацией, так и положительной.

5. Именем субконцепта «инородцы» в ангарской лингвокультуре являются лексемы *эвенки* и *тунгусы*, а также их акцентологические, фонетические и словообразовательные варианты: *тунгусы, тангусы, тангусишки, тангушонки; авенки, авенки, авены, авены, авноки, евонки*. В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: принадлежность к коренным инородческим народам Приангарья (*эвенки, тунгусы*) и принадлежность к нерусскому новосельческому населению Приангарья (*азербайджанцы, армяне, поляки* и т.д.). В магистерской диссертации рассмотрена первая группа. Аксиологический слой субконцепта «инородцы» выражен разными оценочными средствами языка, среди которых преобладают оценочные прилагательные, оценочные наречия, глаголы с оценочным компонентом в семантике, коннотативы, представленные разными частями речи. Выявлены также отрицательные контексты: отрицательно оцениваются действия эвенкийских шаманов, которые вредили русским

старожилам и были мстительны. Отрицательная оценка в устных рассказах о коренном инородческом населении Приангарья также выражена разными частями речи.

6. Именами субконцепта «другие ангарцы» являются два наименования: *ангарцы / верховские / верховски, / верховшина, / верховики; ангарцы / низовские / низовски*. Основными концептуальными признаками данного субконцепта является: 1) место рождения; 2) место жительства рассказчика. Анализ контекстов показал, что жители верховья и низовья Ангары критично относятся друг к другу, а также осознают различие в говорах и обычаях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования национальной и региональной лингвокультуры относятся к актуальным задачам современной отечественной лингвистики. Понятие «лингвокультура» появилось сравнительно недавно, в ряде работ обозначающий его термин по содержанию слабо дифференцируется с терминами «языковая картина мира» и «ценностная картина мира». Отчасти это происходит потому, что феномены лингвокультуры, ЯКМ, ЦКМ имеют точки пересечения в ментальном мире человека, поскольку связаны с культурой и языковым сознанием. Однако следует чётко разграничивать эти понятия, т.к. имеются различия в их основных единицах и функциях. Основными единицами языковой картины мира являются концепты и ключевые слова. Языковая картина мира выполняет такие базовые функции как идентификативная, регулятивная, номинативная, экспликативная и функция отражения в языковом сознании явлений окружающего мира. Единицами ценностной картины мира, которая является особой разновидностью языковой картины мира, являются аксиологические концепты, оценочные средства языка и «кодексы» (В.И. Карасик), последние представляют собой систему взаимосвязанных суждений нравственно-этического характера. Ценностная картина мира выполняет следующие базовые функции: аксиологическую и адаптивную. Оба феномена (ЯКМ, ЦКМ) представляют собой ментально-лингвальные образования. В отличие от них лингвокультура – это ментально-коммуникативный феномен, т.к. она представлена в текстах разных жанров, в том числе и фольклорных. Основной единицей лингвокультуры является лингвокультурный концепт, содержание которого связано с духовной и/или материальной культурой. Лингвокультура выполняет конгломерирующую, дифференцирующую, легитимирующую, идентифицирующую функции.

В магистерской диссертации подробно рассмотрена ангарская лингвокультура, под которой понимается русская культура, отражённая в региональном языковом сознании и вербализованная в устных и письменных ангарских текстах.

Анализ научной литературы показал, что в настоящее время ангарская лингвокультура изучена недостаточно. Установлено, что исследование языка и культуры Северного Приангарья было начато ещё в конце XIX века этнографами-специалистами и любителями. В XX веке была проделана большая собирательская и лексикографическая работа сотрудниками и студентами Красноярского государственного педагогического института (с 1991 г. – университета) подготовлены диалектные словари: «Словарь русских говоров северных районов Красноярского края» под ред. Г.Г. Белоусовой и «Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья» В.И. Петроченко, отразившие особенности ангарского говора, а также лексику традиционных ангарских промыслов. Кроме того лексику ангарских говоров и особенности культуры местного населения отразили любительские диалектные словари А.Ф. Карнаухова и Н.З. Рукосуева. Особое внимание диалектологов в XX веке было приковано к фонетическим и лексическим особенностям ангарских говоров.

В конце XX – в начале XXI в. язык и культуру Северного Приангарья начали рассматривать в коммуникативном и этнолингвистическом аспектах. Появились работы сибирских исследователей, в которых анализируются особенности ангарской лингвокультуры и диалектной коммуникации (например, работы Г.В. Афанасьевой-Медведевой, О.В. Фельде). Перешла на новый этап и ангарская лексикография. Это связано с выпуском многотомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой, в основу которого положены более 150 диалектологических экспедиций. Важной особенностью словаря является включение в

иллюстративную часть больших по объему текстов. Новым шагом в развитии сибирской диалектной лексикографии стала разработка концепции аудиовизуального сетевого «Ангарского словаря» О.В. Фельде (2012 г.). Картотека этого словаря легла в основу лингвокультурологических работ молодых исследователей Сибирского федерального университета, которые анализируют диалектный дискурс, а также лингвокультурные концепты и стереотипы, представленные в ангарских текстах.

В ходе настоящего исследования было установлено, что лингвокультурный концепт представляет собой основную ячейку культуры, которая входит в ментальный мир человека. Структура лингвокультурного концепта складывается из понятийного, образного и ценностного слоёв. Как отмечают исследователи, одним из наиболее значимых лингвокультурных концептов является сложный концепт «чужой». Этому концепту посвящён целый ряд лингвистических, литературоведческих и философских работ. Концепт «чужой» довольно часто в рамках одной работы анализируется вместе с концептами «свой», «другой». Было установлено, что у концепта «чужой» и «другой» имеется общий концептуальный признак – «не такой, как этот; какой-либо иной». В рамках лингвистических исследований концепты «чужой» и «другой» рассматриваются в аспектах лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, В.М. Шаклеин, А.Т. Хроленко и др.), психолингвистики (Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова и др.), теории межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова, Л.В. Куликова и др.), политической лингвистики (А.М. Нехорошева, Е.В. Кишина и др.) и т.д.

Концепт «чужой» в ангарской лингвокультуре входит в область культурно значимой оппозиции «свой–чужие», которая образует ценностную систему знаний. Социум Приангарья состоит из русского старожильского населения, переселенцев из других регионов (русских и нерусских), представителей

малочисленного коренного населения (эвенков), а также потомков ссыльных и др.

В процессе исследования установлено, что в ангарской лингвокультуре концепт «чужой» представляет собой многомерный развивающийся смысловой феномен, формируемый компонентами-смыслами и реализуемый языковыми средствами. В его структуру входят разные субконцепты, среди которых особое место занимают субконцепты «спецпоселенцы», «заключённые», «инородцы», «другие ангарцы». На структуру сложного концепта «чужой» оказали влияние экстралингвистические факторы, а именно история заселения Приангарья и история ссылки.

В отдельных параграфах рассмотрены понятийные и оценочные слои выделенных для анализа субконцептов.

Установлено, что именем субконцепта «спецпоселенец» является лексема *спецпоселенец* (термин, обозначающий всех ссыльных в XX веке). В понятийный слой данного субконцепта входят следующие концептуальные признаки: сосланные по политическим мотивам (*ссылные, спецпоселенцы*); высланные по экономическим мотивам (*раскулаченные, кулаченные*); депортированные по национальному признаку (*немцы* и др.). Аксиологический слой субконцепта выражен разными оценочными средствами языка, среди которых преобладают оценочные прилагательные глаголы с оценочной семантикой, коннотативы, коннотативные сравнения, эмотивы, аффективные экспрессивы. Анализ лексем, образующих оценочный слой данного субконцепта, свидетельствует о преобладании позитивной оценки людей, которые не по своей воле попали в Приангарье.

Именем субконцепта «заключённые» является слово *заключенный*. В понятийный слой субконцепта входят следующие концептуальные признаки: те, кто сидят в тюрьме (*заключённые*); те, кто сбежали из тюрьмы (*беглые, беглецы, бегунцы, беженцы, прохожие, пришельцы*); те, кто находятся в плену (*пленные*);

те, кто этапируются в тюрьму (*атапники*); осуждённые за уголовные преступления и работающие под стражей на том или ином предприятии, производстве (*химики*). Аксиологический слой данного субконцепта выражен разными оценочными средствами языка, среди которых представлены слова как с отрицательной коннотацией, так и положительной. Положительно оцениваются сбежавшие из-под стражи политические заключённые.

Именем субконцепта «инородцы» являются слова *эвенки* и его синоним *тунгусы*. В текстах выявлены также акцентологические, фонетические и словообразовательные варианты данных лексем: *тунгусы*, *тангусы*, *тангусишки*, *тангушонки*; *авенки*, *авенки*, *авены*, *авены*, *авноки*, *евонки*. В понятийный слой субконцепта «инородцы» входят следующие концептуальные признаки: принадлежность к коренным малочисленным народам Приангарья (*эвенки*); принадлежность к нерусскому новосельческому населению Приангарья (*азербайджанцы*, *армяне*, *поляки* и т.д.). В диссертации подробно рассмотрена первая группа. Аксиологический слой данного субконцепта выражен разными оценочными средствами языка, среди которых преобладают оценочные прилагательные, коннотативы, представленные разными частями речи. Выявлена также отрицательные контексты: отрицательно оцениваются действия эвенкийских шаманов, которые, по мнению рассказчиков, вредили русским.

Особое место в структуре сложного концепта «чужие» занимает субконцепт «другие ангарцы». Основным концептуальным признаком этого субконцепта является место жительства человека в другом районе Приангарья, отдалённом от места жительства рассказчика. Выявлены две номинации «других ангарцев» по отношению друг к другу: «верховские» и «низовские» ангарцы. Анализ контекстов показал, что жители Верхней и Нижней Ангары критично относятся друг к другу. В оценочном слое данного субконцепта

преобладают слова и выражения, называющие морально-нравственные качества людей.

Перспективой дальнейшего исследования является анализ дихотомии «свой–чужие», выявление особенностей экспликации концепта «свой». Важно также расширение концептуального поля за счёт других субконцептов, в частности, таких, как иноверцы, жители других регионов России, жители других стран. Перспективным является также усиление лингвоаксиологической направленности работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсалямов М.Б. Очерки истории культуры Сибири. Красноярск: FAMILIA, 1995. 223 с.
2. Актуальные проблемы лингвокультурологии: сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований / отв. ред. И.Л. Галинская. М., 2011. 138 с.
3. Алексеева Д.А. Концептуализация другого в онтологии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 2005. 146 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
6. Арефьев В.С. К вопросу о сибирской народной песне Текст // Сибирский сборник. Вып. 1. 1899. С. 34–40.
7. Арефьев В.С. О прошлом и настоящем ангарских аборигенов // Сибирский сборник. Вып. 1. 1900. С. 114–122.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
9. Афанасьева Е.Ф. Тюрко-монгольские встречи: диалог культур // Материалы международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2003). Улан-Удэ: ГУП «ИД Буряад Унэн», 2004. С. 15–20.
10. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007–2015. Т.1–17. – СГРСБС.
11. Ашуркова Ю.А. Экономико-географическая характеристика транспортно-расселенческой освоенности территории Иркутской области: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.25. Иркутск, 2003. 186 с.

12. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 52–57.

13. Баженова Е.А., Лапчева С.А. Оппозиция *свой–чужой* в политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 17–19.

14. Баженова Е.А., Мальцева И.В. Имидж политика в аспекте оппозиции *свой–чужой* // Вестник Пермского ун-та. 2009. №3. С. 28–33.

15. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

16. Балясникова О.В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2003. 224 с.

17. Балясникова О.В. «Феномен «чужого» в интер– и интракультурном пространстве» // Вопросы психолингвистики. М., 2010. №11. С. 133–138.

18. Баташев М.С., Макаров Н.П. К вопросу об этногенезе дорусского населения Северного Приангарья // Живёт облик родины с нами. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2015. С. 15–21.

19. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Изд-во «Индрик», 2005. 288 с.

20. Белоусова Г.Г. «Кежмарь глазами кежмаря» // Живёт облик родины с нами. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2015. С. 23–27.

21. Белоусова Г.Г. Фонетическая система старожильческих говоров северо-восточной части Кежемского района Красноярского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 1978. 23 с.

22. Богданова А.Т. Сопоставительный анализ структур и способов вербализации концептов вежливость и *Hoflichkeit* в русской и немецкой

языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Новосибирск, 2011. 168 с.

23. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Сер. Лит-ра и язык. 2006. Т. 65. № 3. С. 3–13.

24. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.

25. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

26. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Приангарье. Забайкалье / под ред. И.В. Маковецкий, Г.С. Маслова, в 2 т. Новосибирск: Наука, 1971–1975. 412 с.

27. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, исп. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

28. Васильев Г.Е. Проблема ценностей в современной культуре // Вопросы культурологии. 2013. №10. С. 15–19.

29. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

30. Вендина Т.И. Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. №4. С. 41–48.

31. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. С. 93–97.

32. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

33. Воркачëв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Электронный ресурс]. 2001. URL: [гоо.гл/gY2o2W](http://go.gl/gY2o2W) (дата обращения: 24.10.2015).

34. Воркачѳв С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2008. 199 с.
35. Воркачѳв С.Г. Лингвокультурная концептология и еѳ терминосистема (продолжение дискуссии) // Политическая лингвистика. 2014. №3. С. 12–20.
36. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М., 1997. 331 с.
37. Выходцева И.С. Концепт «свой–чужой» в советской словесной культуре (20–3-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2006. 20 с.
38. Голузо Л.В. Фонетическая система старожильского говора Богучанского района Красноярского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1973. 25 с.
39. Гольдин В.Е. Изобразительность диалектной речи [Электронный ресурс]. 2001. URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/Articles/Izobrazitel> (дата обращения: 18.12.2015).
40. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сб.: К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова / отв. ред. Н.Н. Пшеничнова. М.: Наука, 2002. С. 58–64.
41. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского ун-та. Серия: Филология. Журналистика. Вып.1. 2009. Т.9. С. 3–6.
42. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского госуд. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. С. 396–405.
43. Грицанов А.А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. 1999. URL: goo.gl/QvLGSu (дата обращения (21.11.2015)).
44. Гришаева Л.И. «Свой» и «чужой»: осмысляя заново уже полученный результат // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во Воронежский госуд. ун-т, 2015. №13. С. 51–77.

45. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
46. Гунина Л.А. Этноспецифические концепты как отражение национального характера // Известия Российского госуд. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. №97. С. 169–175.
47. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое концепт? // Что такое философия? М., СПб., 1998. С. 25–47.
48. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Т.: Издательство Томского ун-та, 2000. 190 с.
49. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Древнее искусство Нижнего Приангарья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 91–96.
50. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
51. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс]. 2002. URL: goo.gl/66vIgr (дата обращения: 01.12.2015).
52. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
53. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012. 696 с.
55. Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941 – 1945 гг.) [Электронный ресурс]. 2010. URL: goo.gl/kb79NF (дата обращения: 14.01.2016).

56. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. С. 87–94.

57. Захарцов М.Г. Историко-демографические процессы в Сибири на примере Мотыгинского района // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 55–59.

58. Зиммель Г. Как возможно общество? // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. Т.2. С. 509–528.

59. Золотова Г.А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 386 с.

60. Зуев А.С., Красильников С.А. Ссылка в Сибирь в XVII – в первой половине XX в. [Электронный ресурс]. 2009. URL: [гоо.гл/gVTt3G](http://go.gl/gVTt3G) (дата обращения: 15.01.2016).

61. Иванов А.А. В Сибирь по этапу (XVII – XIX вв.) // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2014. №2. С. 170–177.

62. Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII – XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №1 (27). С. 42–52.

63. Иванов А.К. Первая амнистия Временного Правительства 1917 г. в Приангарье // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. №2 (73). С. 63–67.

64. Иванова С.В. Телесные корни лингвокультурологической категории «свой–чужой» // Вестник Л. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. Т.1. №5. С. 20–30.

65. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.

66. Илиополова К.С. Противоречие «свой–чужой» в социокультурной коммуникации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов н/Дону, 2010. 23 с.

67. Йокояма О. «Свои» и «чужие»: межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 61–63.

68. Калинина С.В. Персонажи освоенного пространства в традиционной мифологической прозе восточнославянского населения Красноярского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Улан-Удэ, 2005. 25 с.

69. Канчани П. Оппозиция «свои–чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2007. 260 с.

70. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, Архангельск, 1996. С. 3–15.

71. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.

72. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

73. Карасик В.И. Эмблематический концепт «благополучие» // Политическая лингвистика. 2010. №3. С. 34–40.

74. Карасик В.И., Прохвачёва О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.

75. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 75–80.

76. Карнаухов А.Ф. Краткий словарь Кежемского говора (Кежемское Приангарье). 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2016. 152 с.

77. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель, 2003. 1022 с.

78. Кислякова Е.Ю. Категория инакости в коммуникативистике // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012а. №2 (1). С. 276–280.

79. Кислякова Е.Ю. Проблема лексикографирования инакости и инаковости: уточнение понятий // European Social Science Journal, 2012б. № 1. С. 183–190.

80. Кислякова Е.Ю. Синтаксические способы выражения коммуникативной категории инакости в русском языке // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012в. №3. С. 90–97.

81. Кишина Е.В. Смысловая модель категории «свое–чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского госуд. ун-та. 2009. №1 (5). С. 47–52.

82. Козлова Т.О. Интегративные маркеры – вербальная форма разрешения конфликта «свой–чужой» в пределах этносоциальной общности // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. науч. конф. 22–24 апреля 2004 г. Т.1. / Отв. ред. И.А. Фесенко. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 498–504.

83. Колошук Н.Г. «Свои» и «чужие» в романе И.Л. Сельвинского «О, юность, моя!» (имагологический аспект) // Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. Вып.10. С. 48–67.

84. Коногорова А.В. Концепт «женщина» в английской лингвокультуре // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2010. №10. С. 126–129.

85. Красавский Н.А. Концепт «тоска» в русской лингвокультуре // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2009. №7. С. 20–23.

86. Красавский Н.А. Концепты «дух» и «душа» в повести Германа Гессе «Сиддхартра» // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2011. №8. Т.62. С. 147–151.

87. Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ–ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук, 10.02.20. Екатеринбург, 2005. 207 с.

88. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

89. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

90. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования М. гос. ун-та. Серия: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 67–74.

91. Крючкова Н.В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков: дис. ... д-р филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2009. 558 с.

92. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 2014. URL: goo.gl/u9qM9R (дата обращения: 15.01.2017).

93. Куликова Л.В. Теория межкультурной коммуникации (Коммуникация. Стилль. Интеркультура): учеб. пособие. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2010. 290 с.

94. Лаптева Е. Россиеведение: стереотипы и мифы // Высшее образование в России. 2003. №4. С. 126–132.

95. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб: Высшая Религиозно-Философская Школа, 1999. 266 с.
96. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под общ. ред. проф. С.Г. Воркачёва. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.
97. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
98. Луков В.А. Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур // Знание. Познание. Умение. М., 2007. №1. С. 124–131.
99. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Язык и этнос: Российская лингвокультурология. Тексты / сост. С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик. 2012. С. 73–99.
100. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Особенности заселения Нижнего Приангарья и северорусские традиции в строительном деле русских старожилов-ангарцев // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т.12. №3. С. 214–223.
101. Макаренко А.А. Канун по сибирским селениям: (Восточная Сибирь. Енисейская губерния). СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко), 1908. 19 с.
102. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. Красноярск: Гос. тип., 1913. 293 с.
103. Максимова Н.В. Коммуникативные доминанты речевого поведения (на примере оппозиции «своё–чужое») // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. №11. С. 95–105.
104. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.
105. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 204 с.

106. Могилевич Б.Р. Специфика социальной коммуникации при межкультурном взаимодействии // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2012. Т.8. № 11. С. 53–56.

107. Мостицкий И.Л. Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Электронный ресурс]. 2012. URL: goo.gl/635YfEcontent_copyCopy short URL (дата обращения: 17.01.2017).

108. Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: дис. ... д-р филос. наук: 09.00.11. М., 2003. 330 с.

109. Наумов А. История тюремного дела. Уголовно-исполнительной системе России – 130 лет [Электронный ресурс] // Восточно-Сибирская правда, 2009. URL: [го.гл/e1uIjw](http://go.gl/e1uIjw) (дата обращения: 14.01.2016).

110. Нехорошева А.М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой–чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. №2. С. 140–144.

111. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.

112. Новиков-Граунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // «Полис» Политические исследования». 2000. №4. С. 82–93.

113. Новосёлова Н.А. Ангарские старины // Енисей: литературно-художественный и краеведческий журнал красноярских писателей. Красноярск: Красноярская писательская организация. 1986. №6. С. 75–80.

114. Новоселова Н.А. Локальные черты устно-поэтической традиции Приангарья // Фольклор: Песенное наследие. М.: Наука, 1991. С. 132–145.

115. Новосёлова Н.А. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края. Т.1. Красноярск, 2011. 282 с.

116. Орехов В.В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). Монография. Симферополь: АнтикВА, 2006. 608 с.

117. Орлова О.В. Дискурс томских рок-авторов как факт региональной лингвокультуры: перспективы изучения // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2015. №1 (33). С. 16–25.

118. Осетрова Е.В. Каналы массовой коммуникации: «свое», «чужое», «иное» // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Одеський нац. ун-т. Одеса: Астропринт, 2006. № 11. С. 105–109.

119. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник М. гос. гуманитарного ун-та им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. №4. С. 31–40.

120. Пеньковский Б. О семантической категории чуждости // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987. М.: Наука, 1989. С. 126–167.

121. Петроченко В.И. Лексика рыбного промысла в русских говорах Северного Приангарья (опыт ретроспективного анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1992. 18 с.

122. Петроченко В.И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск: ККИ, 1994. 128 с.

123. Петроченко М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2005. 227 с.

124. Пивоев В.М. «Свое» и «чужое» в этнической и национальной культуре // «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. статей / Отв. ред. В.М. Пивоев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 6–16.

125. Пименов Е.А. Картина мира с позиций исследования концептов // Диалог культур в аспекте языка и текста: материалы научной конференции. Вып. I. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. С. 141–147.

126. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: Флинта: Наука, 2011. 176 с.
127. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
128. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. 173 с.
129. Полханова О.А. Дневники миссионеров Русской православной церкви как источник изучения этнографии коренных народов Енисейской губернии (середина XIX – начало XX в.) // Социокультурное освоение Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск: Резонанс, 2014. С. 240–244.
130. Поляков О.Ю. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-Пресс, 2013. 162 с.
131. Преодоление основополагающего бинаризма Европейской культуры. Снятие противопоставленности «мужского» и «женского». «О соблазне» // Жан Бодрийяр. Грицанов А.А., Кацук Н.Л.. Мн.: Книжный Дом, 2008. С. 139–154.
132. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
133. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы ревевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997. 228 с.
134. Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1996. 303 с.
135. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 310 с.
136. Рукосуев Н.З. Краткий словарь речи старожиллов Приангарья. 4-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2014. 372 с.
137. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX – XX в.). Л.: Наука, 1967. 278 с.

138. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. 639 с.
139. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 656 с.
140. Скиба М.Е. Концепт «идеология» в американском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Н. Новгород, 2003. 16 с.
141. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / Отв. ред. Г.Г. Белоусова. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. 348 с.
142. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: «Наука», 1998–1999. Вып. 32–33. – СРНГ.
143. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
144. Судакова В.В. Концептуализация «чужого» в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 16 с.
145. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
146. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
147. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е издание, доработанное. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
148. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с.
149. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири [Электронный ресурс]. 1985. URL: [гоо.гл/ow9M1g](http://go.gl/ow9M1g) (дата обращения: 25.01.2017).

150. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Иностранная литература, 1960. С. 135–198.
151. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. 1964. URL: [гоо.гл/za52LO](http://go.gl/za52LO) (дата обращения: 20.02.2017).
152. Фельде О.В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков // Вестник Томского гос. ун-та, 2011. №3 (15). С. 59–64.
153. Фельде О.В. Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №3 (45). С. 190–192.
154. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. М., 1992. С. 28–43.
155. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб: Наука, 2007. 677 с.
156. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. 382 с.
157. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
158. Царёв В.В. Особенности формирования сети русских селений Нижнего Приангарья в XVII–XIX веках // Вестник Томского госуд. архитектурно-строительного ун-та. 2016. №6 (59). С. 44–55.
159. Чернобай С.Е., Мансурова А.В. Семантические особенности фразеологических единиц, вербализирующих концепты «свой–чужой» в английском языке // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т.26 (65). №2. С. 331–336.

160. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Панцирь – Ящур. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т.2. 560 с.
161. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.
162. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
163. Шилько Г. Малая Родина. Очерки по истории Богучанского района. Богучаны, 2000. II часть. 67 с.
164. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.
165. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
166. Языковое сознание и образ мира: сб. статей: отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. 320 с.
167. Chomsky N. Language and Politics. NY, 1988. 779 p.
168. Gudycunst W.B. Communicating with Strangers. An Approach to intercultural communication. N.Y., 1984. 274 p.
169. Hingley R. The Russian Mind. N.Y., 1977. 307 p.
170. Oatley K. Communications to Self and Others: Emotional Experience and its Skills // Emotion Review. 2009. 3. P. 206–213.
171. Smith J. Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture. Helsinki, 1999. 263 p.

Устные рассказы русских старожилов Приангарья о спецпоселенцах
(Субконцепт «спецпоселенцы» в ангарской лингвокультуре)

1. Собир.: *Были у вас в деревне ссыльные?*

Инф.: *Были, как не было, были. Доктор был ссыльный. В очках-то, как его был? Еще, знаете, какой доктор был! От Бога был доктор. А какое у него образование, кто его знает. Во всяком случае, он возглавлял эту больницу, стационар.*

Собир.: *А были нерусские? Эстонцы, литовцы, немцы.*

Инф.: *Ну, это в период войны всех их прислали. До этого-то их не было. В войну их тут полно было. И немцев, и латышей, и литовцев, эстонцев.*

Собир.: *С местным населением нормальные у них были отношения?*

Инф.: *Нормальные. Да еще какие трудяги были. Колхоз-то на них и держался, в основном. В колодках, в деревянных. Они все, литовцы, в деревянных колодках были. Я, как сейчас, помню их. Обуви не было, колодки деревянные из дерева выдалбливали, в них ходили. Что сумеет намотать, штаны какие порвались, холицовые, так наматает, а нет, так нет. Так и пошёл. А их как на кладбище везли-то. Они здесь повымерли. Их чёрт-те знает, сколько. Ужас, сколько повымерло людей! Это сталинские времена. В это отношении не вспомнишь хорошего ничё.*

Собир.: *Жалели ссыльных, которые умирали?*

Инф.: *Конечно, жалели. Жалели местное население. Чем могло, помогало. А чем помогать-то? У самих все голодные как волки были. Чем помогать-то? Но всё равно поддерживали. А их очень много умерло здесь. И, наверное, больше литовцев даже, чем немцев умерло. Хоронили тут помногу. Ни одного покойника не увезли отсюда.*

Записано в д. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 2012 г. Фельде О.В.

от Кулакова Ивана Дмитриевича 1938 г.р.

2. Собир.: *Вы же были посёлке ссыльный. А у вас был уполномоченный, кто за вами наблюдал?*

Инф.: *Был.*

Собир.: *А можно было вот уехать в другое место как то, в другую деревню без разрешения поехать?*

Инф.: *Ну, там эти как не далёко была Бедея, так вот до Бедеи ходили значит это, если у кого тряпка какая была, значит меняли на какой-то кусок хлеба. Или скоко там мучки дадут.*

Собир.: *А среди ссыльных были только зажиточные крестьяне или может быть другие нации, народы?*

Инф.: *Нет, это до войны не было, после войны токо што присылали, поляки были. Кода мы жили, то поляков привозили, ссыльные были. Но те как то хорошо высылали и перины, и подушки привозили, а мы ехали голые. Вот на лошадь посадили, на сани так, и отправили, а куда везут. На Ангару тогда привезли. Потом на Муру, потом с Муры на эту, подальше колхоз организовали, километров 8 от речки от Муры, а речка где мы жили Имба называлася. Ну, вот как Артюгинко у нас небольшая.*

Собир.: *А после войны как жил народ?*

Инф.: *Ну мы токо начинали как свои жить, начали одеваться. Тут война, опять нас лишали всего так.*

Собир.: *А как жили при Сталине? Не помните сталинские времена?*

Инф.: *Ну, вот там колхоз. Сталин, так я уже в армии был.*

Собир.: *Ну это правда, что его искренно любил весь народ? Ну, ссыльные как относились, или молчали?*

Инф.: *Молчали.*

Собир.: *А когда умер Сталин в 53 году, никто не показывал своих чувств?*

Инф.: *Нет, не помню.*

Записано в п. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. Фельде

О.В. от Брюханова Анатолия Степановича 1928 г.р.

3. Собир.: *А ссыльные были у вас?*

Инф 1.: *Ссыльные были.*

Инф 2.: *Ссыльных-то гнали. Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссыльный был, Родя, тоже жил такой мужик хороший, тоже привезён был. Не воровал, ничё. Уехал вообще он там, в другую деревню, и там милиционер, забыла как его звали, работал в Паново.*

Инф 1.: *Усольцев.*

Инф 2.: *Усольский, Усольский. Забыла, как он, Митроша, Митроша звали. Заставил мужиков сам этого Родю утопить в полонне, рьяка-то стала, еще не совсем замёрзла, его живого утопили.*

Собир.: *Где утопили? В полонне?*

Инф 2.: *Да, полоння.*

Инф 1.: *Река стала.*

Инф 2.: *И так не замёрзла, незамороженный был ещё. И вот они его утопили.*

Собир.: *За что утопили?*

Инф 2.: *Вот, чё-то не понравился. Вообще ничё не делал, не ругался и не воровал никакой. Этот мужик захотел его утопить, его этого. Он ссыльный, привезённый был. А потом этого милиционера-то увезли, и дали тюрьмы, и не вернулся, там его задавили. Живой не вернулся с тюрьмы. Вот так, хулиганства не было никакого у нас, всё было нормально, хулиганства не было. Ссыльных везли, гнали, которые оставались, а которых дальше, не знаю куда их угоняли. По деревне у нас, по улице гнали зимой.*

Записано в г. Козьмодемьянск Кежемского района Красноярского края в 2015 г. Фельде О.В. от Зарубиной Лукерьи Тихоновны 1926 г.р. и Зои Андрияновны 1926 г.р.

4. Собир.: *Наверное, много ссыльных было?*

Инф.: *Там все они и были.*

Собир.: *Лагерь много было здесь?*

Инф.: *Ну, они как жили, так как.*

Собир.: *Обижали иногда?*

Инф.: *Часто можно было убежать, а туды куда, зимой мороз, летом мошка съест тебя, лодок нет, на чём? Вот с Муры, у нас 8 километров гавань была. С Мура справляли по большой воде лес и гавань тут.*

Собир.: *А жили они как?*

Инф.: *Ну, всяко то. В каждой деревне. Когда литовцев сослали, три барака их там было. Их там как этих, как мух, как мошки напыхали в бараки. И вот, представьте себе, их сослали себе, у них уже малированные эти баки были. Их привезли, на берег высадили, вот такие баки и марли были. Вот на сколь мы отставали от них, вот так подумать.*

Собир.: *Ну, наверное, не у всех же были?*

Инф.: *У всех. Да. И вот они там, в лесу помню, эту фасоль посадили, ну там сколь, ну там аа. А мы же везде бегали, у литовцев гороху. Ну, сходили чё, надо было попроведовать, а мы нарвали и убежали. Мы выпросили всё, хехех, бегали везде.*

Собир.: *А немцы были в этих краях?*

Инф.: *Ленинградцы были. Мама мне рассказывала, у нас жили.*

Собир.: *А что рассказывала?*

Инф.: *Ну, ленинградцы вот были, потом чё-то они быстро уехали. Мама рассказывала: у них там две женщины, двое ребятшек были что ли, хорошие говорит были, чёрненькие были, таджики или кто там. Да всё было, всякие.*

Собир.: *То есть, здесь ссылались. Но жили дружно?*

Инф.: *Да, в деревнях-то дружно, боле менее, помогали там. Вот такие дела.*

Записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 г. Фельде

О.В. от Колпакова Николая Александровича 1939 г.р.

5. Собир.: *В вашей деревне жили только ангарцы или ссыльные только были?*

Инф.: *А всякие. Много народу было.*

Собир.: *Что-нибудь про ссыльных не помните? Как они себя вели?*

Инф.: *Ну, как себя вели... Литовцев, латышей вот этих я ещё помню, ну. Ну чё, обращались с ними хуже. За людей не считали.*

Собир.: *Правда?*

Инф.: *Да.*

Собир.: *А местное население как к ним относилось?*

Инф.: *Да, нормально. Даже это, милиция вся, эта строго было.*

Собир.: *Помогали им?*

Инф.: *Да. Они даже с маленькими ребятишками ссылались сюда.*

Собир.: *А потом, когда они уехали отсюда?*

Инф.: *Ну так, постепенно, помаленьку съехали.*

Собир.: *А на местных они женились или нет?*

Инф.: *Есть. На русских женищинах женились, они здоровенны были. А женищины то каки были, хаха. Здоровые были.*

Собир.: *Работали нормально, наверное?*

Инф.: *В лесу, на лесозаготовках, в основном. Тогда молотили, снопы были, работали за картошку.*

Записано в д. Гольтявино Богучанского района Красноярского края в 2014 г.

Фельде О.В. от Колпакова Николая Александровича 1939 г.р.

6. Собир.: *А были ссыльные? наверное, много было?*

Инф.: *Были.*

Собир.: *Украинцев не было, вот, с запада?*

Инф.: *Были. Были с запада, были у нас.*

Собир.: *Что это за народ был?*

Инф.: *Такие бы, что и карманники, и там бяз ног были, и с одной рукой, и всякие были. За что их, таких, обижали?*

Собир.: *Сами-то они люди неплохие были.*

Инф.: *Неплохие. За одного ссыльного мне тётка вышла замуж, а он как бы полномочным, валеркин-то отец.*

Собир.: *Вообще кежмари к таким хорошо относились, наверное?*

Инф.: *Относились они неплохо, неплохо относились, не обяжали. У нас потом ссыльный был. Как же его? Гурьев. У нас всё отцов увозил в лес, на охоту. С одной рукой был. Он, бляха, на лошадях был с одной рукой. То ли он горел, то ли чё-то, я как-то не помню. То ли лицо все обгоревшее такое было прям...*

Собир.: *А как вот этих переселенцев звали? Вы ссыльными называли?*

Инф.: *Ссыльные.*

Собир.: *А коренных как? Челдоны?*

Инф.: *Нет. Никак. Я не знаю... кержаки.*

Собир.: *Ну, не знаю. Мне казалось, что их звал макчонами.*

Инф.: *Макчонами. А это вот, когда химлесхоз пришел когда, шестидесятые годы – семидесятые называли нас макчонами, а раньше-то нет. Это уже вот, пришлое уже, да.*

Собир.: *То есть коренные себя так не называли?*

Инф.: *Нет. Никогда. Называли так это только чужаки нас, которые приехали к нам, и они называли коренных жителей макчонами. А мы вот*

между собой - мы никогда это слово не произносили, не любили даже это слово "мокчон".

Записано в г. Саяногорск республики Хакасия в 2013 года Фельде О.В. и Астраханцевой Э.А. от Казакова Николая Ивановича 1934 г.р., переселён из Кежмы в 2009 году.

7. Инф.: *Иван-то Лемке такой крепенький, как стопочка.*

Собир.: *Да, да. Крепенький вообще, живой, здоровый такой. Прямо хорошо все рассказывает. У него, конечно, судьба интересная. Он и в Германии был, и в Голландии, и с Украины сам как бы. И вот сюда попал.*

Инф.: *Так ссыльный, их наверно, тогда ссыльный. Спецпереселенцы наверно. Их тогда много-много пригнали.*

Собир.: *Вы тоже их много тут видели. Ну, вот говорили, что на плоту немцы были, да?*

Инф.: *Ну, это на плоту, допустим там бригада, там один два. Так как, ну, бригада набирается. Такие же люди, только вот по-немецкому говорят, такие же люди, ничё ни это.*

Собир.: *Ну, вот как они с местным населением? Как к ним относились?*

Инф.: *Нет, вот знаете че, когда мы работали самое. Все были дружно. Никто никогда никого не дернулся, не обозвал ничего даже-даже как-то мы дружно.*

Собир.: *Он сам говорил, что с ним все хорошо с ним относились. Все было хорошо.*

Инф.: *У него был друг этот Лемке, тот был Эннер Иван. Так итак самое.*

Собир.: *Тожже немец, да?*

Инф.: *Тожже немец был. Ну, как-то этот только все улыбался, а тот все даже так это. А у меня подружка была Фридка немка значь, ну. Она мне даже учит это. По-матершинному. По-немецки. Ну, я говорю, это я же не знаю чё*

говорю. Она говорит чё такое, она говорит: «Добрый день». А почему че-то по-другому, ну, ведь по-разному это немцы там туда-сюда. Этот Эннер, не Лемля, а Эннер этот: «Лидя, ты знаешь, чё говоришь? – По-немецки скоро с вами буду. – Да она тебя материться учит». Да ты чё?!

Собир.: А немцы женились на русских девушках?

Инф.: Так много женились.

Собир.: Они же обрусели.

Инф.: Обрусели. Потом даже это. Вон Лемля, вон как чисто разговаривает, даже не подумаешь же. Женились много так, но не то шоб шибко много. Не обижали и нормально, все хорошо.

Записано в пос. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г.

Махаловой К., Пестовой О. и Токаревым К.

от Скурихиной (Бурнашовой) Лидии Николаевны 1927 г.р.

8. Инф.: Да, в телеге запряженная корова, и вот, я вожжи, суды сижу, от колеса то корове, я думала всё, всё я уже. Камень лежал большой, она как то к этому камню и вожжи натянулась. И я... Как она этот камень стукнула, я наверное метров три отлетела из телеги, вожжа мне в ногу заплелась. Тут увидели у ворот, ой, наверное, все, все, вот. И на быках ездили, этих посылали... как... ну, немцев туда всё высылали, увозили.

Собир.: Пленных что ли? Или поволжские?

Инф.: Ну, немцы. Как высылали, по деревням их рассылали, и вот у нас Рая была, у ней двое ребятишек было. Тоже одеть, ой, зима, холодина. Она вот возьмет, на двух быках едет по силос, ну, наверное, до речки два километра, ну и там три километра. Вот надо накласть эти два воза и ехать, а быки ведь рысью не побегут, шагали тихонько, и вот как мы все говорили, как она терпела.

Собир.: Холодно было?

Инф.: *Ну, так, сорок градусов мороз, поезжай, всё равно езжай, льгот не было.*

Собир.: *Она была немка по национальности?*

Инф.: *Немка, а волосы хорошие были. Она в яму сядет, на быка, запоёт, в деревне слышно было. Вот так и жили.*

Собир.: *Вот этих ссыльных жалели?*

Инф.: *Ну как, конечно, жалко было всех. А потом мы этих, стали их высылать, ну, проституток, между прочим, только как их звать я забыла. По деревням тоже посылали.*

Собир.: *Это в какие годы? После войны?*

Инф.: *В войну еще.*

Собир.: *А в войну, где их брали? Там которые из немцев что ли?*

Инф.: *А где... я не знаю, откуда их привозили.*

Собир.: *Это те, которые с немцами, наверное?*

Инф.: *Ну, наверное.*

Собир.: *И как?*

Инф.: *Я тоже животноводом была, ну, чё, их привезут, будешь вот так управлять, а мне надо к машине идти, к дояркам. Убежишь, придёшь, они уж убежали, уйдёшь. Придёшь, они на печи. Дали им дом, вот как тебе сказать... Вот я этот... рытвина-то была в деревне, знаешь?*

Собир.: *В Иркинеево?*

Инф.: *Да, вот она сейчас и там это... возле этой рытвины. В деревне чё, был дом, вот их в этот дом поселили, вот они там. Прибегаю, они на печи, ребяташек полон этот... Ну, я опять начинаю: «Пойдёмте, пойдёмте». Опять созову, всё равно прогону: «Ребятишки уходите, ради Христа. Вы по чё приходите, вы чё...». Ой...*

Собир.: *А ребятишки, что парни ходили?*

Инф.: Парни, парней-то кто, пацаны. Добрых-то парней не было, а пацаны эти, подростки, ох.

Собир.: А куда они потом делись? Эти женщины?

Инф.: А куда... я не знаю. Их по-моему опять куда-то увезли. Председателю стали жаловаться, что они ничё не делают и увезли. Ужас был, что не видели.

Собир.: Но красивые хоть женщины?

Инф.: Ну, ничё, хорошие женщины были, такие самостоятельные. А работать не хотели, тунеядки. Тунеядки, так и говорили тунеядки. Ой, чё было. Мы не видели, можно сказать, какое наше детство было, мы его не видели, всю жизнь на участках были, зиму всю на молотье, какая есть молодежь была, на молотье только кто постарше там, машинист ли. Вот ребяташки, кто постарше был, сноповозы, снопы возили. Раньше не то что, снопы увозили, сначала жали и снопы делали в скирды, клали в скирды снопы, а потом зимой молотили, и снопы опять свозили к гумну. Толкли. На гумно возили молотить. Вот бригада опять зимой там молотить, вот были с Морочкой с этой с Фадеевских. Не захватила их?

Записано в пос. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г.

Фельде О.В. от Толстых Василисы Григорьевны 1924 г.р.

9. Собир.: Немцев много было в ваших краях?

Инф.: Много было.

Собир.: Когда, после войны или во время войны?

Инф.: Нет. В 43 году их...

Собир.: С Волги?

Инф.: Да, в 43 году сюда их, очень много здесь.

Собир.: Как они себя здесь показали?

Инф.: Ну, как, они жили.

Собир.: *Работали нормально?*

Инф.: *Конечно, все работали. В первое время жили очень бедно, их в колхозы, в основном. Они потом из колхоза стали бежать в эти предприятия.*

Собир.: *Ага.*

Инф.: *Вот здесь.*

Записано в пос. Невонка Богучанского района Красноярского края в
2014 г. Фельде О.В. от Турова Ильи Александровича 1933 г.р.

10. Инф.: *Раньше всё какие-то прохожие ходили, ссыльные. Пришёл ссыльный, да и пришёл. Откуда он пришёл? Кто он какой пришёл? Надо покормить. Голодный же. И баушка всегда:*

— *Чай вари!*

Всегда. Кто бы ни пришёл, всё:

— *Чай вари!*

Всегда чай варили, кормили. У нас какой-то Алёша ссыльный жил, Очковник его звали, Алёша-Очковник. Он в очках ходил, постоянно ходил в очках. Ссыльный какой-то был, я его помню даже. Подростками ешио были, детьми. Но он жил у нас долго. Он, по-моему, у нас и умер в деревне.

Собир.: *А чем он занимался?*

Инф.: *А ничем. Так вот ходил, по людям нанимался, де-нибудь коо-нибудь помогал, работал. Ни семьи, никого не было у него с собой, тут один.*

Собир.: *А жил где?*

Инф.: *Я даже и не знаю, где он жил. Где-то жил, в каком-то зимовьюшке ли где ли, у кого-то он жил. Даже не помню.*

Собир.: *Местные помогали таким?*

Инф.: *Жалели. Жалели, конечно, жалели, помогали, давали. Но опять он и помогал людям, кто наймёт его там чё-нибудь помочь, он ходил, помогал, вот этот Алёша у нас был.*

Потом киргиз какой-то был тоже ссыльный, этот уже после Алёши был. А как он туда попал? Как от, как его, ему туда пришлось приехать, не знаю даже.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. и Деменковой Г.С. от Анны Михайловны Сизых 1936 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири.

Иркутск, 2010.

Т.5. С. 257.

11. Собир.: *Представьтесь, пожалуйста.*

Инф.: *Антонина Андреевна Скотникова.*

Собир.: *В каком году Вы родились?*

Инф.: *8 марта 1941 года. Давно-давно. Мне 75.*

Собир.: *Вы коренная ангарка?*

Инф.: *Коренная.*

Собир.: *А где родились?*

Инф.: *В деревне Заимка.*

Собир.: *Скажите, а в Заимке ссыльные были?*

Инф.: *Да, были.*

Собир.: *А переселенцы?*

Инф.: *Переселенцы были.*

Собир.: *Скажите, пожалуйста, как ещё называли таких людей? Помимо ссыльных, переселенцев, какие ещё слова были?*

Инф.: *Беглые.*

Собир.: *Беглые – это кто? Что это значит?*

Инф.: *Беглые... Вот, знаете, как вам сказать. Меня даже эта тема занимает. Я занимаюсь этой темой. Ну, началась-то каторга с декабристов. Их ведь царь прямо в приказе писал, что их надо сослать туда, где нет ни*

людей, ни дорог... Ну, в общем, в такие места каторжные, где они золото копали. Они располагались, где Байкал. Это Прибайкалье, это Иркутская область, вот, Нижнее Приангарье.

Собир.: А в двадцатом веке как всё происходило?

Инф.: Знаете, что хочу сказать – ведь это сохранилось в памяти народной. Хотели запретить, чтобы их забыли, чтобы их никто не помнил, но ведь их там, в основном, во всех этих районах Приангарских есть улицы, названные ими. Есть места, названные ими. Вот так вот.

Собир.: Знаете, интересно, как в двадцатом веке называли таких людей. Вы говорите, что беглыми называли. Называли?

Инф.: Называли. Ну, тогда, знаете, забыли. А называть, как и сейчас называют... Мокконы.

Собир.: Мокконы, да?

Инф.: Мокконы.

Собир.: Это именно ангарское название?

Инф.: Ангарское, а нужно подумать: почему мокконы?

Собир.: Почему?

Инф.: Мокконы... Ну, это поганая рыба, которую никто на Ангаре не ест.

Собир.: И людей так называли?

Инф.: И тех, кто... Знаете, вы задали такой мудрый вопрос, что я не берусь на него ответить. Потому что слишком это будет смело. Это уже вновь пришедшие после революции люди, которые местное население... Они местных, когда начали мешать, то они местное население начали называть мокконами.

Собир.: Скажите, пожалуйста, Вам знакомо слово варнак?

Инф.: Варнак, да.

Собир.: А что значит это слово?

Инф.: *Это не жулик, а даже глубже что то...*

Собир.: *Может, разбойник?*

Инф.: *Разбойник, да. Варнак – которому нельзя доверять человеку, он пришелец, он не наш.*

Собир.: *А в вашем детстве, в 40-е гг. разбойников так называли?*

Инф.: *Ну, редко, но называли.*

Собир.: *Вы уже сказали, что ссыльные в вашей деревни были, да?*

Инф.: *Да.*

Собир.: *А ссыльные – это кто? Где они жили у вас в Заимке?*

Инф.: *Ссыльные-то у нас не жили так, потому что это далеко. Вы знаете, меня сейчас интересует гораздо глубже история, ведь там жили Эвенки и тунгУсы, когда-то в этом районе. Дальше... хакАсы. Они ушли на юг. Эвенки поднялись на север, а здесь остались... И вот, меня занял вопрос: почему называется остров Тургенева на реке Ангаре, который затопили? Турки назвали, когда задался вопрос о строительстве ГЭС, и туда наезжали делегации. Турки увидели там остров Тургенева и сказали: «Это восьмое чудо света. Мы красоты такой нигде не видели».*

Собир.: *Почему остров называется именно так?*

Инф.: *Ну, потому что... Вот, они-то и спросили меня. Я перебросила сразу на политического вождя – это предводитель декабристов Тургенев Николай Иванович. Он был не главарём, а он возглавлял или руководил. Руководил, правильнее сказать, тремя тайными обществами, декабристов в том числе и Северным тайным обществом, но он, будучи стат-советником царя, представьте себе, вот такой успевал. Он в 24 году перед восстанием декабристов бежал за границу. И... он в 36 году умер. Понимаете, и вот... Ой, не помню, в Сибирь-то не попал, но декабристы его очень ценили – три тайных общества он возглавлял. Я решила, что в честь его. Выписала его биографию,*

выписала его всё, понимаете. А мне потом простой ангарец сказал: «А знаете? Это не так. Это... вы забыли, что здесь жили...»

Собир.: Эвенки?

Инф.: Эвенки. И я говорю... «Знаешь, - говорит. - Слово турхень?» Я давай везде звонить, в красноярские институты, и мне никто не дал толкования. И только сегодня, здесь, я не помню, с кем я разговаривала в автобусе, когда ехала, поделилась: «Знаете, вот никак...», а он говорит: «А я, знаете, я представляю». Игорь, Игорь Николаевич. Он говорит: «А я понимаю, что это просто...». Он говорит: «В Сибири названы, многие деревни названы и поселения, названы местами...».

Собир.: Может, именами?

Инф.: Именами. Он говорит: «Это просто Туркен».

Собир.: Туркен?

Инф.: Туркен.

Собир.: Это имя, да?

Инф.: Как имя эвенка или тунгуса, вот представляете. Вот подумай. Оказывается, я там занимаюсь этим, а обыкновенный человек, которому до лампочки все эти названия, он, оказывается, не такой обыкновенный, его тоже всё интересуется. И он сказал: «Это Туркен».

Собир.: Скажите, а в вашем детстве, ваши родители или кто-нибудь в Заимке употреблял слово заключённый? Было входу это слово?

Инф.: Нет.

Собир.: Не было?

Инф.: Не было.

Собир.: А слово зэки, когда начали использовать?

Инф.: А когда сейчас пришли.

Собир.: Можете вспомнить, какие это годы?

Инф.: А вот, когда они появились, в 80-х гг.

Собир.: *Ближе к «перестройки»?*

Инф.: *Да, в 80-90-х гг.*

Собир.: *У вас в деревне ссыльные жили отдельно от всех или в домах, как коренные ангарцы?*

Инф.: *Знаете, они не жили отдельно, но они сторонились ангарцев.*

Собир.: *Сторонились?*

Инф.: *Сторонились*

Собир.: *Почему?*

Инф.: *А были намного грамотнее.*

Собир.: *Ссыльные были грамотными?*

Инф.: *Грамотность...*

Собир.: *Среди ссыльных, наверное, было много «политических»?*

Инф.: *Политические... Их развитость, их стремление вернуться назад. Всё-таки трудности... Ну, народу... Знаете, не сказать, что он был тупой народ, нет. Но он был самобытный, трудолюбивый. Понимаете, со своим языком. Это где же вы найдёте!*

Собир.: *И религией, наверное?*

Инф.: *Но религия общая.*

Собир.: *Не было других религий?*

Инф.: *Нет-нет.*

Собир.: *Например, у нас православие, а у них...*

Инф.: *Только православие.*

Собир.: *Депортированные были в вашей деревне?*

Инф.: *Были, были депортированные.*

Собир.: *А каких национальностей?*

Инф.: *Ну, русские из таких крупных городов.*

Собир.: *Немцы были?*

Инф.: *Ой, немцы-то были*

Собир.: *Много было немцев?*

Инф.: *Много было, много.*

Собир.: *Русские немцы или...*

Инф.: *Это волжские немцы. И они, надо сказать, много хорошего дали.*

Собир.: *Например?*

Инф.: *Например... Ну, как, они... были как-то насколько-то выше в своём развитии. Во-первых, они прекрасные сельхоз работники. Т.е. они знают, как обрабатывать землю, как это всё. И они культурнее нас, и выше, выше, в чём-то выше. Но жизнь нас всех объединила. И я заканчивала школу в 58 году, и в нашем классе были немцы, и они прекрасно учились. И мы прекрасно дружили.*

Собир.: *Как к ним относились коренные жители?*

Инф.: *Ой, любили друг друга.*

Собир.: *Не было такого, что поначалу коренные ангарцы не любили их? Может, как-нибудь обзывали?*

Инф.: *Нет, этого не было. Этого не было. Знаете, вспоминаю, что мы в деревне Заимка жили рядом с немцами. И, знаете, как-то сумели... Немцы это вот с Волги, и были рижские немцы. Представляете, с Риги, вот с Прибалтики. Они привезли с собой прекраснейшую посуду, и альбомы прекраснейшие. И я была знакома. Рядом жил министр, какой-то министр из Латвии. Вы, знаете... И я... У нас когда гуляли, у нас ничё не было. Мы таскали вот эту посуду, и я её мыла неизвестно как. Вот, и они были дружелюбны. Их медсестра наших лечила.*

Записано в г. Кодинск Кежемского района Красноярского края в
2016 г. Смирновым Е.С. от Антонины Андреевны Скотниковой 1941 г.р.

12. *А немцы-то, дак во время войны их же сюда авакуация была, в Сибирь, на Ангару. А народ-то боялись же, что это немцы. Их из Красноярска поездом, а сюда на илимках привезли, катером-тягачом. Осенью привезли,*

перед заморозками, мама рассказывала, ой, их никто к себе не пускал, немцев, боялиша. А маме-то жалко было. Тятя у нас был руководящим. И говорит:

– Меня, – говорит, – посодят, если ты, – говорит, – примешь их.

Дак мама, знаете, ночью таскала имям еду. На берег унесёт, покормит. А потом их расселили по домам по кулацким. Кулакох раскулачили, отобрали у их дома, и в эти дома немцев поселили <...>. Везде порасселили их. К зиме-то. А исти нечего было, картошку уже выкопали. Оне ходили по полю, мороженую картошку собирали <...>. Потом оне начали работать, не имели к нашей жизни-то приспособленне. Но оне трудовики, немцы-то, работающи, оне много очень знали, готовили всё. Приготовлення у них хорошие. Я хорошо помню, здесь начали варить патоку свёкольну, на Ангаре.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Баковой Зинаиды Ивановны 1943 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.

Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред.

Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007.

Т.1. С.112.

13. Дедушку Антониса раскулачили, взяли по пятьдесят восьмой статье. Кулаченье. У меня тятю кулачили. У других-то шибко не было. На болоте жили, ссылали туды, выше Дворца, там болото <...>.

У нас в Коде троих кулачили. Дедушку Кырсана помню. У него тоже Рукосуев фамилия, у нас в колхозе работал счетоводом. Забирали скота, всё. Описывают, забирают всё да половче. Шубы, дохи были – забирали. Вот кулаченье было, по пятьдесят восьмой статье брали. И выселяли <...>. В болото! И заставляли вытасковать обратно. Вот забыла, их два было вездеганщика, милиционера-то: один был Мартынов, а другой то ли Мартычѐв, как-то вот под вид обои были. В болото бросит кого-нибудь, и

заставляли вытаскивать. Потом заставляли вытаскивать. Я это хорошо помню.

Записано в д. Кода Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Верхотуровой Елены Гавриловны 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С.60–61.

14. Папа мой и брат Тимофей оне рядом жили, строилися, дома-то рядом построились. А старший уехал (может, слышали, деревня Мурма, на реке на Мурме), он туда уехал. А второй Максим, тот тут жил в деревне, рядом. Ну и ладно, и жили и жили. Это в каком нас году? В двадцать восьмом году кулАчество... В Плеханово это было. Отцу с матерью приписывают религию. А церкви-то ешио работали, я крещёная была. Приписали, значит, имя религию. Всё забрали у нас, всё, и отца посадили. А нас – в чёрну баню. Живём мы в бане. А избу заколотили. Председатель сельсовета (у нас корова была хорошая), он забрал корову, сосед забрал свинню. Второй сосед пришёл, пострелял куриц, забрал у нас. Ну, что, это ж враги были народа, ссылать надо! Собирают нас в Тасеево в храм. Нас собрали семей двацать. Это я всё помню хорошо! Ссылать куда? На Ангару. На Ангару куда? Едем, едем. Боже мой! Привозят в Иркутскую область, Шиткинский район, деревня Черчет. Нас провожал мамин отец, и везли кое-что с продуктов <...>. Люди принимали. И знаете, и вот ехали, ночевали в деревнях, так люди относились! Так люди жалели нас, что – кого ссылали?! Каких врагов народа?! Эти разе враги народа?! Труженик! Тружеников ссылали! Жили своими когтями.

Записано в пос. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Соколовой Ольги Кирилловны 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С.382–389.

15. *По домам ходили здесь. И пускали, ночевали. Которы на печи, везде это кладут. И по домам жили которы. Вот Пушкин всё ходил здесь Малай ходил <...>.*

А он тоже какой-то был, сослатьый какой-то был. Да чё, придёт, и угоишали. У него пальцев не было. Ссылный был. Но он не вредливый был. Но он здесь жил, здесь и умер. Один жил. У него мешок был, и там, говорят, была Библия. И он этот мяшечек никуда даже. Зайдёт в избу, ему дадут там хлебца или чё-то. У него это мяшечек был холишовый такой, кошелёчек, как кулёчек, и он через плечо всё время носил. И говорят, что у него (я, правда, не видела, а говорят), что у него была Библия.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Сизых Татьяны Ивановны 1938 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С.413.

16. *И вот, родна моя, сколько таких случаев было – у-у-у! Народ тогда шибко выдушивали. Мы-то ещё не первыми были пригнаты, нас раскулачили и сослали, а кто первые-то кулаченные приехали-то, говорят, вот их на болота бросили, под голу сосну, отсюда двадцать пять километров как в Червянку ехать, там дорога была. И вот говорили, что на болото на это угоняли этих людей первых-то, и мучили, говорит, по-всякому <...>. Вот наши-то, ангарцы-то, не первы были. А вот кто первые-то были сослАты, я говорю, вот бабушка Маша рассказывает, как они на Подшивере за Дворец их вперёд туда пригнали.*

Это вот Панова Лизавета Ивановна вот рассказывала, их с Пановой, с верхних деревень, за Кежму-то пригнали, так опять ведь это прямо в Берёзово, гыт, туды высадили тоже там (Берёзов – остров, это у нас остров такой

большой был, мы с Дворцом-то мы на этом острове косили вместе, Косой Бык одну сторону, Дворец – другую сторону), и на ту сторону-то реки как раз, и вот там их тоже, говорит, вот так же высадили, где-то пригнали, ну, вот в лес, что погибать, так погибайте. Как вредители какие были!

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Никулиной Афанасии Ивановны 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.9. С.243–244.

17. Здесь много было выселённых, но больше литовцы. Литовцы, немцы были у нас. Кладбища их были. Литовцы всех своих родственников всех вывезли. Последние у нас были, вот они в двухтысячном году последние уже приезжали, в Косом Быку было захоронение, литовцы были захоронены. И у нас, и в Балтурино были захоронены, ну, в Балтурино они раньше увезли, а приехали они в Косой Бык и забрали останки своих оставшихся. А в прошлом году уже вывезли кладбище, переселили с Косого Быка и увезли у нас кладбище тоже. И мы сейчас как у разбитого корыта.

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 2012 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуевой Надежды Николаевны 1954 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С.56–57.

18. Я же попал в ссылку, мне было восемь лет. У нас в Татарке забайкальцев много было сосланных, восемь семей было: Филипповых, Токмаковых, Пешковых, Юдины были...

Нас в тридцать первом году раскулачили. До высылки за неделю отца арестовали, уезли в тюрьму <...>. Ну, потом где-то в ночь приходит председатель сельсовета, говорит:

– Вы выселке подлежите, вам на сборы два часа <...>.

В Красноярск привезли, там выгрузили в поле. Дня три в поле были. Потом приходит баржа, нас погрузили, по Енисею поплавили и привезли в Стрелку. В Стрелке мы тоже жили под небом, на лугу там. Это в начале июня было уже. А потом пришёл маленький пароход «Венбаун» (раньше ссыльный был Венбаун), ну и нас повезли в Татарку. Потом нас выгрузили на берег, и там мы карбазами до Татарки семь километров добирались. Уже мошка была.

В Татарке домов не было, там токо было два дома, Александров там жил, баканик, с сыновьями, баканил, бакана зажигал на Ангаре. Я от него и научился. Домов не было, мы на берегу жили. Потом начали бараки рубить. В сентябре уж в бараки перебрались. Там двойные нары были, ребяташки – на верхних нарах. Хлеб пекли прямо на берегу, там косогор такой, сделали вроде как русска печка, ямку выкопали в яру, и там хлеб пекли, в земле.

Записано в с. Машуковка Мотыгинского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лапшакова Афанасия Евгеньевича 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С.64–65.

19. Мы раскулаченные, нас сюда на выселку сослали. Мы когда приехали, под корову взяли... мать взяла там, купила картошки, на берегу на Слюдруднике там была брошенная земля, ну, вода была большая ещё, ни забора, ничё не было <...>. Потом мы на Слюдруднике домик сами строили. С отцом мы сами строили. С реки таскали обрезки да всё (шпалозавод был на Машуковке), пиломатериалы, эти обрезки разные сплавляли мы сюда <...>. А я попал на строительство бонов, у нас тут так же было, после бондарки-то здесь уже, я же там бондарничал, а здесь, когда стали строить мы боны, я попал на строительство бонов тоже. О-о-о! <...>. Всё пришлось, и научились, и работали.

Записано в пос. Первомайский Мотыгинского района Красноярского края в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Фёдорова Фёдора Яковлевича 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С.70–71.

20. А в сорок седьмом году сюда привезли литовцев, эстонцев – ну, вот этих высельных. Летом привезли на катерах... Литовцы, эстонцы. Сюда-то их привезли. Как у нас в тридцатом году было, так и там <...>. Привезли вот, какие здания были пустые, забили всех. Ну, они на Косом Быку жили много, потом здесь работали. Их много было. Ой, их сколь их померло, Боже мой! С того климата да в наш климат-то. Они приехали, у них эти колодки – обувки-то деревянные были. Тяжело было им. Помногу умирали. Недоедали, трудно было жить.

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кокориной Марии Степановны 1930 г.р. и Кокорина Анатолия Семёновича 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С.114.

21. Вот одного ссыльного знаем, проходил, он нищий был, нищий. И плясал и пел, обуток у него не было, обматано только было тряпичонками, только тряпичками было обматано. Ссыльный один проходил, Пушкин звали его. И он песни под окнами пел, вот это я помню, чтобы подали кусочки. И Ворожея был, проходил тожа, ссыльный, Ворожея, предсказатель. Так-то он Алексей, а прозвище-то Ворожея. Предсказывал людям он <...>. Говорит, когда я была твоей мамой беременна, мол, проходил ссыльный, Ворожея звали, Алексей, и вот он зашёл, гыт, к нам и предсказывал мне всё про Нину, что родится девочка, и Ниной назовёте, вот всё сказал. Вот такие люди были, проходили мимо. И всё точно рассказывал, всё точно <...>. Подавали, подавали. Что было

в дому, и подавали ему. Жалели люди. Жалели, подавали, что было и подадут, но, угощали. Мама обязательно этого Алёшу угостит, домой, наверно, он заходил. Какого-то ссыльного убили, утопили. Утопили его в Аксёновой ли что ли? Может, нарезил кого? <...>. Проходил тоже, не пановский, чужой, прохожий такой, ссыльный какой-то.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Сизых Татьяны Ивановны 1938 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.

Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С.255–256.

22. Инф.: *У меня свекровка, она же немка. Это в сорок первом-то, их же всех выселили их Саратова. Война началась, и пришёл приказ, что немцев всех с Поволжья убрали. Ну и их собрали всех, говорит, посадили на поезд, и вот тринадцать суток везли, гыт, в телятниках. Теснота, говорит. Вагон набитый, по семьдесят семей в одном вагоне <...>. С Климиной-то их увязли в Говоркову. А с Говорковой на Новый год всех на сани, у нас, гыт, у мамы-то четвёро было детей, баушка семьдесят три года тоже, и вот в такой мороз привязли в Сыромолотово. И вот с этих пор оне все вот тут и жили <...>.*

Собир.: *А как местные их встретили?*

Инф.: *Местные? Немцы да фашисты всё были оне. О-о-ой, всяко тоже, презирали всё время. У ней брат был Ваня, он уже пацаном был, а чуть где не ладно, обзывали всё время:*

– Немец, фашист!

А оне ведь жили на нашей земле, на Волге. Там таки колхозы были, всё было! Собрали всех, и всё, и сослали <...>. Ой, тут, тут много беженцев было. Ой, вот Валя Глявише здесь вот живёт, потом Руби были, я уж и забыла тоже, ешио каки-то, ну, полно было тут, Герцог были, оне все потом уехали

Записано в с. Сыромолотово Кежемского района Красноярского края в 1987 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кулаковой Ирмы Ивановны 1931 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2007.
Т.2. С.423–427.

23. Собир.: *А где девчонки женихов искали?*

Инф.: *Девчонки жанихов искали, я помню, вот... была какая-то 58 статья здесь... Вот за них выходили. Ну, а как... У нас вот Мотя здесь соседка вышла, он очень был хороший. Галька была. Она тоже, это...как его... Как его звали...тоже вышла... тоже хороший был мужик! Да много было, они все... Потом леспромхозы строились, они там на времянке были, лес вывозили на времянке и туда выходили...В овинный кто уезжал, Пенчуга строилась, и туда уезжали, ходили. Ну, не все же были какие-то там воры или бандиты!*

Собир.: *Конечно... а 58-я это же политическая статья... они же не убийцы...*

Инф.: *Вот они за них выходили...*

Собир.: *И много их здесь было?*

Инф.: *Их много было. Они работали. Раньше туда вверх по... Тингонец был, там тоже был участок, леспромхоз. Там была пякарня, магазин, клуб. Туда с концертом ездили еише.*

Собир.: *А концерты сами ставили?*

Инф.: *Конечно. Я ни один не пропускала.*

Собир.: *Пели?*

Инф.: *Конечно, и сценки мы ставили в 4 действия.*

Записано в д. Иркинеево Богучанского района Красноярского края в 2014 г. Фельде
О.В. от Скурихиной Анны Максимовны 1927 г.р.

24. *Косой Бык, туда же всех ссылали кулаченных-то. И наших тоже, с верха: там и усольски, и селенгински, фроловски, тоже сосланы, вся Ангара. Но их нагнали уже, как уже наши срубили это Косой Бык, вот этот посёлок, а потом их стали нагонять <...>. Вот такая жизнь. И выжили, и пережили. Тут много-много кто пережили, много.*

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского района в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лимерова Егора Васильевича 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С.139.

25. *Вицы-то, так я тебе говорю, в лесу рубили еловые палочки, ель, ельник. Ходили в лес и рубили. Там тоже спецпереселенцы жили. Я помню, Ищенко фамилия. У них был брат, два брата их, его Иваном звали Ищенко. У них мать померла, оне двое остались. Также спецпереселенцы. Отца у них угнали куда-то, сами они не знали.*

Записано в г. Усть-Илимск Усть-Илимского района района Иркутской области в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пановой Людмилы Фёдоровны 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.7. С. 288–289.

26. *А потом стали кулачить. Токо три коровы было, и штук тридцать овец было, и теляток, может, три-четыре было. Пять овец отошли в хозяйство (хоть бы на мясо бы остались нам), пять овец отдали соседке через дорогу. Куриц да овечек пять, а большие ничё не успели. А с дому ничего не успели отдать <...>. На ссылку ссылали. Нас на север ссылали, у нас вот скоко здесь семей на ссылку сослали. А мы остались. Когда уж тятю взяли в тюрьму, дак маму вызывают, из дому выгнали. Была завалюшка маленька, посадили*

туда <...>. Дальше была ешио одна завалюшка. В эту перешли, выбелили всё, убрали по-своему. Перевезли сюда вербованных. А вербованные с Перми были. Пермьяков перевезли сюда. Дом-то колхозный <...>. С Перми перевезли. Пермийцы вербованные, по-нерусски говорили...

Записано в с. Трёмино Тайшетского района Иркутской области в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Каверзиной Дарьи Ивановны 1921 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.

Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.7. С. 461–463.

27. У нас два старичка бескрышные жили в Пановой, оне сосланы были. На берегу их подобрали. Оне беглые у нас ишшталися. По баням жили. Бани протопят, там вымоются, хозяин-то, – оне в тёплой бане ночевали. От одного к другому ходили.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Пановой Матрены Тимофеевны 1925 г.р. / Афанасьева-Медведева Г.В.

Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2008. Т.3. С. 284.

28. Инф.: Кажну деревню кулачили. Это все деревни по Ангаре охвачены. Кулаченье-то везде было.

Собир.: Там в Кове-то много?

Инф.: Много.

Собир.: Ну, каких раскулачили?

Инф.: Матюжата, Давыдята кулаченные. Вот Ваня этот, рука-то плохая, они тоже кулаченные.

Собир.: Так они, наверное, труженики были, кулаченные-то? Трудились, наверное, много, да?

Инф.: *Да чё, перегибали много. В Рожковой шорника, и того раскулачили <...>.*

Собир.: *А вот говорят, что ещё арестовывали-то и в тридцать седьмом году тоже ни за что людей вот.*

Инф.: *Да, было. Это местные люди, местные люди такие были, одиночки такие, клеветали друг на дружку, и вот садили.*

Записано в с. Проспихино Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Страшникава Анатолия Михайловича 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 214–215.

29. *А вот тут дом был, дом на четыре ската, тоже раскулаченные жили там. В одном был клуб, а в другом — сельский совет. И как загорело... Два дома сгорели. Это я уж помню, уже маленькая была. Был клуб, и, видимо, там или печку топили, или чё там такое, что загорелось всё, и оба дома рядом они, недалёко. Также, наверно, родственники были, может, братья или кто? Жили рядушком.*

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Плаутиной Зинаиды Ивановны 1936 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 276.

30. Инф.: *А мой-то отец, вот сюда его сослали сюда, в Сибирь. Мама-то она здешняя была. Вот он мне рассказывал, как он ехал. Ехал он в вагоне, его посадили, ещё с ним был один узбек из Ташкента. Вот он рассказывал, всё время его вспоминал, мы, гыт, с ним держались вместе. Попали они в вагон с рецидивистами. Вот он рассказывал, как они там в карты играли <...>. И вот*

он приехал в Долгий Мост и там работал на лесозаготовках. Это вот по Бирюсе. И вот там он работал на лесозаготовках. Там все были ссыльные, меня, говорит, поставили бригадиром. Бригада у него была тоже рецидивисты. Они работать не хотели, и вот отца они потом сильно избили, топорами его порубили. Он при смерти был.

Собир.: Это кто порубил?

Инф.: А вот эти вот работнички, уголовники всякие. Там, гыт, всякий же сброд был, в Долгом Мосту-то, ссылали-то всех ведь, ссылали-то на исправление. Ну а я, гыт, просто подошёл:

— Чё, мужики, мол, будем работать или нет? Ну и всё. Они вечером собрались толпой и пришли. Мама уже потом рассказывала. Гыт, ну, постучались, мы открыли, а они с топорами. Вот они тогда порубили его сильно, отца. Он бригадиром у них, он на тракторе трелевал, а они у него были там, кто чекировал, ну, обрубщики, огрѣбщики звено было у него. Ну, потом оздоровел. Он тяжёлую жизнь прожил.

Записано в с. Кирсантьево Мотыгинского района Красноярского края в 2007 г. Афанасьевой-

Медведевой Г.В. от Агеевой Елены Михайловны 1947 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

Т.14. С. 244–245.

31. Собир.: А беглых, Анна Николаевна? Какие-нибудь беглые, ссыльные были?

Инф.: Ну, ссыльные, конечно, были.

Собир.: Были ссыльные?

Инф.: Ну, у нас кто там? Ну, Орджоникидзе вот он был. Это вот посёлок счас Орджоникидзе называется. И ещё был. Как он был? Он тоже грузин, однако, был.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Мутовиной Анны Николаевны 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 358–359.

32. *И потолки скоблили. У нас мама говорит, я, гыт, скоблила потолок, чтоб на платье заработать, целый день скоблила, у кого-то нанялась потолок. Двадцать копеек, гыт, дали. Потолки, стены, всё скоблили. Скребки делали. Это потом. Это когда эвакуация была, ссыльные приехали. Это уже когда ссыльные-то. До этого всё ножиком ловче будто.*

Записано в с. Пинчуга Богучанского района Красноярского края 2010 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Логиновой Ольги Дмитриевны 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 406.

33. Инф.: *А там бабушка Тарашешица была, она ссыльна была. Тарашешица, татарка, была. Тоже сослана была. Она умела налаживать.*

— *Но пошли, баушка, так и так, у меня корова оступилась доиться.*

Леший приводил бабушку Федосью. И потом та пришла. Коо она делала? Кругом корову обошла, кругом корову обошла, и мама даже не заметила, чё? Корова восстановилась. Доить стала опеть. Мама ей сказала:

— *Ты близко ко мне не подходи!*

— *Дак а я, — говорит, — чё сделаю? Я не специально. Чё я сделаю, что я така?*

Собир.: *Федосья-то эта, да?*

Инф.: *Но. Она сама замечала, что у ней тяжёлый глаз. Но многи обижались.*

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 2001 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Степана Кондратьевича 1932 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.14. С. 203–204.

34. *И вот я в дойках как была, нас шесть человек, девок шесть человек: Лиза Адамовна, Катя, Наташина мать, Катькина мать. Вот эти вот немки, оне замужем были. И три девчонки были с ними. Оне хорошо с нами. Всяки же, и оне тоже всяки были, немцы-то. Там вот оне в рыбалке, здесь бригада была рыбацкая на Курейном, на острове. В Курье ставили там ловушки всё и добывали окуней. Эта бригада была специальна, эту рыбу давали колхозникам, возили бочками. Так, конечно, заругаются на немцев на этих:*

— Э-э-э, вы фашисты! Надо было вас давно уж убить!

Мало ли бывает вот так. А у нас в дойках хорошо девки с нами, хорошо относились, и мы к ним. Раз оне хорошо, а зачем мы будем к ним лезти-то, езли они хорошо. У нас Катя дойкой была старшей, мы её как-то слушались, и ничего, что и девчонками были. Она умела с нам как-то разговаривать. Чё, мы ешио девчоночками, коо, и поиграть охота, и поспать, и убягали, и всяко тоже было, что неохота было на турнеп идти. На доенку-то ходили, боялися.

А ездили на гребях на себе, на Коровой надо ехать, на остров-то. Съездим, а в серёдку день надо идти. То убяжим куда-нибудь, то коо... То там стога были, оставались, мы туда лягем отдыхать-то охота, а она нас подымат-подымат:

— Идите, девки, идите!

А мы тоже, ну чё, известно тоже, и она понимала, что тяжело, всё равно — куда дяваться-то? Заплачет, а нам опеть её жалко станет. Она не знат, кого сделать-то, она заплачет. А нам жалко её станет, мы опеть

пойдём, опять работаем, ладно-неладно. А так хорошо она с нами относилась, тётя Катя вот была там, она хорошо.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Усольцевой Анны Алексеевны 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 177–178.

35. Нас раскулачили <...>. В Татарку привезли. Там ничё не было. Токо речка Татарка втекала в Ангару, и берег был. Ничё там не было. Избушка баканская была, больше ничё не было. А потом уже спецпереселенцы деревню сделали, построили её. А счас там старoverы живут.

Записано в д. Машуковка Мотыгинского района Красноярского края 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Иванова Михаила Ивановича 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 217–218.

36. Ссылный Погорелов у нас жил, в Ершовой (тут же, в Приангарье же они все сосланные были), сослала его, дали ему землю.

— Вот стройся.

Тебе дали, на поселение высылали. Выживешь — выживешь <...>. Он столяр был, самоучка. Он всё, что хошь, делал. И дома строил. Он мужик-то крепкий был, ёмкий. Если ему заказ какой-то дадут, там дом построить, он эти брёвна как игрушки закидывал. И наличники отделявали, дома-то вот эти, дак он годами делал всё это, тихо-тихо. Сам такой столяр был, а прожил в доме, крыша была по-банному покрыта: на один скат. Ни наличников, ничего не было. А столяр был хороший. Это же он, в Нижнеилимске был клуб, вот его туда звали, делал он окна там, окосячку делал в этом клубе, в Нижнеилимске.

Ну, всё делал, что хошь, всё сделал. Даже вот помню, табакерки были, он тятю табакерку сделал под табак. Тогда табак-то сеяли, махорки-то не было никого, рубили машинкой такой, самосад. Вот он табакерку эту сделал, ну, сплошная фляжка. И вот когда гуляли, они начали смеяться. Он теперь говорит:

— Откройте эту табакерку!

Всёй деревней не могли открыть. Не могли найти! Ни одного шва нету, ничё. Болванка вытащена, и не могли найти, и полна табакерка табаку. Видите, как делал?! Вот возьмёт так в руки, ногтем токо нажмёт, щёлк! — и открылася. Вот. Надо подогнать вот так, даже шва нету. Вот какой умелец был!

Записано в с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области в 2008 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зарубина Ефима Иннокентьевича 1942 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 348–349.

37. В Бумбуе-то светлей было, а в Берёзово тёмно. Вот Червянка культурней Берёзово, на сто километров в тайгу. Но она ближе к Ангаре, и по Ангаре там сливки все плыли к ним: ссыльные. Там был фельдшер Спири или как там, какой-то прибалтиец был. Они его звали Спирия. Спирия. Чунари они как? Если Галактион, они Галафтион. Как же ссыльного-то в Невонке звали? Эрнст. Так они его Ернес. Он жил с женщиной, они говорят:

— Нюрка Ернесова.

Я говорю:

— Как его зовут?

Они говорят:

— Ернес.

Я говорю:

— *Такого имени нет.*

— *А откуда ты знаешь?*

— *Да нету такого, — говорю, — имени.*

Потом я догадалась, что это Эрнст.

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутского района в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Каверзиной Татьяны Герасимовны 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 370–371.

38. Собир.: *А там сколько было дворов, вот когда вы были там, жили?*

Инф.: *Ой, там восемьдесят ли чё ли, я уж забыла, ну.*

Собир.: *А вот какие там местные фамилии, коренные?*

Инф.: *Все Дубынины, ишитай. Как там, как приехал один ссыльный какой-то Дубынин, и вот он расплодил. Мы его отростки, видать.*

Записано в с. Кобляково Братского района Иркутской области в 1990 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Дубыниной Тамары Ивановны 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 100–101.

39. Инф.: *Теперь за деревней: Ку克林ский Камень (большой, двадцать один гектар был), Сайновский Камень (три гектара или четыре там было), Егоров Камень.*

Собир.: *А почему Егоров Камень называется?*

Инф.: *А потому что там, на этом вот камню жил ссыльный Егор, сосланный <...>. Это дедушка рассказывал. Так и:*

— *Ехайте на Егоров Камень.*

Он так и назывался, Егоров Камень.

Записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 1998 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Романова Василия Алексеевича 1931 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 274–275.

40. Инф.: *В Яркино, до колхоза ещё, жили по единоличеству. Руками сеяли и убирали урожай, пшеницу вырабатывали, потом мололи, на речке жернова ставили. На речке вот этот сам перегородят — жернова, и муку мололи тоже там. Водяная мельница была, водянка. Где водяна, где вручну, так крутили.*

Собир.: *А до коллективизации там долго жили? До этого раньше кто жил?*

Инф.: *Там же жили только таки, как ссыльные. А потом они там как-то и поженились, да и детей расплодили.*

Собир.: *А кто их сослал-то? За что?*

Инф.: *Которых раскулачили. Я помню, с двадцать девятого года их сослали по раскулачиванию. У нас в Яркиной вот, нас раскулачивали в Яркиной тоже, местных. Местных раскулачивали <...>.*

Собир.: *А три дедушки-то жили вначале, у них жёны были?*

Инф.: *У моего-то дедушки, однако, ешио не было, а у тех-то были жёны.*

Собир.: *Это была большая семья? Общая?*

Инф.: *Общая была. У них отец был Ульянов (я его не знаю, это по рассказам), Ульянов был, тоже сосланный.*

Собир.: *Ваши прадед?*

Инф.: *Да. Он тоже был сосланный, Ульянов этот. И вот он, я не знаю тоже, у них, с жёнами приехали они, аль откуда они взялись.*

Собир.: *Они вместе вели хозяйство?*

Инф.: *Всё вместе они были. Ну, там хозяйство-то... и коров никого у них не было, охотой занимались. Но, тогда они охотой занимались. А потом уж коров как-то стали иметь, лошадей стали.*

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Степана Кондратьевича 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 287–289.

41. Собир.: *А как привезли немцев? На берегу высадили или сразу в часовню?*

Инф.: *Нет. Их сразу в часовню сюда всех, наверно, сгрузили. Так у них мало, здесь-то не умирали, а, говорят, дорогой умирали. Вот у меня у сватовъёв-то, Ваня-то у меня женился на немке. Она уж не немка, Аня-то, только отец немец-то был, привязённый оттуда. Мать наша, пановская, но вот мать у ней пановская наша, и мать у ней наша, и здесь оне тутошные, ангарские. А вот Лёня нам от как всё, он лучше намного, в сто раз, наверно, в тысячу раз лучше её. Да! Он хоть и немец, привязённый оттуда у Маруси. Добрый такой он, привязённый. Вот их, оне шли-то, Маруся, мать-то, ехали, когда их гнали-то суда, Ивана-то уже в армию взяли, и кто знат, где-ка муж-то, мол, убили его или коо ли, она почём знат. А их погнали суда, и она приехала-то с бабушкой, со свякровью. Она, Маруся, работала, их двое, а третья дявчоночка дорогой где-то умерла у них, говорит, а оне вот двое остались, Лёня и Машка, и Маруська <...>.*

Я говорю:

— *Валя, мы переживали, но мы хоть в клетушках в своих. А их-то пригнали, им нигде никоо, оне-то ешио больше нас переживали, оне-то тоже не виноваты, что там им зачем, Лёне, была эта война? Этих же, что отца*

тама-ка угнали или коо ли, им-то зачем она нужна была? Это там уж Гитлер, там уж какие, коо они там задумали. А им-то зачем?! Хоть и Марусе, зачем ей должна была война, там убивать ли кого ли. Всё оставляли — их гнали. Всё равно переживали, ведь всё оставили и приехали душой и телом. Коо-то жили там, всё равно кто-то был: скот и всё и...

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Усольцевой Анны Алексеевны 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 183–184.

42. У бабушки было шестнадцать животов-то, у бабушки моей. Двадцать два ребёнка, двойнишата ешио были. А в живых четыре. Мы жили в Косом Быку. Туда всех раскулаченных всех сваживали. И мы тоже кулаченые.

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кокориной Марии Степановны 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 146.

43. Мы как-то с Ладосом ходили, он литовец, в Головновке жил. Здесь приезжали литовцы, их привозили, ссыльных. Они не приезжали, литовцы, их привозили. Вот с нём ходили. Он идёт в загон, а я сижу стреляю. Вот с нём ходили добывали. Всё равно одну-то с нём добудем.

— Пойдём, Ладос?

— Пойдём!

Но и пошли. Я захожу сразу, а он здесь садится, я обхожу и иду. Где-то шебаркну, где-то стукну, где-то шум. Далёко слышно, оно же утром далёко

слышно, на зорьке-то. Щёлк или там удары, и всё, и оне побежали, козы-то. Но добыли.

Записано в с. Тутура Жигаловского района Иркутской области в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Аксаментова Геннадия Ильича 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 356.

44. Вот тут к нам во время войны немцев-то приганивали, и вот к нам (у нас зимовьё было) приехала бабушка-немка с матерью. Она сама бабушка уж, эта немка, и мать ешио (сто лет уж ей было), и вот они с книгой со своей приехали, с божественной же. И вот мы с ей по душе говорили. Она говорит, что мы вашу книгу... мы не имеем права подчиняться, вы нашу книгу немецкую тоже не имеете права. Это, гыт, большой грех. Бог каждому отдельно всё это написал, по языкам, и каждый должен своё сочувствовать. И вот счас вот люди у нас ходят, все поразному, это уже они, это, как говорится, в чужого Бога веруют. Это ни к чему, это грех <...>. Вот у этих бабушек, у немков-то, которые жили, у них креста тоже ведь не было. Вот я только помню, что вот тоже такая же обыкновенная книга, написано по-немецки, не по-русски. Но они-то читают по-немецки-то, и поют так же, и мотив-то тоже такой же, как, допустим, как у русских мотив. А вот верить нельзя нашему русскому человеку. И им, немцам, в нашу книгу тоже верить нельзя: грех. Бог, говорит, он один (она по-русски-то мало-мало разговаривала), он, гыт, один Бог, но каждому по-разному распределёно.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Степана Кондратьевича 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 264–265.

45. *Я же жила при литовцах, мы... Мариткой звали, мы с ей пилили.*

А тогда землю-то вот, вот наша семья, нам дадут вот восемьдесят соток там на покос. Мы две коровы держали. А кормить-то... Там картошки, она тоже всяко родилась, и портилась, и всё. Кормить-то чем было? Ну, там обрат сколь. А тут сдаёшь поставку: по восемь килограмм надо сдать, сорок шесть килограмм надо мяса сдать, телёнка отдать. Мы тяжело жили (...). Раньше народ какой-то живущий был.

Записано в с. Тутура Жигаловского района Иркутской области в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Аксаментовой Анны Ефимовны 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 154.

46. *А семь лет мы там. Семь лет прожили, потом поехали сюда. Сюда приехали, здесь были одне ссыльные, на той стороне. А здесь был Шарыпов. Он один здесь жил. Ну, мы там не остановились, а вот сюда приехали. А вот на этом месте, где я живу сейчас, тут была такая зарось, вот. Вы видали, как конопля растёт? Вот такая зарось была здесь! Корчевали, всё вырубали. А комаров! Ой! Ужась чё было! Здесь вот эти, которые ссыльны были, они с конского волоса сетки делали. А мокреца этого было — ужась! Задавлял. А мази никакой не придумаешь, ничего не было, кроме дёгтя. Его напачкаешься, ну, до чего он вонит, хуже чертей, дёгтем этим. И сетку, и сетка помогала <...>. Мясо, рыбу продавали, излишки, продавали всё вот этим ссыльным. Ссыльным питаться надо чем-то. Вот им. Да продавали тоже там по дешёвке. Но всё равно. На куль муки денег насобирали, купили. И вот так жили.*

Записано в д. Бурный Мотыгинского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Семушина Петра Петровича 1927 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2015.
Т.17. С. 288–289.

47. А первые в Косой Бык были заселены раскулаченные. Раскулаченные были, значит, с Косого Быка, они даже вот ходили во Дворец, чтоб можно было там что-то взять из пищи, обогреть детей, вот во Дворец. Потому что Дворец у нас уже давнишний посёлок был, а вот с Косого было вот так вот. Многие даже вот из детей умирали от этого от холода, от голода. Ну, на пустырь вот как кинули этих, вот сначала бараки себе там делали, выкорчёвывали всё.

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 2004 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Моисеевой Зои Николаевны 1944 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.13. С. 171.

48. Посёлок построился Балтурино в сорок седьмом году. Приехал мужчина, фамилия у него была Батурин. И вот по его фамилии и назвали посёлок Балтурино. А так жили все в Косом Быку. А с Косого Быка потом переселились в Балтурино. Тогда они здесь все были раскулаченные, что приехали.

Записано в с. Балтурино Кежемского района Красноярского края в 2004 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Моисеевой Зои Николаевны 1944 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.13. С. 171–172.

49. Нас раскулачили, всё у нас забрали, из дома нас выгнали. И мы ходили по дворам, кусочки собирали. Два года ходили. Суды приходили с Дворца, это

двести километров. Пешком, на санках. Маму на санках везли, она ходить не могла, у неё водянка была. А её нигде не пускали работать.

А у ней здесь дяди были вроде, у мамы-то, и вот говорили, что хлеба много было, и тятя пошёл сюды. И вот мы пришли. А хлеб-то у них выгребли на сдачу колхоз, и мы обратно пошли. Нас уже не пускают дальше-то, потому что кулаки. И мы поэтому пошли обратно <...>. Мы пришли в Проспихину, мы опять ходили по чужим дворам. С год, наверно. А потом плотбишие открылось по этой речке, Пашина-речка, за тридцать километров плотбишие. Ну и мы пошли туды. И там мы прожили три года. Там стали хлеб давать, и мы там и жили <...>. Приехали во Дворец обратно и в колхоз зашли. И тятя дали дом, дали нам корову потом. Мама у нас померла. И вот мы потом одне и жили. Это шесть лет мы одне жили. И потом, когда тятя пошёл в Покову от нас, хлеба чё-то худо было тожно. А кулаков же пригнали полно их. Стало вот это всё, катавасия. Но и вот. Он пошёл, а мы остались вдвоём с Колей дома.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1982 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Гуржей Арины Дмитриевны 1917 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

Т.13. С. 183–184.

50. Наши давношны предки, далёко прошлые люди, оне были сослатые. У меня баушка тунгуска, а отец русский. И я баушку даже запомнил в личность, до сих пор. Ну, скоко было мне, я путём не помню. Но лет пять-то было. А дедушку я не захватил и не помню.

Дак вот оне ссыльны были. В перву очередь заселялась вот... верховские туды, выше, в самом верху, там селились. Вот их завозили на лошадях и кидали, как собак, там, в тайге. И люди обживались, как сможете. Вот это и было.

И вывозили даже вот с запада, это ссылка была: люди провинялись, их ссылают сюда, не садили ни в тюрьму, никуда, а в ссылку сюда, всё. Как у нас он это, в Магадан туда отправляют. Так и тут раньше было, вон, отправляли. Раньше там, выше Христофорова, там жили тунгусы. А сейчас там уже званья нету.

Записано в д. Кайдакан Жигаловского района Иркутской области в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Машукова Михаила Никитича 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 71.

51. В Червянке было больше ссыльных, там культурнее народ был нашего, берёзовского. У них моды были, они моду задавали. Приедет:

— У нас юбка с половыми уборками! Дева, у меня юбка с половыми уборками, с двумя, с тремя.

А ругались вот так:

— Змея-а-а жёлта-ая!

Записано в пос. Чуна Чунского района Иркутской области в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. Каверзиной Марии Ивановны 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 211.

52. Инф.: Старинна деревня. Это раньше было там, так, Аркан какой-то, ссыльной. Его Аркан, Ульян, Кирилл — вот их сослали, как, будем говорить, как по пятьдесят восьмой-то статье-то сослали. Их как ссыльных сослали туда в тайгу, и они там разжились-разжились, сделали поля, деревня, и всё получилось. А войны бы не было, дак и там, знаешь, сколь деревень было.

Собир.: Это было давно?

Инф.: *В сороковых годах. Перед войной.*

Собир.: *Сослали-то их когда?*

Инф.: *Вот, где-то в тридцать пятом, де-то, ну, в тридцатых годах сослали.*

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Степана Кондратьевича 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 215–216.

53. Вот у нас жил у дедушки, в ограде, ссыльный один, без ног, с одной ногой, у него нога одна была, друга — деревяшка. Он чужой человек совсем, он... Откуда он сосланный был, Бог его знает. Так он, ёлки, как нас выручал! Потом вот я на комбайне работал, он там у Фролов всё время жил, так я ему благодарностей скоко давал, он всю дорогу нас... Он хлебом торговал печёным, ну, он выдавал, и всегда какой-нибудь, краюшку ли чё ли, всю дорогу нам подаст — всё время давал, выручал....

Он из-под Москвы где-то, там у него тётки в Москве жили, всё время тоже посылали посылки, то-сё. Где-то он... Мужик был грамотный: он же и считать мог, счёты, всё это, потом продавцом последнее время работал... Он с одной ногой был. А потом он умер, но в годах он уж скончался, он всё у дедушки жил, он до-о-олго жил...

Тогда там много было ссыльных, потом ещё какой-то один поляк жил...

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Привалихина Василия Александровича 1934 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 376–377.

54. Ссылъны шли, гнали их <...>. В кандалах, говорит, шли, на Ангару гнали через Червянку по царскому тракту. Дошли, гыт, до Невонки, и женищина одна рябёнка оставила в деревне у нас. У ей на руках был ребёнок пеленишный. Его в дети взяли, дядю Васю-то.

Она уже идти не могла с им, Господи! Избита вся, вся в ремушках. Но и попросили, тётка баушки моёй, тётка Мокрида, вот она попросила, взяла его в дети, она безыздетная была. Но и вырастили, он Кулаков стал. Внуки-то его вон: Сашка и Колька. А дед их Василий Глафтифонович Кулаков, он из ссылъных в дети взятый. Его ссылъны отдали тётке Мокриде, оне вынужденно отдали <...>.

До Невонки доехали, оне, гыт, гнали их. У бедненьких каких-нидь всегда останавливались, и остановилися у баушки у моёй. Ну, сопровождали их, на Ангару их вели. Не то что в Червянку ли куда ли, на Ангару. Ну, вот она и в Невонке оставила этого рябёнка, попросили у ей:

— Зачем он тебе? — грит. — Ты отдай нам, — он хыть спасётся.

И всё, и она отдала. Оне безыздетные были, у них детей не было. Тётка баушки моёй подымала его, дядю Васю. Он стал Кулаковым. Народ-то помогал ссылъным, чем могли, помогали. И в бане мыли, и лопотинку давали, последнюю, какая есть. И чинили имя обутки, обутки-то рвались, ить пешком шли с Россеи.

Записано в с. Берёзово Чунского района Иркутской области в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Семена Ивановича 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

Т.13. С. 404–405.

55. *Вот у нас от в Косом Быку, где кулаки состроили, там болото было восемнадцать километров от Косого Быка в сторону, в лес. Скота там пасли, молодёжь была. И вот Мартынов кругом озера выставлял и:*

— Прыгай!

Если не прыгаешь, значит, подходит, соседнего:

— Толкай!

Друг друга толкали в болото. Топил. Там костей скоко было! Косой Бык. Сперва с Дворца гнали в Проспихину, с Проспихиной в Кодинку. Кодинка же она, тоже спецпереселенцы делали её. Вот с Кодинки погнал он нас, гнал, гнал, Балтурин... прошли и к северу подняли, проехали, облюбывал место. Скала там была. Вот остановил:

— Стой!

Это был январь месяц или декабрь, мороз. Ночью. Ночь месяшина, говорят, была:

— Всё, выгружайтесь! Здесь будет Косой Бык.

Посёлок. Нас же вот Кодинка, значит, Косой Бык и Уяр. Это посёлки... переселенцы делали. Но у нас там дом отец срубил.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лимерова Ивана Васильевича 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

Т.13. С. 387–389.

Устные рассказы русских старожилов Приангарья о заключённых
(Субконцепт «заключённые» в ангарской лингвокультуре)

1. Инф.: *Ну, а потом я тут в леспромхозе работы очень много мне, это, награды.*

Собир.: *А! А немцы всегда хорошо работали, я знаю это.*

Инф.: *Ково?*

Собир.: *Немцы всегда хорошо работали, они труженики большие.*

Инф.: *Но вот тут-то тоже один, он тоже лес, это, это, это, на лошади тоже возил, а я сразу валил сколь годов, а потом всё тоже это начал на лошадь возить-то.*

Собир.: *Иван Яковлевич, но отношение местного населения к вам было нормальное, раз у вас награды были, то есть здесь не было такого...*

Инф.: *Да-да-да. Это, ну, нас тока две посёлка, это Иркенево и Бедоба, ну што вы, я жил там 10 лет. Там, это...*

Собир.: *А ссыльных много было?*

Инф.: *Здесь? А тут в основном много, как сказать, много были такие, которые в тюрьме сидели, а после тюрьме вроде какой-то 5 лет высылка.*

Собир.: *А. Это как называлось? Вот это вот?*

Инф.: *Вот я тоже...*

Собир.: *Говорят, «химики» их называют, да?*

Инф.: *Но. 5 лет. А потом были такие, много молодёжи было. Чё-то они там, видать, везде пакоснили, где городах, в Ленинграде тебе это, их тоже сюда, но они, как называлось, шо они блатные были.*

Собир.: *Угу, ну были здесь такие, да?*

Инф.: *Но. Вот, вот с ними тоже опасно было работать, што один-то с топором налетел на мастер, на это же, где мы лес валили, это мастер, это, это, вот. Он таже топором напал, это, его...*

Собир.: *Угу, но ничего?*

Инф.: *Но они потом её забра... Это... Милиция потом забрАла, это есть это, но. И Иркенеёво они таже, ну они хулиганы же были, в Иркинеёво таже к эти старигом привязывались, но там молодёжь был такой это иркинеёвский, они же это. Они одного хорошо это били, за то как ударили, так и почти што все волосы шибли ему.*

Собир.: *А это, какие годы были? В какие годы?*

Инф.: *Ну, этот, в конце сороковых, пядесятый.*

Собир.: *Сразу после войны, да?*

Инф.: *Да. Да-да-да. А потом там, видать, тут уже техника начался, трактора начали, это, а потом наш это посёлок, который мы, это, вручную валили, лес, это, возили на лошадах, они потом нас сюда, это, перевели в Артюгино, вот.*

Записано в пос. Артюгино Богучанского района Красноярского края в 2014 г.
Фельде О.В., Токаревым К., Ивановой А. от Лемке Ивана Яковлевича 1923 г.р.

2. *Вот бегунцы шли, как убягали, может, от кого-нибудь. Но их бегунцами не называли, прохожими звали, проходили мимо. Которые оставались здесь, где-нибудь в захолустьи, вот Савино, Привалихино, у них там много оставалось таких, потому что тихо было здесь, и они боялись. Они не наши, не ангарские фамилии. Ясно, что они остались. Потом женились и пошёл род от них. Не наши, вроде, не ангарские. Их много оставалось по захолустьям, по деревням. В сорок втором году таже пригнали откуда-то с Поволжсья немцев-то. Расселяли везде. Там семью, там семью, вот и понааставались. Из дому-то убягали. Лишь бы только жить охота.*

Записано в г. Козинск Кежемского района Красноярского края в 2012 г. Аджамян В. и
Постниковой С. от Усольцевой Анны Алексеевны 1935 г.р.

3. Собир.: *А были те, кто лес валил? Я знаю, что в леспромхозах много их было, этих людей. А как к ним местное население относилось?*

Инф.: *А местное население нормально, между прочим. Вот эти еще колхозники были, эти старые. Они еще как будто единоличники, они за своё. А так-то хорошо относились. Вот я помню войну. Ага. Войну. Там в Амуре участок был, два ленинградца были. Они видимо высланные, что ли были. Погибли при валке леса, погибли, и они вот захоронены в Гольтявино два мужика.*

Собир.: *То есть их лесной задавило?*

Инф.: *Да, да. Они пилили, валили лес пилой ручной и их убило. И этот гольворотчиком один Семенов работал. На местном лесопункте. Его тоже убило деревом. Он в лесу там был, на гребке. Лесущие. Там вальщик валил и на него. Также, он тоже был по сути дела ссыльным. Между прочим, он писатель, как не знаю башкирский. В Башкирии что ли.*

Собир.: *То есть люди были здесь все с образованием, которые сюда приезжали?*

Инф.: *Знаете, какие здесь люди были. Здесь были да. Люди были грамотные, были, студенты были ленинградские.*

Собир.: *А за что их посылали?*

Инф.: *В основном за это высалили. А вот этих, литовцы были, латыши были, эстонцы были, киргизы были, узбеки были, казаки были здесь, эти молдаване были.*

Собир.: *Это после войны? Или до?*

Инф.: *Кто? Это после войны. Здесь кого только не было.*

Собир.: *А потом они куда делись, эти люди?*

Инф.: *А потом их ребелитировали. Они разъехались. Часть осталась здесь. Ну, в общем мало.*

Собир.: *Кто женился, наверное, да?*

Инф.: *Да. Они вот, я помню, этих власовцев сюда привезли.*

Собир.: *Да?*

Инф.: *Ну, власовцев.*

Собир.: *Прямо солдат простых?*

Инф.: *Да солдат. Они были в армии власовцев. Их после войны, их сюда сослали. Так они все поженились.*

Собир.: *А что солдаты не виноваты ведь были. Им что приказали, то они и делали. Люди то и они были простые. Взяли здесь девчонок ангарских, наверно, и остались здесь.*

Инф.: *А потом взяли и уехали, побросали женщин. Оставили женщин. И дети уже.*

Собир.: *Да вы что? Это плохо. Значит, они Родину продали, а потом жену свою продали. Вот это тоже интересно.*

Инф.: *Ну, осталось здесь, ну, мало. Ну, дети-то остались здесь.*

Собир.: *Потомки.*

Инф.: *Да, потомки. Так что здесь много было. Один был секретарь опкома. Не скажу республики какой-то азиатской. Тоже попал. Наш Богучанский район, по сути дела, образованный. Люди образованные. Мы наверное, еще образованнее, больше знаем, чем москвичи. Я приехал в Москву в командировку. Ага. В отдел сплавов, захожу туда, значит, меня спрашивают: «Откуда?» Я говорю: «С Сибири, с Красноярского края, с Богучанского района». Ага. Он говорит: «А где это?». Ага. Пошел по карте и говорит: «Ах да, Енисейский бассейн, вы вон откуда». Понимаете. Он не знает даже, где Богучаны стоят. А Богучанский район у нас был самый крупный изготовительный район.*

Записано в пос. Невонка Богучанского района Красноярского края в 2014 г.

Фельде О.В. от Турова Ильи Александровича 1933 г.р.

4. Дак здесь же японцы сидели пленные, лагеря-то... Но народ-то с имя вакшался... Я помлю, там один был японец пленный Тода, всё к нам заезжал, в Бунбуй, ну, для начальства продукты закупал, и всё он стеснялся. А потом, ну, чё, мы, ребяташки, сядем с нём, поедем на Елань:

— Тода!

А он ешио:

— Ну, давайте, — говорит, — песню споём: «Эй, ты, Галя, Галя, молодая».

Русские песни любил. Ну и как он для строительства, он пять лет учился в Москве, японец. Окончил это всё, приехал домой. И вот тебе война. Вот и он попал. Как отсюда их стали отправлять, он давай в Москву писать. Всё! И оставили его. Как перешёл сюда уже, в Союз. Писал, чтобы быть в Союзе. И всё. Потом он уехал там, в Чукуше, там женился, из Чукуши уехал в Братск. И вот в Братске жил он. Первый раз приехал:

— Я приехал попроситься. Поеду, — говорит, — жить в Москву.

И вот уже с Братска он ухал в Москву. Там больше ни писем, ничего не было. Но он уже отсюда поехал, у него пацанёнок бегал ногам. Тóда <...>. Народ-то обменивал табак, ягоду, молоко, яйца. Всё таскали японцам, тут возле вокзала были такие эти, столик сделанный, длинный. Пожалуйста! У японцев всё: табак им даёшь, а он тебе кету, горбушу, на рыбу меняли. Охота солёного.

Ходили к японцам, к пленным, меняли, вакшались. У них там шубы хорошие были такие, они их продадут, имям надо табаку нарубить. Вот они и продавали. Кальсоны такие тёплые, бельё, рубашка, и всё оне продадут. Купишь у них. А эту шубу, там у них такой как каракуль был под низом, вот по

этому месту, по поясу. Возьмёшь, выпорешь и покрасишь, и сошьёшь себе курточку и носишь. Это наряд был хороший, курточка была такая нарядная. Хорошо, что у кого ещё было за что купить. А у кого не на что, не купишь.

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Юлии Ванифатовны Корниленковой 1925 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 147–148.

5. А один раз идём мы втроём, я девчонкой была, и ешио со мной был пацан (ну, года на два, наверно, моложе меня), и с нам ешио шла женишина. И вот мы подходим к стану (этот стан-то на берегу Болтурино-то). Вот к этому стану токо подходим, смотрим: из лесу семь человек выходит.

А тогда же варнаков всяких, заключенных много бегало. Лагерьей-то много, и заключённых, беглецов много было. Ну и семь человек. А я тогда, что выменяла, что продала японцам, пленным-то, где и за деньги за какие, ботиночки сестре купила, и эти остальные деньги в ботиночки, в носик, и ботинки через плечо. А самих вот так трясёт!

Этот парнишка от нас отстал, идёт взади, а мы с женишиной вперёд. Вот вышли оне и к нам навстречу по дороге идут, семь человек. И у них были личинки были (ну, сетки от комаров). Ну, видим, что это, ну, русские, но беженцы. Ну, оне остановились.

— Где были?

Мы говорим:

— В больнице, — говорим, — лежали.

— А у вас, — говорит, — чё есть? Деньги или чё?

Ну, эта женишина говорит:

— Ну, какие, — говорит, — деньги, милые наши?! Мы лежали в больнице, там полуголодом, кормили худо. По десять дней отлежали и идём.

— *А парнишка?*

— *А парнишка, — говорит, — с нам. С одной мы деревни, вместе идём.*

А один вот так по-варна́цки вытащил ножик с кармана, и вот вижу: ручкой шевелит, а второй рукой махнул, он опять нож положил. Ой, сердце забилось, Бог ты мой!

— *Ну, ладно, идите. Токо никому не говорите, что встречали.*

Ну, пошли мы, оглядываемся: что будут с парнишкой делать? Смотрим: остановили парнишку, поговорели. Он рысяко́м догоняет нас.

— *Петя, ну, что тебе сказали?*

— *Попросили курить. А я, — говорит, — некурящий. У меня ничё нету. — «Ну, ладно, беги, догоняй своих!».*

И мы в Тахтамай пришли пешком, солнушко закатывалось. Ну, будем в Тахтамае ночевать, уже дальше мы не пойдём. Страшно. Ну и потом откуль, куда мы зашли, какие-то ехали до Деревушки на ходке́, ну, попросились.

— *Ну, хоть до Деревушки возьмите нас.*

А тут уже три километра, мы уже тут как свои поля, уже добежим. Ну, оне нас посадили, мы до Деревушки доехали. Теметь, Бог ты мой! Ну, побежали домой, уже в Деревушке не остались. Ой, домой я прибежала, стучу:

— *Мама, мама!*

Мама уже спала. Мама открыла дверь, я в избу заскочила, слёзы в несколько рядов, самую трясёт!

— *Ой, мама, мы варнаков встретили, заключённых! Ой, оне ешио нас хорошо, что не побили.*

Ой, страху было!

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лидии Игнатъевны Рукоусевой 1929 г.р. // Афанасьева-

6. Инф.: *Ходили же раньше всякие, эти каторжные всё, говорят, ходили, варначили, по тайгам шарились, по зимовьяшкам, чё там было (остаётся же), каки продуктишки, съедали и уходили. И в деревни заходили. Кто с тюрьмы убежал там, накормился, наелся да ушёл человек, дал ему на дорогу ешишо. Они, может, поэтому и не трогали, потому что народ подкармливал маленько.*

Собир.: *Там же на Лену шли. Там же такие ворота были с Ангары на Лену, да?*

Инф.: *С Ангары на Лену никак не попадёшь.*

Собир.: *Через Хребтовую не попадёшь?*

Инф.: *Хребтовую — да! С Илима. Ангара-то она в стороне.*

Собир.: *Нет, я имею в виду на Лену.*

Инф.: *А на Лену — да, с Илима. В Шестаково там, в Шестаково лагерей этих много было, сбегали.*

Записано в д. Туба Усть-Илимского района Иркутской области в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Владимира Васильевича Анисимова 1942 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников Иркутск, 2010. Т.5. С. 273.

7. Инф.: *Вот у нас в Обломовской же варнаки-то эти, беглые-то... Пять, пять километров ухажьё, жали мы, косили там, и там сеяли. Есть там ручей, Еловый называется, и вот продукты, сами мы в поле уйдём, жнём, ни караульного же, ничё нет. Куда деваются продукты? Куда деваются у нас продукты? А они видят, что все разошлись, все жнут, работу свою работают, они наберут продуктов, оставят там пожрать сколь, и уходят. И*

они до холодов вот там, землянку выкопали, и там она родила, варначка эта. И родила там.

Собир.: Дак это кто были?

Инф.: Каки-то варнаки, беганцы, их потом поймали.

Записано в д. Коношаново Жигаловского района Иркутской области в 1989 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Тамары Николаевны Прашутинской 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников Иркутск, 2010. Т.5. С. 276.

8. Один раз это беглы были. У нас крыша худая, думаю: «Счас на крышу залезут». Думаю: «На крышу залезут». Мама говорит:

– Не бойся!

Я грю:

– Так вот всяки бегают, заключённые ли кто ли, бЕглы ли.

Я боялась страшно. А оне взяли хлебушек с полочки и ушли. Полочки же были. Молоко, хлеб на полочку ложили с вечера – ну, кто идёт, беглый ли он, ли кто ли, поест и дальше идёт. Чтоб не пугал.

Записано в с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области в 1985 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Бобровниковой Катерины Капидоновны 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т.2. С. 384–385.

9. А когда мы всей семьёй жили-то, тятя жив был, жили, он всех принимал: нишших, прохожих всяких... Это кода вот ссыльных-то ссылали, бродяги, их никто ночевать не пускал:

– Идите к Семушину Петру, он всех пускает.

А у нас дом-то кулацкий был, полати черезо всё были, а тут эта занавеска всё, и вот мама всё их уважала:

– Токо не показывайте никому. Сидите.

Сама боится. День-два живут, она кормит их, этих бродяг, всё. Вот ссыльных-то всё, их не разрешали, чтобы кто-то пускал ночевать, а тятя пускал. Пакости оне никакой не делали. Поедят, поспят, встанут и уйдут, и всё.

Записано в с. Нижний Бурный Мотыгинского района Красноярского края в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Семушина Афанасия Петровича 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 336–337.

10. Здесь же всякого бродяжьего люда хватало. Всяки шли люди куда-то, по Ангаре шли. Потом лишёнцы, лишённые прав, высылали которых, кулачили. Всё куда-то шли, шли каки-то бродяги, в банях ночевали. Их отогревали. И мужики и бабы... Которы-то детишек бросали. Вот Вера-то рассказала, как Васю бросила одна. Она каторжанка ли кто ли. Шли ссыльные, шли куда-то на Ангару. Наверно, на место, где у них была... сосланы они куда были или как уж. Гнали их. Один погонщик, их без ружья гнали так. Одна подвода, подвозят, которы ослабеют. Партиями.

Вот тринадцать человек или сколько гонят, они поночевали две ночи в Берёзовой, отошли маленько, в бане напарились, намылись – дальше пошли. Обувку починили свою: обувка-то рвалась ведь в дороге. Но а видят, у одной там женщины ребёнок ослаб, бледный такой, плачет и плачет. Ну и говорят:

– Оставьте этого парнишонку нам, – говорят, – оставьте, пусть растёт.

Она оставила. Так и ушли, оставили. Васька уже вырос, женился.

Записано в с. Червягга Чунского района Иркутской области в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кузнецовой Авдотьи Григорьевны 1922 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн.
ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009.
Т.4. С. 341–342.

11. *Каторжанский лог, Дунькин лог есть у нас, он и есть Каторжанский лог <...>. А раньше же здесь всяки шли по Ангаре: и беглы, и бродяги, и каторжане – всяки прохожие шли... И раньше садили, кандалы-то надевали.*

Вот тут дедушка с бабкой жили, у них была Дунька, девка. И шёл вот этот какой-то бродяжка и попросился ночевать у них. Их же пускали. Попросится.

– Но ночуй.

Жалко чё ли?! Ну и а утром так соседка пришла (сено надо вывезти), и Дуся-то рассказывает:

– Как поедешь, и вот так, вот так, дорогу-то рассказывают.

Ну и она запрягла коня утром и уехала. Уехала. И он пошёл, он всё это слышал. И он её там, пошёл туда, где она сено грузила, и он её там задавил на оборке <...>.

Ремешки-то ... Вот на этом ремешке задавил её. И вот так потом этот и прозвали Дунькин лог – Каторжанский <...>.

Всяки ходили. А вот всё равно не закрывались. Раньше спали, двери не закрывали, нет. Не боялись.

Записано в с. Манзя Богучанского района Красноярского края в 1996 г. Афанасьевой-
Медведевой Г.В. от Соседовой Ольги Петровны 1917 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн.
ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009.
Т.4. С. 343–344.

12. *Я маленька была, дак мама всё:*

– Не ходите в тайгу, бродяга утаишиит!

А оно и правда. Раньше же всяки по тайге-то бродяжничали. И беглы бегали: вот война-то была, убежали же. У нас в этой везде в деревне ночевали. Коноплѣ высоко же, рожь высокая – он спрячется, его же не видать. И вот кто не хотел воевать, сбегали с войны и спасались в коноплѣ, в лесу бродяжничали. Где рыбачки, где людей мало было. Спасались от войны. В бегах жили.

Записано в с. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Банщиковой Евдокии Матвеевны 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 346–347.

13. Ссылных здесь ловили, бродяжни-то много было, убежали. Их ловили, убивали. Куда ни поедешь – везде мёртвые были. Много людей погибло. И травились грибами. Вот пойдут за грибами – колода лежит, за ней – труп. Грибами травились ссылные. Потому что не знали наших местных грибов съедобных. Гонят их, а оне не могут идти, падают. А обратно идут – оне уже мёртвые. Ужас чѣ! Голодные были люди. Так-то оне в бараках жили, а у нас в Каймоновой <...>.

Ну, репрессии-то. Да, да. В бараках жили. А в бараках, вот мой муж пойдѣт по этому по бараку, идѣт – человек лежит, а обратно идѣт – он уже мёртвой. Но они голодны. Остались живы токо те воршишки, воршишки остались живые, а такие, честные люди все погибли. Вот их много же было! Много же их было! <...>.

Свободно ходили, никакого конвоя не было. Никакой охраны не было. Оне сами по себе жили <...>.

И по всем деревням было одно и то же. От Ангары и до Лены.

Записано в с. Каймоново Братского района Иркутской области в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Козиной Анастасии Ивановны 1910 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 347–348.

14. *Вот у нас, мы в Заимке когда жили, утром встанешь, но слух-то по деревне пройдёт, что вот варнак бежал, беженец-то. А как узнавали-то? Если дымок идёт вот на нашей стороне. Мы-то как на острове наша деревня, Заимка-то, остров Тургенев, а если вот на матере, на нашей на кежемской стороне идёт дым в лесу, значит, там уже костёр, варнаки обогреваются, вот эти и называли у нас – варнаки, беженцы ли, гыт, сбежали. Вот так, я сама видела этот дымок. Мама гыт:*

– Вот это беженцы сбежали.

А в деревне мы не видели, оне на чём приплывут-то на остров-то к нам? А куда оне там, откуда оне бежали? Какие там были дороги?

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 1993 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Сизых Татьяны Ивановны 1938 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 266.

15. *Ходили же раньше всяки, эти каторжные всё, говорят, ходили, варначили, по тайгам шарились, по зимовьюшкам, чё там было (остаётся же), каки продуктишки, съедали и уходили. И в деревни заходили. Кто с тюрьмы убегат там, накормился, наелся да ушёл человек, дал ему на дорогу ешишо. Они, может, поэтому и не трогали, потому что народ подкармливал маленько.*

Записано в д. Туба Усть-Илимского района Иркутской области в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анисимова Владимира Васильевича 1942 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 273.

16. *Им чё, бродяжне?! Лишь бы поживать да ночевать оставили, да накормили его, он будет и до утра рассказывать. Бродяга есть бродяга. Другой богатый его в ограду не пустит даже. Вот он и идёт по таким по средним да у кого ребятишек много. С ветру придёт, так, чужой, сядет в кучу, все ребятишки, как галчата, вокруг него, а он им заливает <...>.*

Принимали и отправляли. Если вор идёт, его быстро отправляли, а такой если, честный бродяга, дак живёт, пока не надоест, кормят.

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кокорина Егора Ивановича 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 440–441.

17. *Я видела одного человека, он за свою жизнь не одного горбача угробил. Ехали мы с мамой на прииска к отцу. Это деревня... Ой, как же её называли?.. Он ещё живой был, но обросший уже, старый уже, старый. Но у него уже сын был, а сын был председателем колхоза. Так вот, если приезжает уполномоченный, и он приглашает к себе, тот, уезжая, начинает рассчитываться: ведь жил же, его кормили. И этот старик увидит деньги, горбач, его начинает трясти, сын встаёт и говорит:*

– Тятя, пошли отсюда, пошли.

А дороги не было, тропами же шли. Он же эту тропу вычислил, поставил избушку и караулил. И вот когда по этой тропе проходили... А почему горбачами назывались? У них же, катаржан-то... раньше мешки же были. Он же идёт – у него что есть, всё за плечами: у него там чайник, у него котелок, у него топор, у него какая-то еда, какие-то вещи. Вот их поэтому горбачами и звали.

Записано в с. Большеокинское Братского района Иркутской области в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Поповой Клавдии Константиновны 1918 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 239–240.

18. *А у нас в Ёдорме жил бродяга, заключённый, Зырянов фамилия. У него жена была, две дочери <...>. Он дрался со всеми, никому покоя не давал. Пьяный напьётся и драку сочинял. Он заключённый был, бродяга. Здоровый, грит, такой мужик был.*

Записано в пос. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области в 1994 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Хайми Зои Васильевны 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 82–84.

19. Собир.: *А беглые раньше заходили в деревню?*

Инф.: *Один раз их полно прибежало. Да коне ночами воровали. Им ись-то ведь нады. Их на ссылку сослали, а оне по деревням да везде пряталися, да. А их тоже бегали догоняли на конях, да стреляли, расстреливали. Пошто, кого в деревне, например, в нашей Недокуре, людей мало, кого делать? А оне бегают, им ить ись надо, оне воруют, оне и человека убьют, съедят и всё и <...>. А зачем их на ссылку послали, кого прятаться? Оне придут, прохожие, попросят:*

– *Давай мы тебе лров наколем, ты нас покормишь.*

– *Но поди, коли дрова.*

Он наколет там дров, его покормят.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1999 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Верхотуровой Афанасии Филипповны 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2013. Т.11. С. 258.

20. Японцы-то здесь жили, в Болтуриной, там у них землянки были, оне в землянках жили. И зимой жили, мёрзли. А в первые года умирали здорово. Оне кирзавод строили, они на карьере работали всё больше, вон там, где устье Парчумки, вот тут такое ямина-то, там гравий брали, железную дорогу строили <...>. Их много померло.

Сразу-то которые убежали. А далёко убежишь? Замерзали. Одежка-то у них какая была. Шубы у всех меховые, всё закрытое, подносники, и всё на свете, и рукавицы. Такие шубы были крепкие, ватные брюки, всё это крепко <...>.

А потом они как бесконвойные были, они и ездили уже на лошадях, и шоферами работали, как бесконвойные. И никуда никто не убегал. А когда отправлять-то стали в пятьдесят втором году, не хотели ехать многие. Посадят их в эшелон, а наши метлу привязывали взади поезда, чтоб дорогу заметать, чтоб больше их не было. И вот как позда провожали, японцы машут. Ну и всегда, как только эшелон идёт – метла сзади <...>.

Ну, многих мы знали, к нам и в деревню ходили, ночевали и рыбачили они. В Болтурино оне не жили. Оне просто приходили.

А у них тоже были буддизмы и были православные <...>. Ну, счас-то сухой сахар, белый, а то какой-то красный был. Вот этот первый сахар я увидел, а так не видел. Мы понятия не имели. Жили хуже японцев, хуже заключённых.

А заключённые-то питались ой-ой как! Там у них всё было. Японцы уехали, заключённые потом стали. Заключённые русские. Озерлаг. Там и полковники, там все, оне по пятьдесят восьмой сидели, питались хорошо. А мы этого не видали. Ну, пойдёшь на работу – кусок хлеба да бутылку чаю с собой, и всё.

Это через каждые три километра, а то и меньше, всё лагерь, лагерь, от Тайшета до Братска всё лагерь, лагерь, лагерь. На Ханяках лагерь был, тут ближе, тут два лагеря было, на Новочунке три лагеря было.

Всё политические, уголовников не было. Они помогали, давали соль. И всё рассказывали. Но там офицеры рассказывали <...> Туполев, он же тут сидел. Тут много таких: и Русланова, Королёв, Русланова тут сидела <...>. Много хороших людей тут было, сейчас они все в Москве да везде.

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 2006 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Василия Антоновича 1936 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2009. Т.4. С. 148–150.

21. Лагеря-то здесь, японцы же сидели пленные. Эту железную дорогу на Братск – оне же строили. Дак на каждом метре японец сидел. Их же сюда бросили, от Тайшета и до Братска первую-то нить тянули японцы, дорогу делали, гравий грузили. Тут работы было много. А сколь их погибло здесь!

Записано в с. Баянда Чунского района Иркутской области в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Дубровина Ивана Сергеевича 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2008. Т.3. С. 47–48.

22. Инф.: Мама Елена Николаевна, а отец Александр Кириллович. Он последне-то жил уж в Шиверах. А приезжал сюды, это ещё живой был, всё наказывал:

— Шура, если я умру, меня уж в Яркино хоронить привезите.

А как раз сестра моя умерла, тоже две девочки остались, он приезжал на похороны. Грязишиша была, невозможно было. Мы боле десяти дней на порт

ходили, самолёты, а потом уж и в Богучанах был не асфальтированный порт, тоже была там грязь. Самолёты не ходили. Я говорю:

— Тятенька, вот, ну-ка вот если сейчас умрёшь в эту погоду-ту, как тебя привезти-то? Сейчас самолёты не ходят.

Он говорит:

— Шура, а если никак, сожгите меня и пепелок в коробушку, и так в коробушке пепелок сюда привезите <...>, всё равно меня схороните.

И вот он умер восьмого декабря. И я ездила, привезла сюда, его здесь схоронили <...>.

Собир.: А он мастер по каким делам был?

Инф.: Мастер? Так он всё по-колхозному: в колхозе и животноводом работал, и бригадиром работал, и всё, и председателем сельсовета потом работал здесь, и работал в Юрохте председателем колхоза. И был в тюрьме два года.

Собир.: В тюрьме? А за что?

Инф.: За что? Он добрая душа был. Он работал ешио председателем колхоза, и он такой был, его в Сыромолотову назначили на председателя-то колхоза. Он уехал, там работал. А потом как раз это раскулачивание-то шло да всё в Кодинку-то ссылали таких. В Кодинку ссылали, он там, в Сыромолотовой председателем колхоза работал, а туда же съезжались эти, и с детьми были, эти маленькие дети у которых, и надо же молоко. Стали коров держать. А там ешио, ешио Кодинская заимка-то ешио была, не было, так только организовывались несколько этих домов <...>. И вот эти лишёнцы стали просить, и они и заявление подали на заседании правления потом в Сыромолотову-ту:

— Дайте нам покосы, мы выкосим их хоть половину. Половину в колхоз отдадим, а половину себе возьмём, чтобы нам хоть, хоть одну корову на всех содержать.

Но возле дороги возле края стали собирать, ну и это правление решило, что пускай косят, ведь люди же всё-таки. Как они, их будто как, ну, они по пятьдесят восьмой или какой ли раскулачивали, ну и потом разрешили. Они покосили. И вот за это, что содействовал кулакам.

Собир.: За то, что разрешил, да?

Инф.: Ну, дак правление решило, не один он, всё заседание правления. И вот им дали, бригадиру шесть лет, а тятеньке восемь дали за это лет.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуевой Александры Александровны 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 159–160.

23. Раньше же много беглых было, шли. Придут, к тебе же попросят, если кто пустят, оне:

— Мы у дверей, у дверей.

Сидят там. Покормят. Посидят и уходят. Это не чичас. Пусти — он за сто рублей тебя убьёт. А раньше никого оне, никто не убивал, ничё. Но им давали там молоко и хлеб. Или вот на полочку ставили прямо. Ну, давали. Кто, ну, чё кто сможет. Кто может, там сала кусочек даст, ешио. Ну, народ жалистливый был, жалели.

Записано в д. Карапчанка Усть-Илимского района Иркутской области в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Барахтенко Анны Егоровны 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 408.

24. А помню, пришёл один какой-то бродяжка, беглый, его поймали, посадили. У нас вот эта амбарушка была. Мы уже не жили в доме, нас уж выгнали тогда, раскулачили и выгнали. Амбары были сюда к этому, к ручью. И в

одну амбарушку посадили этого беглого, бродяжку. А Анна вот Никитична, соседка наша, тётки Харитины-то дочь, Анна и Лукерья Безруких, оне по улице гуляли да песни пели (тогда всё по деревне песни пели). Все, ешио мы в войну вот пели так же ходили. И вот он постучал.

— Девчонки, откройте, — говорит, — мне. Вам ничё не будет. Не скажете, что вы меня выпустили, я, — говорит, — убегу, а не то убьют меня ни за что ни про что.

Вверилися в душу, и оне взяли его открыли. Чё-то он ешио расспросил, оне рассказали, что Чунояр туда, Богучаны туда, дорога какая куда, и всё. И он убежал. Вот кто, какой был он? Раньше всяких разных полно было, бродяг-то.

Записано в пос. Осиновый Мыс Богучанского района Красноярского края в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюханова Поликарпа Макаровича 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 185.

25. Тут же на каждом километре только лагеря. Дорогу японцы пленные строили. Ну и я во второй лагерь на подразделение оформился работать. Меня отправили с части сюда, в Бунбуй отправили заготавливать корм. Сто двадцать пять японцев мне дали. Ну, я уж как заместитель начальника.

А японцы хитрый народ, но безвредный. И вот когда поселились мы на Елани (шесть километров отсюда, с Бунбуя), там нам отвели покос, сено косить, ну, где кочки, где ровное место. Дежурили по очереди. Но и там как будто настоящий лагерь. Пойдёшь дежурить, а разбудишь часа в четыре, в пять, как светать начнёт, потому что жарко косить днём. Дак они что ухитрились, японцы-то? Возьмёт кусочек бумажки, и будто он пошёл оправиться, положит этот дымокур, чтоб его комары и мошка не съела, и сидит. Я первые дни так смотрю, думаю: «Господи, чего ж ты сидишь-то?». Подошёл, а он на дымокуре сидит, его мошка не кусает, комары не кусают.

И один раз дома уже были, я там с ними. Приезжает председатель. А японцы едят всё, что выкопают, любые корни они знают, что исть, какую траву исть можно, они всё знают. Змею поймают, на такие часточки разделят каждому, съедят.

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кавалерова Георгия Кузьмича 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 224–225.

26. Здесь всё прохожие ходили, и такие, говорит, умные были люди. Вот тут, на той улице — угловой дом вот с соседями — дедушка Ермолай строился (тут уж сейчас хозяев полно было), и вот он строиться начал только аж с нашего. Он подходит, прохожий-то, и говорит:

— Так, — говорит, — товарищи, или ты вверх, — говорит, — отнеси хоть на полметра или вниз. Не на месте, — гыт, — ты ставишь дом.

— Пошёл, — гыт, — ты! Буду я переделывать!

Ну и не послушал, так и стал строить. И вот он строил — раз! — и его раскулачили. Угнали куда-то на Болото. А кулачить-то за что было? Если жнейка там или, ну, какая-то машинка есть, или швейная или там — кулак. Ну и вот. И сколько в этом доме пережили, и у всех жизнь корявая была, всё наперекосяк было. У нас по пятьдесят восьмой был врач, здесь больница была, а на приёме прямо в больнице мужчина был, а у них девочка только родилась, у тётки Шуры, ну и там кто-то услышал, как он закричал, тот мужчина. Он не по согласию, и его обсудили на двадцать пять лет, этого врача. Осталась она с девочкой с этой <...>. Вот прохожий, ссыльный сказал, что не строй на этом месте. А не послушался <...>. Раньше же какие-то прохожие всё ходили,

ссылными назывались. И они такие все умные, и чё оне раньше скажут, всё сбывалось.

Записано в с. Чадобец Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Страшниковой Евдокии Васильевны 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 160–161.

27. Инф.: *Раньше же люди-то жили по-авандельски. Всех примали. Вот у нас дед один был, прохожий ешио пришёл к нам там, в Берязовой, и он там всю жись прожил. Коров всё пас. Дедушка. А всё (пока зубы были), в табуне будет у коров ходить — медведь не потрогат. А потом у его зубы повыбились, он, медведь, моя, сколь коров задавил, а его всего избил. До смерти не убил, а избил. Старик-то потом захворал, захворал да помер. И вот и всё, дедушка-то управился этот <...> Он сослатый откуда-то.*

Собир.: *Ирина Иннокентьевна, а народ-то не отказывал его кормить?*

Инф.: *Не-е-е! Ты что, моя?! Коровы сохранные, все коровы в заборе. А надо бегать искать по маторой — где-то их искать. А в хрябёт уйдут?! А оне все в заборе, все забратые. Приезжаешь — коровы все. Собраты. В куче. Пригонят, они лежат. Всё в порядке. Хотя он много съест, его покормить. Одявать. Одявали тоже. На его собирали тама-ка. На брюки, на рубаху, всё.*

Записано в в с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области в 1993 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Соловьевой М.Р. от Жмуровой Ирины Иннокентьевны 1913 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 275–276.

28. *Заключённые-то для чего тут работали? На это работали. Заключённые убирали тайгу, лес убирали. Вот они тут и были вот, чтоб этот лес весь, который пойдёт под затопление... Местных увольняют с работы, местны же получали и районные, и северные, и всё. А этих заключённых*

навезли у нас тут в Проспихино-то табунами, машинами приезжали. А местных ребят увольняют. Куды хошь — туды и езжай, ешио квартиры не давали.

Вот и в Сыромолотовой, в Заледеевой и во все люди разбрелись все везде. Многи уехали в Богучан жить. Кто куды мог. Раз деревня под затоплением, значит... А эти заключённые там чё?! Работали бесплатно. Их кормят, и ладно. Известно, как их кормят, этих заключённых. Дармовая сила строила ГЭС. Вот оно дармовое так и ушло.

Записано в с. Ирба Кежемского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Нины Филипповны 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 102–104.

29. Инф.: *Там вот, в Кумейке, были двадцатипятилетники-то заключёнцы. Она всё, жили вот так они. То на мельницу съездит, то на жерновах намелет, настряпат, ещё несёт туда, заключёнцам.*

Собир.: *Там что, заключёнцы были?*

Инф.: *Двадцатипятилетники. Двадцатипятилетники. Заключёнцы были. Но. Я с нима работала.*

Собир.: *А что такое двадцатипятилетники?*

Инф.: *Ну, двадцать пять лет заключения.*

Собир.: *А за что сидели?*

Инф.: *Ну, я не знаю... это вот, привезли их откуда-то, привезли, они тут сельхоз делали, и пахали, и на конях.*

Собир.: *Которые колхозы поднимали?*

Инф.: *Они выкопали всё по этим, эти, ой, под... под картошку, подвалы такие. Сами там всё делали, сами сеяли, сами убирали, сами пахали.*

Всё, всё сами делали, всё растили сами.

Собир.: *А где жили?*

Инф.: *Вот где Кумейка сейчас, Кумейка.*

Собир.: *Нет, в бараках жили?*

Инф.: *А как же, а как же.*

Собир.: *То есть у них надзиратель был?*

Инф.: *А чё, Кумейка сейчас там осталась, там всё ведь осталось это, от этих от заключённых, они строили.*

Собир.: *А-а-а! Да они были заключённые, да?*

Инф.: *Да-да, заключённых.*

Собир.: *То есть двадцать пять лет давали....*

Инф.: *Да-да-да! Да они всё оставили там, всё осталось ихнее. Но всё.*

Записано в с. Ключи-Булак Братского района Иркутской области в 1987 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Шадриной Евдокии Маркалеевны 1925 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.13. С. 143–144.

30. Инф.: *Варнаки — ну, вот которые бежали-то. Тут же много всяких было беглых. Они же никогда не крестились, веру-то шибко не признавали. А вот когда начинаешь чё-нибудь говорить, баушка:*

— Благословясь, не по-варначьи.

Значит, удача будет. Благословясь, не по-варначьи, — варнаки-то не крестились.

Собир.: *Что не так, как они?*

Инф.: *Не так, как они. Они не крестились никогда. А наш-то народ он боговеруший был.*

Записано в с. Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края в 2004 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Евгении Александровны 1923 г.р. //

31. Инф.: *Раньше, вот в войну-то, много было беженцев, дезертирливо, и сбегали с тюрем. Ну, что раньше было, то этого нет. Вот один встретил меня, я одна в поле была. Вот этот мужик-то, беженец-то, только попросил:*

— Сестра, — гыт, — спаси меня, попусти дай.

Ну, ладно:

— Вот тут ты и будь, я тебе принесу.

Если уже рука ранена, то сразу с себя снимешь.

— Ты не бойся, я с тобой ничё не сделаю. У меня семья.

Всяки же бывают. Но сколько мне встречалось, я помогала. Ну, свои братья на войне были. Это же всё одно к одному касалось.

Собир.: Так они беженцы были откуда, с фронта?

Инф.: Ну. Оне с фронта дезертирили. А другой раненый пришёл или из заключения. Совсем безвинны же сидели, безвинны. Вот потом, кода встретился, дня три-четыре пройдёт, — он тогда начинат:

— Я совсем безвинный, сестра. Вот у меня документы.

Подкармливали. В балагане на покосе жили. Силу потом наберёт маленько, и вот расскажешь имя дорогу. Вот дашь имя черченье, и на Тулунскую дорогу выходят. И я двоих спасала. Вот этот в тюрьме сидел, он безвинный. Ни мужу не говорила, никому. Я если скажу, хорошо, и чё потом будет? Я пришла домой, мужу сказала, что я вот так вот встретила. А он:

— Ага, ты что?!

Ведь всяки разны же. А зачем? Он тоже безвинный. Скажет:

— Где он? Что он?

Нельзя. Вот окрепнет, и начертишь ему дорогу: какая деревня будет, какие пойдут. И переодеться дашь ему.

Собир.: *А они подходили и говорили: «Спаси меня, сестра».*

Инф.: *Но. Оне сразу говорили:*

— Ты не бойся, сестра...

Ага, и так, и так...

Собир.: *Один с тюрьмы бежал, а другой?*

Инф.: *Один с тюрьмы, а другой с войны.*

Собир.: *А чё он побежал с войны?*

Инф.: *А ну, не знаю, так, наверно, пришлось ему. Я никогда не спрашивала: тяжело человеку и так. Оборванный весь, обросший весь. Сколько он прошёл? Этого же никто не знает: как, где, чё. Скажет сам — буду знать. Не скажет — никогда. Зачем это? Я вот... И сейчас люди, знаете, спрашивают: как, чего? А я — нет. У человека на душе и так больно, а я ешишю буду тревожить.*

Записано в с. Ключи-Булак Братского района Иркутской области в 1987 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Буренковой Александры Иннокентьевны 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 290–291.

32. *А раньше же всё прохожие да бродяги ходили. Ну и вот так же это, сильно осенью дожжж шёл, ну и баушка Дарьиных (хорошая баушка, жалостливая была) дак открыват окошко, ну, створку, и говорит:*

— Бедные бродяги, где, — гыт, — оне идут? Такой дожжж льёт!

Холодные, — говорит, — голодные.

А один-то стоял у завалинки и говорит:

— Да мы здесь, — говорит, — подайте хоть, — гыт, — в окошко хлебушка.

Она, гыт, берёт последнюю булку хлеба, стеклянку молока:

— Нате! Нате, — гыт, — ребята!

Хоть и нужда давила, а давали, всё равно делился.

Записано в с. Коношаново Жигаловского района Иркутской области в 1997 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Коношановой Ларисы Георгиевны 1932 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 111–112.

Устные рассказы русских старожилов Приангарья
о коренном инородческом населении
(Субконцепт «инородцы» в ангарской лингвокультуре)

1. Собир.: *Нам рассказывали, Иван Васильевич, что медведь ходил в стаде?*

Инф.: *А это здесь приезжал шаман, какой-то эвенок, и ему заплатили, деревня ему заплатила, эвенку.*

Собир.: *А за что заплатили?*

Инф.: *Дак он-то и отвёл медведя-то, заговорил деревню.*

Собир.: *А как он это сделал?*

Инф.: *Как?! <...>. Он заставил собрать всех узды (узды с лошадей):*

— Принесите мне вот эти.

И каждый приносят узды. Сбросали ему, говорит, в избушку, в амбар. И он назавтра раздал каждому свою узду. Не то что он перепутал их, он не смотрел, сказал:

— Бросайте там всё.

И все ему скидали. И вот дедушка рассказывал, говорит, он раздал каждому свою узду. Как он знал, чья она, узда? Счас как узнашь-то, моя узда ли, твоя узда? И вот он, говорит, каждому раздал свою узду, и всё, и уехали. И с тех пор ни медведь, ни волк скота не берёт. Вот там молодняк живёт. С молодыми телятами ходит медведь, в стаде, пастухи видят его: тот муравьёв копат, а эти траву едят. И не трогают скота. А то давил и давил, медведь-то, ходил, чуть всего скота не передавил. И тут вот на той стороне медведь пришёл.

Всё, пастухи угнали потом с ружьями.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Ивана Васильевича 1937 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 362–363.

2. Вот когда помрёт авенок, то у него все вещи его на деревинку где-то повесят, и он там и...

Не хоронили раньше, с вещами как-то со всеми. Это рассказывали раньше, а кто знает, при нас-то этого уж не было. При нас-то они уже обрусели, авенки-то стали русскими.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лушниковой Марии Ивановны 1924 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 359.

3. А тангусы оне были страшны следопыты. Вот если прошёл зверёк или зверь, он знает, где он уже находится. И вот тангус, где ни разу никогда не был парень, старик ему расскажет — он придёт точно на это место. Оне по звёздам, по речкам. Ну, вот, рассказывают: перейдёшь такую речку, перейдёшь там ручей такой-то. Вот они всё вот так расскажут на сотни километров, вот, всё запоминает. Он же каждый сучок в лесу знает, в каку сторону он растёт, где юг, где север, что всё, всё знает. Они, это, очень большие были следопыты.

Ну и вот, здесь смешивались с русскими. У меня есть немного крови т ангусской, прадед Афанасий Деевич. Дей — прапрадед <...>. Вот с тангусской родни был.

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюханова Александра Трофимовича 1931 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.13. С. 291.

4. *Ну, авенки-то, природный же народ. Закоренелые авенки. Всю жизнь в тайге. Это сейчас мало стало. Ещё есть закоренелые такие охотники, которые и сейчас в тайге живут.*

Вот здесь в Ербогачёне-то много их на стойбищах, есть охотники. Оленей своих держат, и всё. С кем будете здесь беседовать, вам всё расскажут здесь в районе-то.

Раньше-то очень много было и оленей, и эвенков. Счас молодёжь-то отвыкла, не хочет идти оленеводством заниматься. А раньше старые-то люди, они же оленей полно содержали, одинолично даже. По сто оленей, по сто пятьдесят держали своих только оленей. Не говоря уже о колхозах.

Записано в д. Рудовка Жигаловского района Иркутской области в 1998 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рудых Галины Николаевны 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2015. Т.17. С. 86.

5. *На Катанге, это же тунгусы тама-ка, и у тунгуса Яким убил собаку, и счас он поехал, и дорогой замёрз.*

— Нашаманю я, — говорит, — тебе. Сделаю на век вечный, — говорит, — будешь помлить.

Сделал ему <...>. Поехал, где-то перебродить стал и закипел. А слово не стрела, но хуже стрелы <...>. Закипел, ага, ну, замёрз.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Коваленко Марии Меркурьевны 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В.

6. *Правила живот, ребёнка выправляла. Бывает, ребёнок нечаянно поперёк ляжет таза, и всё, в животе. И как? Никак. Ему идти надо, и бесполезно. Вот она оишшупат и выправит. Возили её по деревням, выправляла всех. Там малеевски, дак оне как в положении, сами спецом приходили.*

— *Поправь, баба Хавронья, — говорят.*

Хавроньей звали. Она родилась в Карабуле. Чисто тунгуска <...>.

Была деревня Гаврильская. Вот в этой деревне тунгусы жили, и она там рожденка, оттуда. Много из Гаврильской тут-ка жило.

Записано в с. Чунояр Богучанского района Красноярского края в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Веденя Михайловича 1932 г. р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.16. С. 148–149.

7. Собир.: *А как называлось ваше родовое угодые?*

Инф.: *Но она на Токучете была избушка у нас. Токучет <...> он впадает в Бирюсу.*

Собир.: *А какие названия были в Невонке? Куда за ягодами, грибами ходили?*

Инф.: *В Невонке-то куды? На Жилище ходили — брусника. Там жили тунгусы. А тут Окучер.*

Собир.: *На Жилище ходили, там, где жили тунгусы?*

Инф.: *На Жилищах? Тунгусы жили, к лету выезжали. Жилище, да. Там стойбище было них. Они на лето выезжали. Тунгус не дурак. Это Жилище уже*

до нас названо было. Там Курья, да, там рыбы много. Так называли, Жилище и Жилище.

Записано в пос. Октябрьский Чунского района Иркутской области в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Семёна Ивановича 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 168.

8. У тунгусов были много оленей. Маленьких оленей они пятнали: одна зарубка у кого, у кого две зарубки, у кого встречные зарубки. Каждый знал своих оленей. У них такие были трубы такие. У-у-у, каждый там звал, они прибежали. Но ездили на оленях. Оленей на мясо разводили.

Это давно, когда мама была совсем маленькая (мама родилась в девятьсот девятом году). Постепенно всё поизвелось. Тунгусы они тоже рыбачили. Женщины у них умели шить унты, хамчурсы просто, как заправская фабрика. Шили-то жилкой.

Записано в пос. Чунский Чунского района Иркутской области в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Каверзиной Марии Георгиевны 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 169.

9. И у нас, у Жулановых, мы Жулановых. Это прозвище такое. Жулановых. Раньше же у всех прозвища были. Ну и цыган покупал коня, а оне не продали. И он сделал то, что... как до трёх лет и что-то случится, несчастье какое-то. И брат папин поехал на Катангу в Байкит и там к шаману обратился. Ну, счас шаман поставил, говорит, зергалю, поставил стакан, колечко это поставил, ходил, говорит, ходил, и потом вышла голова человека.

— Ну-ка, иди узнавай!

— Дак Мишка цыган!

— *А что с ним сделать?*

— *А ничего не сделать, просто мне узнать, да и всё, что кто.*

— *Если я не сделаю, то на меня потом будет.*

— *Ну, пушишай нога у него сохнет.*

И не поверите, я помню, его на последе даже на санках возили: нога, на костыле ходил, ходил, и не мог. И здесь и похоронили потом его. Вот как тунгусы-то! Шаманы да знающие. А Байкит-то, знаете, что далеко отцель.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуевой Ксении Ефимовны 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 240.

10. *Было как, девка, тунгусы-то, и потом тунгусы сюды приехали. За рекой у нас коров доить — это, медведи, ну, задавлили коров, съедали. Ну и тунгусу сказали, и он счас вышел, и ходил, вот ходил, и говорит народу (народу полно набралось на угор), он говорит:*

— *Вот послушайте. Пока деревня жива, ни одной коровы никто не заганит, ни одной скотины не задавит никто. Я на Ангару его послал.*

И с тех пор прошло уже шестьдесят лет, и ни единой коровы не задавили. И даже доярки, на заимке колхозные коровы, и там на бор выйти, они ночевать ходят, и они доили, и медведь к коровам пришёл, и ни единой коровы не задавил. Вот как, девка, тунгусы-то!

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуевой Ксении Ефимовны 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.16. С. 336–337.

11. *Обозы приезжали сюда, тоже тунгусы были ешио там, тоже были тунгусы. На Ангаре были тунгусы. Оне возили тоже товар оттуда. Одной сделали тоже хорошо тунгусы, это в Абанском районе. Я даже там сама была, когда к мужу ездила там, муж-то тоже после войны сидел шесть лет в трудколони. Ну и вот. Они там... заезжий дом был у одной женишины, дак они стояли у ней. А ехали тунгусы с обозом. Везли товары всякие, куски да же, кусками товар, раньше кусками товар мерили и мерили. Мерили, резали товары. Оне ехали, у этой бабки-то стояли на квартире. У ей сколь было? Один сын, четыре дочери. И четыре дочери эти все искалеченные. До восемнадцати лет одна, из четырёх дочерей одна, а три дочери — ноги отнялись, и всё, и под*

себя всё ходили. А как это получилось? <...>

— А ukrала, — гыт, — у тунгусов товар, товар ukrала. Но оне, — гыт, — схватилися:

— Кто из одного возу выташишил пять кусков товару?

Ну, вот, а оне ей, гыт, сказали, когда поехали:

— Ну, — гыт, — бабка, молодец, — гыт, — ты. У тебя, — гыт, — пять детей, и пять кусков ты взяла. Будешь, — гыт, — век помлить, век каяться.

Так и есть, так и есть. И все эти, вот пятеро детей у ей: четыре дочери, один сын — пятеро. Ох, не дай Бог это тоже никому! Она за имя ходила. Жалко. Но ей говорили, что в дом инвалидов увезём. Она их не отдала. Вот до семнадцати лет, гыт, доживут — отнимаются ноги. А это уже никак не вылечишь — на их направлено <...>. С тунгусам связываться нельзя. Испортить могли.

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Марии Вуколовны 1923 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

12. *А была Елена Рукосуева, еванка, она охотница хорошая была, она умерла. Своей смертью. Она была двадцать четвёртого года рождения или двадцать шестого. Ой, я знаете, чему удивлялась. Маленькая такая бабёночка. Бренчит котелок: брим-брим-брим! — и собачка. Они «с щего» говорили еванки, не говорили «что», «с чего», «почему», а говорила «щего», «пощему». Выпить любила. Но не валяться. По тридцать соболей добывала, старушоночкой уж была.*

Отец у ей Илларион Рукосув, тоже еванок, у него было много жён. Одна умирала, он брал другую. Я его знаю детей. Василий самый старший. Василий, Дмитрий, Степан, Филипп. Вот эти два, которые погибли, Петька, ещё как-то звали, не знаю, Васька или как. Уля, Лена, Надя Погодаева. Девять насчитала детей. Все были от разных. Ну, иногда два только, а то всё от разных. Умирили его жены, и он с другой жил.

В войну он приезжал в Берёзово. У него был конь рыжий, такой откормленный. Вся эта узда у него, вся пробита такими жёлтенькими бляхами, как золотыми. Всё блестело! Куплено всё было. Кошёвка, бока такие сделаны и спинка, всё это мехом оторочено. Сам он был в дошке собачьей ходил, хорошо подобранной. Шкура подобранная. И на нём был френч и брюки. На японца походил. Он зажиточный был. Он там жил, в Бродовой, тридцать километров от Берёзово. Речка Бродовая, оне на ней жили. И стойбище называлось Бродовая.

Записано в пос. Чунский Чунского района Иркутской области 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Каверзиной Тамары Григорьевны 1935 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.

13. *Еванки разны были: игирминские всё, а там были кутские (по Куте ходили, по реке), там катангские. Там все, и Нижня Тунгуска, и Верхня Тунгуска. Но у нас еванки-то и счас ещё живут. Они на Токме. Деревня большая. Они там живут. У нас семья-то большая, а был еванок Качин, фамилия счас Качины в Токме ешио есть. Качина, она большая фамилия: много корней у неё, много Качиных.*

И вот один Качин был, его звали Алексей. У него было девять дочерей, а сына ни одного. А у меня братка Саня. Вот еванки-то у нас пили сидели, самогонку пили. Мама самогонку же варила для них. Они нам мясо поставляли, семью надо кормить. И вот еванки-то эти пили сидели, и вот еванок-то, этот Алексей-то, и говорит мамке с папкой:

— Надя, Надя! — ну, он по-своему говорит-то, — Илюса, Илюса, отдай вот этого мне парня в сыновья, — ну, на братку на Сашу, — я из его сделаю человека и охотника.

Серьёзно так. А мамка говорит:

— А если он пойдёт. Спрашивай ты его.

А он говорит:

— Но я с чего пойду-то?! От них так пахнет!

Они же вонькие, еванки-то. Они же никогда не моются. И он не пошёл. И в школе узнали и сразу ему кличку дали Качин. Всё Качин и Качин:

— Вон пошёл Качин.

Так и всё. В школе учился и в армию пошёл, и всё Качин.

Записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2010 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Коновалова Анатолия Ильича 1940 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 255–256.

14. Инф.: *Яркино оно же старинное село. Говорили, еванки выходили, да какой-то Ярушка был, построил там дом, на угоре, ну, на берегу, Ярушка этот.*

Собир.: *А Ярушка-то он кто был, русский или тунгус?*

Инф.: *Еванок.*

Собир.: *А на угоре построил.*

Инф.: *Хиженку какую-то себе построил.*

Собир.: *А для чего?*

Инф.: *Так, ну, стойбище как ихне было, останавливались <...>. Раньше же еванки приходили в Яркино. Мяса сушёного привозили, эдак сушили, мясо привозили, обменивали.*

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуевой Александры Александровны 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 256–257.

15. Инф.: *Еванки же жили в лесах, а потом от русские-то стали жить, строиться стали, оне пошли вот на север, в Преображенку ушли все.*

И вот оне пошли отсюда, и вот, где хороши места, все прижгли, хребты. Это ешио наши прадеды.

Собир.: *И русские потом с ними хорошо жили?*

Инф.: *Но оне, видишь, еванок есть еванок. Он разе будет с русскими? Русские любят избу, а еванок любит лес, в лясу всё. Пришёл, чум сделал, упал на землю, завернулся под снегом, отряхнулся утром и дальше пошёл <...>.*

Собир.: *Но они хорошие охотники.*

Инф.: *Но дак, конечно, охотники-то. У их жизь-то, тридцать лет, сорок — он не жилец. У них короткий век. Оне вот, наши катангски ходили, вот тушамский тут один охотник ходил, от встречалися с имя. У их, грит, такая*

мода: елив пришёл охотник, он, грит, тебя, этого охотника кладёт со своей женой, а сам, гыт, ложится на туё кровать. Мы, гыт, сразу-то как думаем: «Если я... дак он и тут пристрелить...». От эта, гыт, мода у их была.

Собир.: О хотник ложился с его женой и что делал?

Инф.: Но а чё делать? Проспит, да так и всё. Чё, думаешь, он? Муж здесь будет, а он трогать будет?

Собир.: Он просто рядом спал?

Инф.: Ну, конечно. Это бы он положил да сам ушёл куда-то, а то тут же.

Собир.: Их не опасались, что они могут что-то там наштаманить?

Инф.: Ну, дак это могут. Дак а, вот сколь здесь-ка мужиков, стариков ходили, встречались, ни один не обижаются на их, не-е-а-а.

Собир.: А если их обидают?

Инф.: Ну, дак! Елив, конечно, чего-то натворишь тама-ка. Конечно, боялись. Евенку, чё ему? Он догнал, убил тебя, да и всё, и развернуўся, убежаў.

Записано в д. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области в 2008 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анкудинова Николая Александровича 1939 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 257–258.

16. У меня дядька охотничал с авенками там, в Эвенкии, двенадцать собак у него было. Запрягёт в нарты и туда. Вот из Бедобы. Его там любили, он больно честный был. Где белку или там что-то вот увидит в снегу, ну, кто-то стрелил, он себе не возьмёт, он колышек остругат, снимет кору и обмотает, на этот колышек повешат, приструнит её, чтоб она никуда не упала. Всё равно охотник придёт, авенок, и возьмёт свою добычу. Он места все, авенок, знат. И потом по своим местам идёт, ищет и собирает, кругом тычет <...>.

И вот его любили изо всёй Бедобы, дядю Мишу. Честный был охотник, нигде ничего не возьмёт. Лабазы, чтобы он где-то там маленько собакам кусочки чё-то взял, — никогда! Вот его за это и любили авенки. И говорили, что Михаил — наш друг. Они так и называли друг. И русский тоже, вот у дяди Миши у него свой друг был, авенок.

— Но ты, друг Миша, всегда иди сюда, это твой ухожень. Понял?

Вот в это место пойдёшь — ты возьмёшь, а туда пойдёшь — не возьмёшь.

Авенки, он всё время к ним ходил, друживал. Он их друг был. И как токо поедет, всё, всегда мяса полным-полно добудет, пушнины. И нам помогал. Своих детей родных не было, он чужих всё растил.

И они уже знают, что это пришёл ихний дружок, ну, Миша. Он тут прошёл, его эти лыжи, это уж он был. Вот его любили. Он справедливый был. А чтоб так забрать у кого-то что-то без спроса — ни-ни! Он своё отдаст, чем возьмёт. Даже если идёт, где какой вот ихний чум, что у него остаётся, он до дому едет, он всё оставляют, припас свой, и дров наготовит, лучинок нащипает: вдруг тёмно придут, чтоб всё было. И воды, вот там вот ручеёк, дак он воды принесёт.

Это у мамы брат был, дядя Миша. Его так и залюбили, залюбили. А вот никого авенки охотников больше не пускали в свою тайгу. У вас своя тайга, вы идите туда, ваша собака там, моя собака тут, Мишина собака здесь. Вот так. Дядя Миша приедет который раз к нам в гости, я всё его спрашиваю, а он:

— Но ты уж кака-то, племяненка, у меня всё должна узнать?

— А кто знат, — говорю, — может, я с тобой поеду.

— Да ну, не поедешь ты никогда на нарте.

А далёко же. Сотни километров. На Байкит... ну, на Кумонду-то ешио поближе, а Байкит дальше ешио, дальше туда по Верхней-то Тунгуске, по

речке-то подниматься, Байкит туда. Там и Куюмба, а потом зверосовхоз там был. Ну, дак вот лис выращивали, соболей.

Записано в с. Ярки Богучанского района Красноярского края в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Непомнящей Ефросиньим Михайловны 1925 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 65–66.

17. У нас дружки были, ну, из тунгусов дружки были. Здесь же много их, тунгусов-то. Оне к нам часто в деревню приезжали. Дружки называли. Приезжали, за мукой приезжали, табаком, ну, мясо привозили, меняли. Вот мамка она много табака садила. А тунгусы к нам оне всё в марте месяце приезжали <...>. А наши же, дедка-то и папка-то, у них вот дружок был, тангус, оне охотились-то там у них близко, и оне сказали:

— Придём первого марта.

За мукой и за табаком. Оне рассчитаются мясом и деньгами за муку. Там уж готовят муку и зерно сушат, на мельнице мелят. И вот пришли тунгусы, и на другой день прибежали тунгусочки, тунгусята. А у нас ешио старая избёнка была, и вот папка им сказал:

— В этой избёнке живите.

Там русская печка, железна печка. И вот оне на полу шкуры настелили и спали на шкурах. И я тут как тут. И вот вечером они спать легли, и вот у них тут потасовочка: ну, да приревновали пацаны-то, тунгусят-то. Парни-то тоже есть, а спят-то вместе. Но, может, им уже по двенадцать лет, может, по тринадцать. И вот смотрю, у них тут шум получился. А эта старая тунгуска:

— Гыр-гыр-гыр, — на них.

Они всё, перестали. Она сказала, что я счас пойду отцу скажу. Примерно так. И всё ушомкалось. И вот сразу вот в эту избёнку в нашу в стару привезли

колхозники муку. Мамка табак наготовила. Но тунгусы выпить любят — страшное дело! Оне курят и пьют. Оне пьют по-страшному! И мамка самогонки наварила, не самогонка была, а тарасун назывался, он хороший, с него голова никогда не болит, хмели никакой нет, в нём дрожжей нет. Ну, ладно. Мамка на-варила тарасун. Она их угощат — дружки же! И с собой возьмут, и угостит. Ты чё?! Они в первую очередь:

— Налей, моя дружка, подай!

Ну, оне ночь ночевали, и эти пацаны-то, тунгусята, и говорят мне... А я уж на лыжах ходил, с горки катался (я в деревне уже катался, мне пять-шесть было, я уже на лыжах с горки катался). И вот эти тунгусы мне говорят, часов в одиннадцать примерно, мороз на улице, оне говорят:

— Пойдём к нам на стойбище.

Я говорю:

— Дак далёко.

— Нет, недалёко.

Но я побежал, мамке говорю:

— Тунгусы меня зовут, я схожу!

Ну, их звать-то там по-нашему-то Васька, Андрейка, а у них-то там, оне по-своему каргочат, ага. Мамка говорит:

— Но иди! Хочешь сходить — иди.

А воскресенье было. Я пошагал. Вот веришь, нет?! Мы вышли, через поле прошли, токо в лес зашли, как оне начали забегаться. Я это до сих пор помню! На лыжах стали забегаться. Я иду по лыжне, а оне по целику забегают, по чашие. Вот кода они быстро-то бегут, токо из-под ног-то снег летит. А у них лыжи ходкие, на шкуре лыжи-то ихни. А у меня деревенские лыжи, самодельные, с лиственницы сделаны. Вот я глаза вытарашил: дак я куда пойду? Оне-то по целику, по этой стороне бегут. Я разве убегу по целику, я

куда?! Ты чё?! Такая снежина! <...>. Всё, приходим. У них в юрте костёр горит и на улице костёр горит. Они варят, еду вот здесь готовят.

Брёвна таки натасканы, костёр уже горит, он, может, трое суток уже горит, не перестает, ага. И теперь, это, девчонка одна мне говорит:

— Счас мы хлеб состряпам.

Я глаза выпучил:

— А у вас где русская печка?

У нас-то мамка стряпат в русской печи. Ну, ладно. Смотрю: там юрта, там юрта. Ну, наверно, я-то ещё думаю, ну, думаю, неужели уже русскую печку сделали? А оленей много-много. Олени — тут подходи к ним, гладь, ой! И тунгуски, взрослые девушки уже, может, семнадцать лет, тут же. И красивые есть тунгуски. Но они токо распутные. От них пахнет, у них запах свой же. Они же никогда не моются. Им же нельзя мыться-то. Если они мыться будут, они же замёрзнут <...>. Теперь тунгусам, этим парням, говорю, но ешиш посидел:

— Но чё, пойдёмте домой. Пойдёмте обратно.

Но посидели и пошли. Лыжи одеём, пошагали. У меня-то валенки, а у них-то унты. Унты оне же лёгоньки, у них же здесь лосина. Но потом, через лето на зиму мне таки же сшили, и сшила вот эта ихня баушка, тунгуска. Но вот всё, пришагали. И, ой, я давай рассказывать ребятам, говорю:

— Вот ребята, я там-то, там-то был.

— Да но-о, ты чё?! Чё, без русской печки как хлеб стряпать?!

Ничё, вот так, вот так рассказал:

— Так-так состряпали.

— Ай, врешь!

Кто поверил, кто нет. Вот так было, у дружка гостевал.

Записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2009 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Коновалова Анатолия Ильича 1940 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 81–85.

18. *А Дураковка вот речка тут. Речка, так она и осталась по названию Дурака — порога этого. Вот, так и она и осталась Дураковка. Здесь эвенки жили по этой реке. Ну, потом это всё искоренилось. Они жили, эти эвенки, тунгусы, вот они с Чуны, с Бирюсы, по всему. Вот у их стоянка Бурный была, потом другая стоянка Кирсантьево была, видимо. И оттуда было Устье, от Устья Михалёво, и с Михалёво они шли прямо в этот, в Казачинск, там дорога есть, тропа. А с Казачинска в Енисейск.*

Записано в д. Бурный Мотыгинского района Красноярского края в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Семушина Петра Петровича 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 130.

19. *Авенки оне так-то народ дружелюбый, гостеприёмные. Но вот обмана не любят. У нас знакомы были, и у них двое ребятишек или трое ли было. Мы к имям за ягодам всё ездили. Мне было тогда четырнадцать лет, а им, может, лет по тринадцать, девочка и два мальчоночка. Но а оне чё, сядут чай чифирят, авенки эти, а мы же то время не знали, что такой чифирья. Долго сидят. А я пойду. Но а там горы. А таки ягоды... красиво вот так висят (смороду всё брали там). Пойду, быстро наберу, приду опять, оне довольны. Я пятнадцать вёдер как-то набрала за четыре дня. Так там она висит без листьев. Но и оне накормят меня. А когда приехал брат:*

— *Зина, ты ондай всю ягоду, мы возьмём токо два ведра себе, а остальные им отдадим, как на сдачу.*

А они меня так полюбили:

— *Ходи к нам, ходи, — авенки-то.*

Если я которую неделю не приду, оне так на меня обижались. Очень умные оне. Но их не надо обижать ни в чём. Вот если она тебе тайну рассказала, ты не должен её никому открыть, никому.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Баковой Зинаиды Ивановны 1943 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 70–71.

20. Инф.: *У нас други были среди тунгусов. И вот оне всегда приезжали в деремню в нашу и у нас стояли. Вот тунгус ездил, друг, и сама тунгуска, и одна едет, оне к нам всё ездили. И у них колокольчики. Брякотня, значит, — о-о-о, ё-моё! Смотрят: она на первом сидит верхом на олене и едет, а все остальные — на них сёдла маленькие вот таки сделаны, самодельные сёдла тунгусы. По бокам у каждого оленя у седла привязано по сумке, у каждого. Я их встречаю. Едут, с лесу едут. А наш дом стоял у самого леса, медведи бродили вплоть. И вот тунгуска едет, приезжат к нам в огород, через огород и — в ограду. Приехала, всё, спрыгиват, первого привязыват, а эти друг за дружку все связаны, олени-то, все они стоят. А тунгусы-то уже на лыжах пришли, мужики-то, все пришли, а она привезла эти турсуки-то. Оне живо эти турсуки снимают и сразу в избёнку в нашу... <...>. И к вечеру нагрузилися, и она опеть верхом садится, тунгуска. Эти все, всех связали в ограде вот так (ограда больша), всех связали, и всё. И они пошагали. Но она тронулась со стадом, а тунгусы остались. Они потом самогонку у нас стали пить. Вот тут табака много, мамка им давала, другам-то. Но оне везли мясо, оленину.*

Собир.: *Русские брали у них мясо?*

Инф.: *Русские брали, да, оленину-то. Оне нам своё, мы им своё. Друг друга выручали. Вот и были вот эти други-то. Только у нас останавливались, меняли.*

Записано в с. Березняки Нижнеилимского района Иркутской области в 2006 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Коновалова Анатолия Ильича 1940 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 64–65.

21. Инф.: *В Гаврильевской, там жили Евгеновых. Дед Евген жил, Евгений, потом дед Егор. Дед Егор тоже, тоже из еванок <...>. Это еванки тоже были.*

Собир.: *Мария Вуколовна, а у Егора какая фамилия?*

Инф.: *А Егора тоже, однако, всё колпачата назывались. Колпачата, колпачата. Вот и чичас ещё здесь есть отрывок колпачат. Ну, вы, Мочалину-то Веру знаете? Вы были у ей, у Веры Мочалиной. У Веры у Мочалиной зять — отрывок от колпачат от этих. Санька, Санька, зять. Двое у её внучат ешио от его, от этого от Сашки. Алёшка, Андрюшка, Колька. Оне всё говорят:*

— Здорово, — (мы свои шишитались, родня тоже), — здорово, Колпачиха! Чё не разговаривашь? Заелася?! Богачка стала! Вышла из тунгусов — обходишь, не разговариваешь с нам.

Смех и грех! Много-много было там. Тимофей один был, звали Тимофей, егоровски были, отрывки-то все у их были тангусы.

Записано в с. Карабула Богучанского района Красноярского края в 1985 г.
Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Марии Вуколовны 1923 г.р. // Афанасьева-
Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014.
Т.15. С. 258.

22. *Это рассказывали, был Ерошка-тангус, он на лыжах бегал как летел, говорят, быстро бегал. Так он побежит, у нас бабушка тоже рассказывала, что всё поднимается вот так. Он привяжет, здесь поняга же, ремня-то не было раньше, опояски носили. И вот так поднимался, как побежит на лыжах!*

А лыжи-то были охотничьи, не такие, таких же не было лыж <...>. Ноги не доставали земли. Быстро бегал. Вот с ним Фёдор Фёдорович Кузнецов, он жил на Дёшимой. От Червянки едешь, сразу Берёзова речка, там барак стоял. Это мы уже ездили в обозы. А потом едешь, а тридцать пять вёрст, тридцать три до Дёшимы, речка большая, хорошая. Там Фёдор Фёдорович жил. Вот он охотился с ним.

Записано в с. Червянка Чунского района Иркутской области в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюханова Григория Петровича 1929 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 373–374.

23. Это был колдун, тангус Ерошка. Но я его не видела, мама рассказывала. У кого-то коня украли, в Червянку угнали этого коня, от нас в Червянку. И этот мужчина пошёл к этому Ерошке, мол, кто-то украл у меня коня, как узнать. Он гыт:

— Ну, пойдём.

Вывел его на улицу, так вот лес, гора.

— Видишь, вон там на коне едут.

Там до Червянки почти сто километров. Он гыт:

— Вижу, он правда едет.

— Стреляй!

Он выстрелил. Правда, этот мужик. Он не в него, но убил. Был такой шаман какой-то, я не знаю. Ерошка. Мама же рассказывала.

Записано в пос. Ново-Балтурино Чунского района Иркутской области в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Саламатовой Анны Тимофеевны 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 374.

24. *А про охоту опять получилось тоже так же. Один охотник добил зверя. А тангус по соседству охотился и как-то забежался, и... а он слышал, собаки-то лаяли, он на звук этот прибяжал:*

— Ой, Исаюшка, дай мне на жарёху мяса. Я исти хочу.

— Иди-иди-иди-иди, — тот сматерил его, прогнал, не дал ему на жарёху мяса.

Тангуса прогнал, но и всё. Тот чё-то сделал с ним, и у этого ружжо не стало стрелять назавтре, и собаки не стали лаять на белку — всё изуродовал. И тот решил идти к тангусу:

— Всё, мол, тангус чё-то сделал мне.

Пришёл к избушке там:

— Но прости меня, что я тебе мяса не дал. Восстанови мне это всё.

— Вот, — гыт, — не надо жадничать. Пожалел ты от зверя, килограмм там мяса. Но иди домой обратно.

И всё. У этого собаки залаяли и ружжо застреляло. А то он стрелит, и всё нимо, всё не может белку добыть.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Степана Кондратьевича 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.15. С. 406–407.

25. *Инф.: Здесь, девки, приезжали тунгусы (ране-то шибко с Катанги приезжали), ну и с одного оленя сняли ботало. И тунгусы же в этой улице собрались и говорят:*

— Ребята, кто снял ботало, отдайте, а то всё рамно доганивать будете.

Ну и никто не говорит. И потом тунгусы поехали. И который украл, забегал и даже на себя хомут задевал. И их за двадцать пять километров ночью догнал там и утаашил ботало.

Собир.: Это кто, бабушка, догнал?

Инф.: Никифор был, он был ещё молодой. Эвот дом сейчас его сына, и мой сын живёт тут тоже <...>.

Собир.: Так он тунгуса, Ксения Ефимовна, догонял и украл это торбало?

Инф.: С чего? Торбало-то здесь снял, как они были. А тунгусы-то говорили, что кто украл, отдайте, а то побегите за нам. И он той же ночью убежал <...>.

Собир.: То есть они так сделали, что он стал бежать.

Инф.: Они так сделали, да.

Собир.: Побежал отдавать это торбало?

Инф.: Хомут отдавать. Они и говорили, что, кто взял, побежит.

Собир.: И так и случилось. Воровать нельзя было у тунгусов.

Инф.: Нельзя.

Собир.: А с ними же вообще не ссорились, да?

Инф.: Не ссорились, никого.

Записано в с. Яркино Кежемского района Красноярского края в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуевой Ксении Ефимовны 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. Л.Л. Касаткин, С.А. Мызников. Иркутск, 2014. Т.14. С. 163–164.

26. Собир.: А о тунгусском метеорите не слышали?

Инф.: Бабушка авенка рассказывала, за сколь там дней, говорит, шаман всех созвал, всех тангусов, говорит:

– Уходить надо, – говорит. – Тяжело будет.

И вот, знаешь, за день до этого все, говорит, оленчики убежали. Ну и потом этот упал на землю, камень огненный упал, говорит, аж земля, говорит, вздрогнула. А мама моя, у нас даже ребятишек было много, мама выскочила из избы, на землю всех малых уронила и собой закрыла. Стёкла, говорит, всё выбило.

Огонь говорит, с неба летел, вот авенка рассказывала, их Бог огненный, взрыв такой сильный был, а потом, говорит, сияние долго стояло.

А потом там которые авенки железо находили, ножи плавил. А там потом озеро стало, озеро Чеко, его раньше не было, там матера была, тайга была, там тятя мой беличал, белок много было, добывал. А потом озеро образовалось.

Записано в с. Таежный Кежемского района Красноярского края в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Аксеновой Марии Ивановны 1922 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.5. С. 219.

27. А тунгусы, оне здорово шаманы были, они и счас шаманы. У нас был случай, вот где-то в эти годы, в шестидесятых годах, где-то тут. Одна тунгуска с мужиком приехала в Яркино. Но а по вечерам ходили гуляли, всё. А мужик, гуляли вместе. А у него была белошная шапка, у этого-то у Мишки, Мишкой же звать его. Но а кого?! Придёшь на гулянку, бросаешь шапки, телогрейки – всё там, и никто ни у кого не ворует. Но и прикарманили эту белошную шапку. Хватилась – нету. Искали-искали – никто не отдаёт шапку. Ноа потом уволились оне со временем.

– Но, – говорит, – кто шапку украл, не в паз будет. – Я, – гыт, – до тяти доберуся <...>.

И он там, значит, чё-то сделал, и эта женишина, которая украла, её парализовало. Ага. Парализовало её, отнялась рука, молва. Худо стала говорить. Она поняла тоже – и шапку в охапку и туды уехала. Извиняться. Но и шапку отдала. Старик говорит:

– Но как ты сейчас есть, така и будешь. Хуже не будешь. А если бы... – говорит. – Ты счастлива, что ты приехала. Если бы ты не приехала, тебя бы искорёжило, и всё.

Вот как было. Повлияло на неё – така осталась.

Записано в с. Заледеево Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Степана Кондратьевича 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2008. Т.3. С. 160.

28. Инф.: *Тунгусы были, но мало – они дальше жили, тунгусы. На Бродовой, вот там тунгусы жили. Вот там оне, на Бродовой на этой и жили. У них как-то отдельно было, у тунгусов.*

Собир.: Ну, они приходили в деревню, обменивали что-то, раньше?

Инф.: Это Костя у меня, он там жил у них, он доморощенный там, потому что его мать за тунгуса там выходила, вот оне на этой Бродовой и жили.

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 2007 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Афониной Дины Александровны 1939 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2009. Т.4. С. 331.

29. Инф.: *Раньше тунгусы приезжали, Варион-то, он всегда на квартире стоял, всё время, Варион Рукосуев. Хамада у него, старик-то, не дедушка, а Хамада.*

Собир.: *И где он останавливался?*

Инф.: *Ну, вот у Сямёна останавливались все. Дак а этого тунгуса-то Вариона, кто его не знат-то, Господи?! Четыре или чё ли у него бабы было. Тунгус этот жанился на четырёх бабах на русских: одна умрёт при родах – другу берёт. То в Кондратьево, то в Петропавловку съездит. На Дёшимой жил же он там, в Бродовой. Бродова и Дёшима, там тунгусы жили, у речки. Там тунгусы юртошные, юрты стояли у них там, потом избы начали строить. А У Вариона там изба, тунгусы там, полная изба на зиму собиралася, в яруса спали, двухатажно, полати.*

Записано в с. Выдрино Чунского района Иркутской области в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукосуева Семёна Ивановича 1920 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2009. Т.4. С. 331.

30. *Как его, кто не знат, он жил на Бродовой. Последний оттуда выехал Илларион Рукосуев, авенок. Елена, дочь его, она охотилась в шестьдесят лет, Елена Илларионовна, и покрывала мужиков по пушнине. До шестьдесят лет охотилась и умерла в Выдриной, тунгуска. Она без сохатины, вот эта Елена... Но им полагалось вроде как авенкам, вроде убивать даже без лицензии, дак она каждый год сохатых добувала. На коня сядет на свёго, через реку переплавится – и на Бродовую. Ночи две там ночует – всё! Сохатого везёт. Но талан был у них: добыть сохатого – это плюнуть для тунгусов. Она всегда добувала.*

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 199 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Шаманского Виктора Калиновича 1932 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2009.
Т.4. С. 332–333.

31. *А бродовские, оне же там все тунгусы, оне в Червянку к нам приезжали. На оленях приедут. Все бегут, смотреть все бегут. Оне черемши привезут. А в Червянке близео черемши нет, это надо ехать. А в колхозе куда? Посевная там – какая тебе черемша, кто тебя отпустит ехать туда. Ни лошадей, ничё не дадут. Вот они продавали пучками.*

Записано в с. Червянка Чунского района Иркутской области в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюханова Иннокентия Артамоновича 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2009. Т.4. С. 334.

32. *Я токо слышал, но, Ерошка-шаман, бродовской. А я его видеть не видел. К нему, говорят, приезжали в Бродову тунгусы разные, на оленях, братские тунгусы с Братска заезжали. Но он умел, говорят, шаманить-то.*

Записано в пос. Невонка Чунского района Иркутской области в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюханова Егора Панкратовича 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2009.
Т.4. С. 334–335.

33. *А там лодки большие таки, сплывали по реке, торговали там. Ну, выходили к этому времени, кода они плвуют с грузом эти лодки, а авенки выходят на стойбишиа, обмениваются: приносят продукты, мясо там, пушнину, а этот скупает у него за счёт товара, провианты, ружья, соль, хлеб, вино. Напоят их, они простеньки делаются. Авенки, они же падкие к вину, до сих пор. Спились все, выжились уж <...>. Ну, авенки же охотой жили,*

оленоводством, больше они ничем не занимались, но летом рыбалка вот ешио, себе поись добывали. И женски охотилися у их. Охотники же они хорошие, всю жизь в тайге живут, рожаются в тайге. С малых лет он охотник хороший, авенк.

Записано в с. Паново Кежемского района Красноярского края в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Савватеева Григория Ивановича 1933 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.7. С. 439.

34. А вот, знаете, случай был. Я сам видел, как охотятся по-авенски. Один на один <...>. Он подходит, ну, близко совсем:

– Ну, чё, Миса, – грит, – здравствуй!

Вот так лапу-то ему стал подавать, вот так шапку-то с себя, кепку-то, снял, говорит:

– На, – говорит, – возьми!

А медведь этим лапам-то вот так поймал. А он в это время его ножом-то как ткнёт, снизу вверх живот ему вспорол и сразу положил его. Оне же по-авенски охотятся, ножом. Ну, те там, а народу же стоко, все на палубу вылезли. Капитан ругатся:

– Пароход опрокинете! Переваливайте все на тот бок!

Вот поплыли, давай. Ну, чё делать? Постоял пароход немного, забрать же его надо, авенка-то, надо оснимать ли как ли его. Ну, оснимал, всё. Кто говорит:

– А мы мясо будем исти.

Ну, осняли, шкуру эту забрали. Он говорит:

– Я, – говорит, – не боюсь с медведями никогда, потому что при мне, – говорит, – всегда ножик. А обмануть медведя можно. Вот иди к нему, только

спокойно, у тебя ничего нету в руках, ничего, пустые руки. «Ну, Миса, – говори, – здравствуй», руку подавай ему, а в это время, – говорит, – снимай, – грит, – кепку, сапку ли, он вот так рукам, лапам-то её сразу берёт, эту кепку, а в это время ты его, ну, угадай токо в сердце сразу. Вот такой случай был.

Записано в д. Селенгино Кежемского района Красноярского края в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Заборцева Афанасия Фроловича 1906 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2007. Т.1. С. 166–167.

35. А тунгусы, они же духам всё молилися. Они вот такие тряпочки на деревьях вешали, чтобы вражков не напустили. И вешали маленькие богов своих вырезанных. Народ-то, чунари-то, называли их вражки. К тунгусам шли, чтобы они не напустили вражков на деревню, не испортили чтобы.

Записано в с. Выдрино Чунского района Иркутской области в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Каверзиной Марии Григорьевны 1931 г.р. // Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 391.

36. Фёдор-то какой вредливый, тангус! Он на неё говорит:

– Скипятила чай?

– Скипятила.

–Но наливай!

Нальёт, покушает – холодный. Он – раз! – в неё стакан с чаем выльет. Такой вредливый был дед, ой-ёй! На охоту ходил, рыбачил.

Записано в с. Бунбуй Чунского района Иркутской области в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Корниленковой Юлии Ванифатовны 1925 г.р. // Афанасьева-

Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.
В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2011. Т.8. С. 413–414.

**Устные рассказы коренных жителей
Верхнего и Нижнего Приангарья друг о друге
(Субконцепт «другие ангарцы» в ангарской лингвокультуре)**

1. *Всяки прозвишиа были. Заимски позевалы. Оне тянули:*

– О-о-о! – вот эдак.

Мы в дорогу ходили в Ванавару, приедут мозговские к тангусам, мы говорим:

– Эй, мозговски-круговы!

А оне грят:

– А вы болтуши, кежемски болтуши!

Записано в с. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1988 Афанасьевой-Медведевой Г.В. г. от Пановой Арины Андреевны 1918 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 153–154.

2. *Верховски далеко жили.*

– О-о-о, верховски вон едут.

А потом наш говор-то какой, отменный же. Вон в Знаменке, в Закаре – там же не так разговаривают. А мы-то, видите, как: упау, пришею. И мы в школе учились, я училась, нас так же в Знаменке глухарями звали, дразнили:

– Глухари прилетели.

Обзывали так.

Записано в д. Лукиново Жигаловского района Иркутской Области в 1998 Афанасьевой-Медведевой Г.В. г. от Дроздовой Серафимы Демьяновны 1927 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012 г. Т.10. С. 345–346.

3. *Лукиново называли глухарями, лукиновских, Верховских-то глухарями звали. Дак чё, вроде они «тятка», «мамка» говрили-то.*

Записано в с. Тимошино Жигаловского района Иркутской области в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Жучёвой Евдокии Евлампьевны 1912 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С. 346.

4. *Лукиновские оне глухари <...> верховишина, их всех там глухарями звали. Глухота же. Далеко от нас.*

Записано в д. Кайдакан Жигаловского района Иркутской области в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Машукова Михаила Никитича 1926 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012. Т.10. С. 346.

5. *Вот брундуки, брундуки – и пошли брундуки. Вот нас брундуками зовут, что припас делаем.*

Записано в с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зарубиной Анны Михайловны 1930 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В.М. Гацак, Ф.П. Сороколетов. Иркутск, 2009. Т.4. С. 354.

6. *По Аксёновой-то много ходили, нишиши-то, верховики говорели, что выше деревни, из Савиной ходили, к нам от приходила из Савиной в Аксёнову вот эта, Пети-то хромого Фрося-то, она с баушкой-то со своей в Пановой тут стояла, в Аксёнову ходила, по миру. Ходили из Мозговой, из Мозговой ходили. Немцев-ту кода пригнали, их же взяли с работы, экуировали (куда*

повяжут, почём знают, куда вязут их), а привезли-то их – голые, чё с собой захватили, тоже ходили меняли одёжу на хлеб.

Записано в пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области в 1983 г.

Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Брюхановой Людмилы Иннокентьевны 1921 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 299–300.

7. Инф.: *У нас с Усольцевой верховские всё пели:*

Сидел Коля на диване,

Чай горячий распивал,

Он не допил полстакана

За девчоночкой послал.

Он не допил полстакана,

За девчоночкой послал.

Ты, девчонка-раскрасотка,

Расскажи-ка свой секрет.

Ты, девчонка-раскрасотка,

Расскажи ты секрет.

Собир.: *Это какая песня, чья?*

Инф.: *Это тоже там, верховские. С Усольцевой, она выше Кежмы.*

Хороша песня, да всё забыли.

Записано в пос. Кежма Кежемского района Красноярского края в 1999 г. Афанасьевой-

Медведевой Г.В. от Сафоновой Анны Михайловны 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред.

В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010.

Т.6. С. 313–314.

8. Ага. *Самы хороши мужики были, ага. Собрали и в Кежму всех увязли в перьявозне, а там вверх конём их тянули. Но от оттуль опеть сообщили, что*

приезжает в Заимку, катер не зайдёт, а было пять илимок, ещё там вверхушину собирали: в Пановой да с Аксёновой там – отовсюль, всех их деревень, вверхушину, всех собрали мужиков, весь верх – пять илимок.

Записано в с. Недокуры Кежемского района Красноярского края в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Рукавишниковой Серафимы Иннокентьевны 1928 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2010. Т.6. С. 314–315.

9. Потом мама рассказывала. Пошли в тайгу, ну, сыновья-то, а дед-ка Фёдор их отвозил. А их собаки лису загнали. Должны-то они, хозяева, стрелять, а низовски каки-то шли и лису убили. И дедка Фёдор говорит имям:

– Зачем вы лису убили? Это мои собаки загнали.

Они зашли, его всего избил, старичонка.

Записано в д. Дубынино Братского района Иркутской области в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Дубыниной Валентины Романовны 1932 г.р. // Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2012.

Т.7. С. 171–172.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯ, ЛиРК
/И.В. Евсева /
« 16 » ноября 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

КОНЦЕПТ «ЧУЖОЙ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант

Е.С. Смирнов

Научный руководитель

д-р филол. наук, проф.

О.В. Фельде

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017